

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УШАКОВ Сергей Валентинович

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО
КОНФЛИКТА**

(на примере конфликта в Чеченской Республике)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Специальность:

23.00.02 - Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

Научный руководитель - доктор философских наук,
профессор АВКСЕНТЬЕВ В.А.

СТАВРОПОЛЬ – 2004

Введение	3
Глава I. Теоретико-методологические проблемы анализа этнополитических конфликтов	20
§1 Современные исследования этничности: мировой и отечественный опыт	20
§2. Этнополитический конфликт: основные теоретические концепции	43
§3 Социокультурные основания этнополитических конфликтов	65
Глава II Этнополитический конфликт в Чеченской Республике и его социокультурное измерение	87
§1 Геополитические факторы конфликта идеологий на Северном Кавказе	87
§2. Федерализм и национальная государственность Чеченской Республики: особенности этнополитического процесса	116
§3. Политологический анализ повседневной самоорганизация социальной жизни чеченского этноса	135
Заключение	154
Литература	159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Северокавказский регион в настоящее время отличается особым динамизмом этнополитических процессов, что обусловлено рядом объективных факторов. Среди них можно выделить важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав его населения, особенности современного этнорегионального развития, территориальные аспекты межэтнических взаимоотношений, комплекс проблем связанных со взаимоотношениями региона и федерального центра. Немаловажным фактором является также включенность Северного Кавказа в систему трансрегиональных этнополитических отношений.

Динамика северокавказских этнополитических процессов оказывает комплексное воздействие не только на региональное, но и на геополитическое положение страны в целом. По этой причине она приобретает повышенную актуальность и требует специального и всестороннего исследования.

Многие современные исследования по этнополитическим процессам на Северном Кавказе в целом и в Чеченской Республике в частности уделяют повышенное внимание сугубо ситуативным факторам. Недостаточный учет динамизма этнополитических процессов, узость теоретической базы, редукционизм, отсутствие должного внимания к многообразию социокультурных факторов, сосредоточенность на частных аспектах региональной проблематики и текущих событиях не позволяет углубить концептуальную основу проводимых исследований, что не способствует построению целостной модели развития этнополитических процессов в данном регионе.

Практика последних лет свидетельствует, что наряду с трудностями методологического характера, слабостью эмпирической базы и

несовершенством понятийно-категориального аппарата, современные исследования этнополитических процессов испытывают недостаточность концептуально-теоретических основ. Исследовательский интерес реализуется чаще всего в рамках традиционных подходов, ограниченность которых проявляется в разобщенности этнополитических проблем на ряд самостоятельных и редко соприкасающихся друг с другом исследовательских сфер, при том, что специфика и сложность изучаемого предмета требует именно комплексности его рассмотрения. Директор Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишков так характеризует сложившуюся ситуацию: «Местные специалисты часто увлечены историко-культурными и идеологическими спорами, узкогрупповой комплиментарностью или страдают недостатком кругозора и опыта в анализе актуальных проблем общественной жизни. «Центральная» наука грешит политической ангажированностью, схоластикой и радикализмом, предлагая порой утопические схемы или откровенные интеллектуальные провокации. Среди зарубежных экспертов или доминирует политический заказ тех, кто дает деньги на исследования, или установки диктуются инерцией холодной войны и эйфорией новых геополитических переустройств и нового соперничества»¹.

Указанные проблемы научного изучения северокавказской действительности, в частности ситуации в Чеченской Республике, предполагают необходимость разработки широкого междисциплинарного подхода в современной политической регионалистике. Поскольку ни одно из возможных традиционных объяснений причин, сущности и содержания чеченского кризиса изначально не является исчерпывающим, то совмещение различных проблемных граней существенно расширяет спектр исследовательских возможностей, но требует в свою очередь изменения или разработки новой

¹ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под редакцией

исследовательской парадигмы. При этом рассмотрение феномена этноса, социокультурных детерминант возникновения и развития этнополитического конфликта, механизмов его социокультурной динамики представляется необходимым, как в теоретическом, так и в практическом отношении.

В современных исследованиях изучение этноса и этнополитического конфликта как социокультурного феномена представлено еще не достаточно полно. Исследование социокультурной обусловленности этнополитического конфликта позволяет углубить рефлексию в политологическом познании, в трактовке и понимании происходящих этнополитических процессов. Исследование этноса и этнополитического конфликта как социокультурного феномена способствует экспликации механизмов взаимодействия всей общественно-политической жизни этноса, обоснованию путей достижения общественно-политического консенсуса.

Степень исследованности проблемы. Социокультурная парадигма анализа политической реальности формировалась в течение второй половины XIX - XX вв. в рамках социологии культуры (М. Вебер, Э. Дюркгейм)², культурной антропологии (А. Кребер, Б. Рут, . П.П. Эванс-Причард)³, системно-функциональной теории (Т. Парсонс⁴ и Р. Мертон⁵), теории символического

В.А. Тишкова. М., 1999.- С.7.

² Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990; Дюркгейм Э. Метод социологии / Западно-европейская социология XIX-начало XX веков / Под ред. В.И. Добренкова. – М., 1996.

³ Кребер Алфред Л. Конфигурации развития культуры // Антология исследований культуры Т. 1 – СПб.: Университетская книга, 1997. Бенедикт Рут Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры Т.1 – СПб.: Университетская книга, 1997.; Эванс-Причард Эдвард Э. Сравнительный метод в социальной антропологии // Антология исследований культуры Т. 1. – СПб.: Университетская книга, 1997.

⁴ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. / Американская социологическая мысль: Тексты /Под. Ред. В.И. Добренкова. – М., 1996

⁵ Мертон Р.К. Явные и латентные функции / Американская социологическая мысль: Тексты /Под. Ред. В.И. Добренкова. – М., 1996.

интеракционизма (Д. Мида⁶), и нашла своё отражение в трудах зарубежных политологов Г. Алмонда, С. Вербы, Ж.-М. Денкэна, М. Догана, Л. Пая.⁷

В отечественной политической науке в последние три десятилетия сформировалось собственное социокультурное направление в изучении политики. Ученые К.С. Гаджиев, А.И. Соловьев, Ю.С. Пивоваров,⁸ объясняют специфику российского политического процесса через культурные детерминанты, которые определяют строение, механизмы развития и форму политических явлений.

К числу наиболее разработанных в последнее время отечественных социокультурных концепций относятся исследования А.С. Ахиезера⁹. Его концепция дает последовательное, системное описание социокультурных механизмов динамики общества, а культура рассматривается как специфическая сфера реальности, имеющая первостепенное значение для понимания механизмов исторической деятельности – от воспроизводящей общество и государственность до формирующей повседневность. Исследуемая проблема (социокультурная методология), нашла свое отражение в работах А. Моля¹⁰ Б.В. Бирюкова и Л.Г. Эджубова¹¹, а также и др.

⁶ Мид Дж. Интернализированные другие и самость / Американская социологическая мысль:Тексты /Под. Ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.

⁷ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992.; Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. 1997. №6.; Дэнкен Ж.-М. Политическая наука. – М., 1993.; Доган И. Легитимность режимов и кризис доверия // Социс. 1997. №9.; Пай Л. Политическая коммуникация // Политология: краткий тематический словарь. – Вып.1. – М., 1992

⁸ Гаджиев К.С. Политическая наука М., 1994.; Соловьев А.И. Власть в политическом измерении // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки.1997. №6.; Пивоваров Ю.С. Политическая культура. Методологический очерк. М., 1994. Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М.,1997.

⁹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) Т. 1. Новосибирск: “Сибирский хронограф” – 1997.

¹⁰ Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973

¹¹ Бирюков Б.В. ,Эджубов Л.Г. Простое и сложное в социокультурологических концепциях // Вопросы философии. - 1996.- №12

Культурная антропология также концентрирует внимание на процессе взаимоотношения человека и культуры. Возникнув в европейской мысли XIX в., и окончательно оформившись в последней четверти XIX в., культурная и социальная антропология прошла путь от изучения примитивных культур к целостному исследованию современных обществ, в том числе и политической его составляющей (Л. Уайт, М. Салинс, Д. Бидни, Ю. Стюард, и другие)¹².

Среди классиков западной общественной науки, внесших наиболее значительный общетеоретический вклад в разработку методологических основ этнополитических процессов и проблем национализма, являются Б. Андерсон, О. Бауэр, Э. Геллнер, Д. Горовиц, Т. Гурр, У. Коннор, М. Манн, Дж. Ротшильд, Р. Ставенхаген, Э. Хобсбаум¹³ и др.

В 1970-1980-е гг. значительную долю отечественных исследований в области национально-этнических отношений составляла критика зарубежных теоретических концепций, что позволило советской научной общественности ознакомиться с состоянием конфликтологического знания в зарубежных исследованиях. Следует назвать прежде всего работы В.С. Агеева, Г.М. Андреевой, И.С. Кона, С.К. Рощина, Г.У. Солдатовой, П.Н. Шихирева, А.К. Уледова¹⁴ и др.

¹² Уайт Л.А. Экономическая структура высоких культур // Антология исследований культуры Т. 1 – СПб.: Университетская книга, 1997. ; Д. Бидни. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. Steward, Julian H. Theory of cultural change. Urbana Ill.: University of Illinois Press.

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / - М., 2001; Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Cambridge, 1996; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь.1992. №1.; Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.; Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского – М.: Праксис, 2002; Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against Ethnicity? / Ed. By G. Bachler. – Zurich, 1997; Hobsbawm E., Ranger T., eds. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. - Princeton, New Jersey , 1994.; Mann M. The Sources of Social Power/ Vol. I. Cambridge, 1986.

¹⁴ Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М., 1983.; Андреева Г.М. Социальная психология. – М.,1980.; Кон И.С. Социология личности. – М., 1967.; Солдатова Г.У.

В дальнейшем отечественная этническая конфликтология сложилась из нескольких школ и направлений, существовавших к концу 1980-х гг.:

Во-первых, это историки и этнографы, изучавшие этнические конфликты в зарубежных странах и накопивших немалый объем эмпирических знаний об этнических, этнорасовых и этноконфессиональных конфликтах в разных странах мира. Это работы Ю.В. Бромлея, Л.М. Дробижевой, В.И. Козлова, С.Я. Козлова, С.И. Королева, В.А. Тишкова, С.А. Токарева, Н.Н. Чебоксарова¹⁵ и др..

Во-вторых, это специалисты в области национальных отношений советского периода, которые обратились к изучению этнических конфликтов в силу резкого нарастания этнической напряженности и актуализации многих ранее латентных этнических конфликтов в обществе. В этом ряду необходимо назвать имена Ю.В. Арутюняна, Э.А. Баграмова, Т.Ю. Бурмистровой, М.Н. Губогло¹⁶ и др..

В-третьих, это психологическая ветвь отечественного обществоведения. В постсоветский период многие из представителей психологического знания в этнологии внесли ценный вклад в развитие этнической конфликтологии, в

Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.; Шихирев П.Н. Динамика и особенности современного этнического конфликта // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып.10. – М., 1995.; Шихирев П.Н. Проблемы исследования межгрупповых отношений / Психологический журнал. – 1992. – Т.13 - №1.; Уледов А.К. Общественная психология и идеология. – м., 1985.

¹⁵ Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987.; Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений. – М. 1980.; Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М., 1969.; Козлов В.И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии // Советская этнография. – 1983. - №2.; Королев С.И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. – М., 1970.; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.; Токарев С.А. История зарубежной этнографии. – М., 1978.; Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. – М., 1985.

¹⁶ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. – М., 1987.; Баграмов Э.Я. К вопросу о научном содержании понятия «национальный характер». – М., 1973.; Бурмистрова Т.Ю., Дмитриев С.А. Дружбой сплоченные: культура межнационального общения в СССР. – М., 1986.; Губогло М.Н. Национальные процессы в СССР. – М., 1991.;

исследование динамики этнических конфликтов, выработку мер по снижению этноконфликтной напряженности и постконфликтной реабилитации (А.О. Бороноев, А.Х. Гаджиев, А.Ф. Дашдамиров, В.Н. Павленко, П.И. Смирнов и др.)¹⁷.

В-четвертых, это сформировавшееся со второй половины 1980-х гг. и в 1990-е гг. социолого-политологическое направление в отечественном обществознании (А.В. Дмитриев, Л.М. Дробижева, Ю.Г. Запрудский, А.Г. Здравомыслов, Э.А. Паин, Л.С. Рубан, Е.И. Степанов)¹⁸.

Ряд новых концептуальных положений и теоретических новаций о природе феномена этничности, основах устройства многоэтнических государств, государственного устройства России, стратегии и механизмах национальной политики выдвинут в книге В.А. Тишкова «Этнология и политика»¹⁹. включившей наиболее важные статьи автора последнего десятилетия. В них анализируется природа национализма, сепаратизма и экстремизма, принципы

¹⁷ Бороноев А.О. Нравственно-психологическое единство образа жизни советского народа. – Л., 1978.; Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. – Л., 1994.; Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские: характер и судьбы страны. – Л., 1992. Гаджиев А.Х. Социально-психологические проблемы марксистско-ленинской этнической психологии. – Махачкала, 1978; Дашдамиров А.Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Советская этнография. – 1983. - №2.

¹⁸ Дмитриев А.В. Конфликтность миграции: проблемы взаимоотношений мигрантов и резидентов / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.; Запрудский Ю.Г. Региональные конфликты: понятие и специфика Северного Кавказа / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.; Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997.; Паин Э.А. Пределы использования вооруженных сил в антитеррористических операциях, в зонах гражданских войн, межэтнических и межконфессиональных конфликтов / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.; Рубан Л.С. Развитие национальных языков и культур в контексте глобализации / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.; Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы / Центр конфликтологии Института социологии РАН. М., 1996.

утверждения толерантности и культуры мира, пути предотвращения конфликтов и насилия, даются оригинальные оценки общественных трансформаций в России с точки зрения социально-культурной антропологии. Значительный интерес представляет также монография В.А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)»²⁰, которая посвящена истории и социокультурной динамике чеченского общества в условиях вооруженного конфликта. В книге нашли отражение новейшая история, культура и семейно-родственные отношения чеченцев, формирование идеологии национализма и сепаратизма, анатомия заложничества и торговли людьми, эскалация насилия, характер политического режима в этом регионе.

Авторы книги «Антропология насилия» (Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков)²¹ сделали попытку осмыслить насилие как социокультурный феномен и проанализировали его на опыте народов России и Кавказа, выявив традиционные для них стереотипы насильственного поведения и воспроизводство этих поведенческих моделей в современной жизни.

Вкладом в разработку теории мобилизованной этничности является фундаментальный труд М.Н. Губогло²² «Языки этнической мобилизации». Замысел автора - познакомить читателя с двумя направлениями исследований. С одной стороны, в книге анализируются истоки, предпосылки и механизмы этнической мобилизации, показана неоднозначная и противоречивая роль элитной и творческой интеллигенции в использовании интегрирующей силы языка и других культурно-психологических явлений, символов и мифов в подъеме национального самосознания и в национальной консолидации. С другой стороны, рассматриваются некоторые принципы и подходы в изучении

¹⁹ Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Изд. Наука, 2001.

²⁰ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М., 2001.

²¹ Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. Спб.: Изд. Наука, 2001

²² Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М., Изд. Наука, 2001.

двуязычия и элементов этнической идентификации, благодаря которым становится возможным осмысление сущности и значимости этнической мобилизации, а также ее влияние на формирование этнополитической ситуации.

С новейшими этнографическими, политологическими и социологическими материалами знакомит регулярно выходящий в свет коллективный сборник «Расы и народы». В статьях одного из последних - Вып. 26. (Отв. ред. С.А. Арутюнов, Ю.Д. Анчабадзе²³) рассмотрены актуальные проблемы современного этнополитического и этнокультурного развития народов Северного Кавказа и Дагестана, даются прогностические оценки перспективной динамики ситуации. В частности, представлен концептуальный анализ последних событий в Чечне и высказаны предложения урегулированию конфликта.

В сборниках под ред. В.Н. Басилова и Б.Р. Логашевой «Ислам и народная культура», «Этнос и религия»²⁴ рассматриваются многообразные связи между религией и культурой у народов мусульманского мира в прошлом и настоящем в таких сферах жизнедеятельности общества как религиозная практика, искусство, семья и др. Рассмотрено влияние мусульманской идеологии на образ жизни, духовную и материальную культуру народов, традиционно исповедующих ислам.

Работа «Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России» под ред. Л.М. Дробижевой²⁵ посвящена смысловому наполнению межкультурных различий и этнических границ, в ней выявлены маркеры этнических границ и их значение, выделены объединяющие ценности для народов России на современном этапе и «зоны согласия» в политических и

²³ Расы и народы. Вып. 26. / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Ю.Д. Анчабадзе. М.: Изд. Наука, 2001.

²⁴ Ислам и народная культура. Отв. ред. В.Н. Басилов, Б.Р. Логашова. М., ИЭ РАН. 1998.; Этнос и религия. Отв. ред. Б.-Р. Логашова. М., ИЭ РАН. 1998.

²⁵ Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., Изд-во Ин-та социологии РАН. 1998.

социальных ориентациях между национальностями в республиках, установлено сходство в «зонах согласия» по жизненно важным проблемам на региональном уровне, подчеркнута значимость языка как одного из факторов этнической границы и психологических реалий в возрастающем чувстве этнической солидарности у русских.

Геополитические аспекты этнополитических процессов на Северном Кавказе и Каспийского региона подробно рассматриваются в работах К.С. Гаджиева, С.С. Жильцова, И.С. Зонна, Н.П. Медведева, А.М. Ушкова²⁶ и др.. Книга К.С. Гаджиева посвящена актуальным проблемам геополитики Кавказа, где впервые предпринята попытка комплексного исследования национальной безопасности России и ее отношения со странами региона. Анализируются вопросы идеологии и религии (национализм и ислам), их влияние на политику государств.

К настоящему времени на юге России, в зоне повышенной этнической конфликтности сложились несколько региональных школ этноконфликтологии.. В Ростове это исследования Л.Л. Хоперской и Г.С. Денисовой²⁷; в Ставрополе – научная школа профессоров А.В. Авксентьева и В.А. Авксентьева²⁸; исследования С.В. Передерия и М.А. Астварцатуровой. В Краснодаре – исследования В.М. Юрченко, М.В. Саввы²⁹. Конфликтологические направления

²⁶ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001.; Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М., 2003.

²⁷ Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Концепция этнической субъектности. Ростов-на-Дону, 1997.; Денисова Г.С. Русское население Северного Кавказа: динамика статусных позиций и социальное самочувствие // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.

²⁸ Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь, 1988; Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.

²⁹ Юрченко В.М., Кольба А.И. Государство как медиатор этнополитических конфликтов на Северном Кавказе / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.; Савва Е.В. Этнический и этнополитический конфликт: проблемы построения

сформировались в Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии (А.Б.Дзадзиев, В.Д.Дзидзоев., А.Б. Плиев С.И. Эфендиев, Ф.С. Эфендиев³⁰). В Карачаево-Черкесии это научное направление, возглавляемое В.Ш. Нахушевым³¹.

Вместе с тем, определенные аспекты заявленной в диссертации проблемы остаются недостаточно изученными. Это, прежде всего проблемы рассмотрения этнополитического конфликта как социокультурного феномена, механизмов его социокультурной обусловленности и социокультурной динамики, в связи с чем, представляемая работы носит отчасти инновационный характер, восполняет сложившийся пробел в исследованиях.

Объект исследования:

Объектом исследования выступает этнополитический конфликт как социокультурный феномен.

Предмет исследования:

Предметом исследования являются механизмы социокультурной детерминации и динамики этнополитического конфликта, показанные на примере конфликта в Чеченской Республике.

Цель и задачи исследования: рассмотреть этнополитический конфликт как социокультурный феномен на примере конфликта в Чеченской Республики. В этой связи в диссертации поставлены следующие конкретные задачи:

теоретической модели. / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002

³⁰ Эфендиев Ф.С. О толерантности горцев Северного Кавказа (взгляд культуролога) / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.

³¹ Нахушев В.Ш. Основы позитивного межнационального диалога и субъект-субъектных отношений этнонаций / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.

- проанализировать теоретические аспекты традиционных подходов к анализу этноса и этнополитического конфликта, сложившиеся в зарубежной и отечественной этнологии к настоящему времени, показать их редуционизм, ограничивающий понимание этнополитического конфликта, в силу сведения реального многообразия факторов, влияющих на его динамику, к какому-либо одному основанию;

- провести анализ понятийного аппарата, используемого при изучении этноса и этнополитического конфликта как социокультурных феноменов;

- обосновать возможность «нормального» существования плюрального, не системного, не целостного социокультурного мира этноса, для чего следует сформулировать новые исходные допущения о природе социокультурной реальности;

- представить социокультурную жизнь этноса как социально и пространственно сегментированное и фрагментарное динамическое поле, в котором выделяются макро- и микродинамический уровни - от геополитики до повседневности;

- показать роль геополитической составляющей социокультурного поля этноса в конструировании этнократической идеологии в Чеченской Республике, эксплицировать внутренние интенции формирования идеологии «чеченства», раскрыть логику этнонационалистических и моноконфессиональных идеологий на Северном Кавказе в целом;

- оценить на примере Чеченской Республики роль традиционных институтов и структур власти, специфику их взаимоотношения с федеральными органами в условиях этнополитического конфликта;

- показать значение социально-культурной составляющей федерализма, призванного найти баланс между централизацией и разнообразием, в условиях набирающих темпы процессов глобализации и интернализации хозяйства;

- показать принципиальную роль концепта «повседневности» при анализе микродинамики этнополитического конфликта в Чеченской Республике, в частности проанализировать роль фольклоризации и мифологизации этнического самосознания чеченцев в кризисных условиях.

Методология исследования. Методологическим основанием исследования является социокультурный подход к анализу этнополитических процессов, реализующийся в выявлении механизмов социокультурной детерминации и динамики этнополитических конфликтов. На конкретных этапах исследования применяются конфликтологический (субъектно-деятельностный) подход к проблеме социокультурной обусловленности этнополитических конфликтов, системный, структурно-функциональный и сравнительно-политологический анализ, в отдельных случаях феноменологический и дескриптивный подходы.

Научная новизна работы определена тем, что этнополитический конфликт в Чеченской Республике не изучен в полной мере, а также тем, что сохраняющаяся динамика этого конфликта постоянно продуцирует новые феномены, требующие адекватного и систематического научного анализа. В содержательном аспекте научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

- уточнены эвристические границы традиционных подходов к анализу этнополитического конфликта и показано, что в основе этих подходов лежит принцип редукционизма при определении сущности и научном анализе данного феномена;

- обосновано положение о том, что этнополитический конфликт характеризуется изменением системы ценностей этноса относительно политических, экономических, социокультурных и других составляющих полиэтнического общества;

- выявлены особенности этнополитического пространства, характеризующегося как институциональными отношениями, так и определенными социальными ожиданиями, культурными и идеологическими установками;

- показано, что отличительной особенностью религиозно-политического терроризма в регионе выступает то обстоятельство, что он теснейшим образом связан с терроризмом национально-этнической направленности, который нередко использует «исламское прикрытие», а определение идейно-политической базы, форм и методов деятельности «радикальных исламистов» в немалой степени происходит под внешним воздействием;

- обоснован тезис о том, что наличие противоречий между традиционным правовым устройством Чечни и федеральным законодательством свидетельствует о необходимости более гибкого подхода к вопросам правовых систем в сложном по культурному и религиозному составу населения государстве;

показана эвристическая ценность обращения в политологическом анализе к феномену «повседневности», позволяющему выявить связь архетипических установок национально-этнического сознания чеченцев с мотивацией и политическим поведением чеченского народа в условиях этнополитического конфликта.

Положения, выносимые на защиту:

1. Многоуровневая социокультурная модель этнополитического конфликта предполагает, что социальные и культурные процессы порождаются не одним, а множеством факторов, обуславливающих динамический характер этнополитического пространства, адекватный анализ которого возможен на основе принципа дополнительности. Этнополитический конфликт с позиций социокультурного подхода должен рассматриваться как сложносоставной

социальный конфликт, формирующийся на пересечении многих уровней и векторов социальной конфликтности.

2. Этнополитический конфликт является одним из возможных, но не обязательным результатом проявления этнической общностью своих адаптивных способностей, выход из которого предполагает выявление постоянных и переменных социокультурных факторов, влияющих на динамику этнополитических конфликтов, что позволит наиболее точно анализировать их в зависимости от места, времени и других составляющих конфликтного процесса.

3. Механизмы социокультурной динамики этнополитических процессов обнаруживаются при разведении концептов «системного мира социума» и «жизненного мира этноса», позволяющем показать, что внутри системы социальных отношений всегда существуют «несистемные» элементы, и, если система не выполняет своих функций и происходит ее разрушение, то подобные «несистемные» элементы могут порождать изменения, создавая новый структурный порядок для решения социально значимых проблем.

4. Новая социокультурная ситуация современного этапа развития российского общества сделала невозможной монополизацию политической системой одной идеологией, что привело к выдвиганию на первый план множество частных идеологий, а на Северном Кавказе, в силу его этнического и конфессионального многообразия – националистических и этнократических доктрин, являющихся выражением ценностного конфликта в условиях политизированной этничности.

5. В Чечне сфера политики четко не отграничена от областей общественных и личных отношений, поэтому принадлежность к тому или иному вирду и тейпу, верность тому или иному тарикату играет определяющую роль не только в религиозной, но и в политической ориентации чеченцев. В

связи с этим в Чеченской Республике, возможно эффективное взаимодействие государственной и традиционной правовых систем при последней как дополняющей.

6. Анализ микродинамики чеченского общества, структур повседневности позволяет увидеть процессы функционирования различного рода социокультурных объектов: тейповых образований, адатов, этнополитических мифов, традиций, обычаев чеченского народа в их синкретическом единстве в практике обыденной жизни и влиянии этого социокультурного комплекса на поведенческие установки в период этнополитического конфликта.

Теоретическое значение диссертации состоит в доказательстве тезиса о социокультурной обусловленности этнополитического конфликта, показе механизмов его социокультурной динамики, и, таким образом, развитии методологической базы для исследования этнополитических процессов.

Практическое значение диссертации состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации и Чеченской Республики для решения задач укрепления конституционного порядка в Чечне, стабилизации чеченского общества, налаживания продуктивного диалога между различными этнокультурными группами, проживающими в районе этнополитического конфликта, в разрешении других этнополитических конфликтов, в практике межнациональных отношений в целом.

Материалы диссертации могут быть использованы государственными и муниципальными органами для предотвращения этнических и этнополитических конфликтов в других регионах РФ.

Материалы диссертации также могут быть использованы в учебном процессе в преподавании учебных курсов политологии в высших учебных заведениях, специальных курсов по этнополитической конфликтологии, в

разработке новых спецкурсов в рамках национально-регионального компонента ГОСВПО.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета.

Диссертационное исследование прошло апробацию на региональных научно-практических конференциях “Экономические и социально-гуманитарные проблемы развития Северо-Кавказского региона в новом тысячелетии”. Пятигорск, ноябрь 2000 г.; “Духовно-гуманитарные и правовые проблемы общественного развития” Пятигорск 2001

Основные положения диссертации доложены автором на теоретическом семинаре кафедры гуманитарных дисциплин Пятигорского института экономики и управления “Актуальные проблемы социокультурной методологии исследования духовных феноменов” (май 2002 г.), центра кавказоведения Пятигорского института экономики и управления «Актуальные проблемы современного кавказоведения» (май 2003 г.)

По теме диссертации опубликовано 6 работ общим объемом 5 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов и заключения. Общий объем 178 страниц машинописного текста. Список использованной литературы составляет 232 позиции.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

§1. Современные исследования этничности: мировой и отечественный опыт

Политологический анализ этнополитических конфликтов предполагает экспликацию базисных теоретических положений, выступающих основаниями подобного исследования. Данные понятия должны быть рассмотрены в политологическом ключе, поскольку именно он позволяет реализовать теоретическое единство исследования. В данном случае к числу основных теоретических концептов выступает понятие этничности. Выявление содержания понятие этничности, позволит вскрыть специфику этнополитического конфликта как социокультурного феномен.

Эвристической ценностью при исследовании феноменов этничности и этнополитического конфликта в полной мере обладает антропологический подход. Антропология является одной из традиционных областей знания, которая занята изучением этноса и всего спектра проблем, связанных с этим явлением. Большим разнообразием в подходах к изучению внутренних механизмов существования этноса в контексте социальной и культурной антропологии обладает вторая половина XX столетия. «На протяжении многих лет «этничность» является ключевым понятием антропологии и социологии, но, тем не менее, по-прежнему представляется не ясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями»³². Современное состояние антропологической мысли заключается в том, что культурная антропология стремится быть в большей степени исторической наукой. По словам Д. Бидни:

³² Bonks V. Ethnicity: Anthropological Constructions. London - New-York. 1996. - P. 182-183.

«серьезный теоретический и практический вклад в изучение человека внесут лишь те историки культуры, которые опираются на фактический материал и исследуют этноисторические функции конкретных элементов и институтов культуры в контексте их времени и места... И культурантрополог, и этнолог адекватно осмыслят свой материал, лишь соединив оба подхода в этноисторическом функционализме, который оценивает культурные функции в исторической перспективе, а исторические культуры – как функциональные единства³³. Поэтому одна из задач этнологии состоит во включении социологической теории в антропологию, использование социологических знаний для объяснения функционирования этноса как социокультурной системы: «Сегодня многие этнологи задаются вопросом, имеет ли этнология будущее. Они видят дисциплину в состоянии дезинтеграции и фрагментации на множество поддисциплин и подспециальностей, из которых все подчеркивают свои отличия и уникальность гораздо в большей мере, чем единство. Имеет ли этнология будущее, в огромной мере зависит от того, будут ли фрагменты, на которые распалась дисциплина иметь какую-либо общую эпистемологическую базу»³⁴. Сложность этничности, ее системность, предзаданность, жесткая привязка к культурным и социальным контекстам, затрудняют ее однозначное определение. С другой стороны, сохранение определенной конвенциональности дает возможность использовать данное понятие в рамках самых разных наук, что способствует более глубокому прояснению содержания этничности и реализации потребности в точно зафиксированной дефиниции.

Англо-американские и отечественные авторы используют различные классификационные подходы и признаки для анализа этих концепций. В.А. Авксентьев перечисляет несколько основных: «Р. Липшуц выделяет пять

³³ См.: Д. Бидни. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С.418.

общих теорий этничности – биологическая, примордиалистская, воображаемого сообщества, защитительная, инструментальная; Д. Лейк и Д. Ротшильд сводят их к трем группам – примордиализм, конструктивизм, инструментализм; Дж. Рекс ограничивается обозначением двух концепций – примордиалистской и ситуационной, или инструментализм»³⁵. По мнению В.А. Авксентьева: «чтобы отразить современное состояние этнологии, все многообразные концепции этничности можно отнести к двум большим группам: «традиционные», в которых этнические группы рассматривались как реально существующие (независимо от способа их возникновения и признаков) и «нетрадиционные», или, наиболее корректно, «постмодернистские»³⁶. Биологическая концепция этноса предполагает, что этнические группы имеют, по крайней мере, имеют природно-биологические основы в виде человеческих популяций: «Мое утверждение очень просто: этнические и расовые чувства – это расширение родственных чувств. Этноцентризм и расизм, таким образом - расширенные формы непотизма... Существует общая биологическая предрасположенность для нашего вида, как и для многих других, - реагировать предпочтительно на другие организмы в той мере, в какой эти организмы соотносятся с действующим организмом»³⁷. Ч. Кейс считает, что: «этничность – это форма учета родства, в которой связь с предками или с теми, кто считается предками, не совпадает в точности с генеалогической линией»³⁸. По мнению К. Гирца, анализ, который должны вести этнографы и антропологи «представляет собой разбор структур сигнификации (structures of signification) поскольку создает

³⁴ P. Rabel and A. Rosman, p. 335. Цит. по: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.- С.24.

³⁵ Цит. по: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.- С.24.

³⁶ Там же. - С. 24-25.

³⁷ Van den Berger P. The Ethnic Phenomena. – New York, 1987. P. 18-19

³⁸ Kejes F The Dialectic of Ethnic Change // Ethic Change \ Ed. By Ch. F. Keyres. – Seattle, London, 1981. P.6.

впечатление, будто речь идет о работе шифровщика, хотя на самом деле эта работа подстать литературному критику - определение их социального основания и социального значения»³⁹. Таким образом, интерпретация - главное направление в поиске истины. Иной точки зрения придерживаются А. Кардинер, Д. Левинсон, Р. Линтон, А. Инхлес⁴⁰. Они отстаивают систему обще разделяемых поведенческих стереотипов. Семейная социализация личности является, по мнению, представителей этого научного направления наиболее значимой в формировании у человека восприимчивости к определенной культуре и сопричастности к этническому мировосприятию своего народа. Этническая культура, как и этническое сознание, достаточно консервативны. Специальные стереотипы, созданные народным сознанием, во многом определяют облик «модальной личности», ибо любой представитель народа является носителем целого рода этнообусловленных стереотипов, которые передаются их поколения в поколение. При этом необходимо учитывать историческую динамику системы стереотипов, опосредованной состоянием социальных отношений и институтов. Данное положение является принципиально значимым для анализа феномена этнополитического конфликта.

В результате при решении этих проблем были сформированы три основных подхода к феномену этничности и данная классификация с различными вариантами принята и в отечественной академической и учебной литературе: «Все эти теории сводят, как правило, к трем подходам к пониманию этнического феномена – примордиализму, инструментализму и конструктивизму»⁴¹:

³⁹ Geertz C. The Interpretation of Culture. New-York, 1973. - P. 3-30.

⁴⁰ Inkeles A. and Levinson D.Y. The Study of Modal Personality a Sociocultural Systems // The Handbook of Social Psychology. Ed. By C. Lindsey and E. Aronson. London, 1969, vol. IV; Kaidiner A. and Lipton R. The Individual and His Society. N.Y. Columbia University Press, 1945.

⁴¹ Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Суколоков А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М. 1998. - С.32.

- первый (примордиалистский) связан с пониманием этничности, прежде всего, как природно-биологического феномена. Например, П. Ван ден Берг предложил понимать этничность как следствие генетической предрасположенности человека к родственному отбору. Он отмечает: «солидарные группы являлись, по существу, примордиальными этносами. Таково эволюционное происхождение этничности – расширенная родственная группа. С прогрессивным ростом размера человеческих обществ, границы этноса становились шире... Потребность в определении коллективности более широкой, чем непосредственный круг родственников на основе биологического происхождения, продолжает присутствовать даже в современных массовых индустриальных обществах»⁴². В рамках такого подхода этничность понимается как нечто первично-исходное, соотносимое с эволюционно-генетическими процессами. Еще в работах Ф. Тенниса, которого считают родоначальником данного направления, этничность трактуется как родственная общность, характеристика человеческих сообществ, подчеркивающая взаимность, по отношению к которой вырабатывается идентичность и первичное символическое означивание членов данной общности, построенное на глубокой аффективной привязанности. Согласно В.А. Авксентьеву: «примордиализм» нельзя назвать ни научным направлением или школой, ни научной традицией, ни методологией»⁴³, поскольку в рамках «традиционных» концепций можно выделить целый ряд уже действительно школ, направлений, подходов.

- второй подход (инструменталистский) сложился под влиянием прежде всего политологических и социологических трактовок феноменов межэтнических отношений.

⁴² Van den Berger P. The Ethnic Phenomena. – New York, 1987. P. 18-19.

⁴³ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. С.25.

Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивают Л. Белл, А. Коэн, Дж. Окамура, М.П. Фишер, К. Янг⁴⁴. Инструментализм часто опирается на социально-психологические теории, в которых этничность понимается как эффективное средство для преодоления социального отчуждения, восстановления униженной национальной гордости, разрушенной национальной идентичности.

- третий подход (конструктивистский) берет свое начало в работах Ф. Барта – известного норвежского философа, культуролога и этнолога. Он определяет этничность как социальную идентичность, особую форму социальной организации, существующую за счет воспроизведения межгрупповых символов и топосов. В рамках такого подхода этничность трактуется скорее как своего рода социальный манипулятор, который связан не столько с культурной, сколько с социальной идентичностью. Такое понимание этничности привело к достаточно своеобразной ее дефиниции, подчеркивающей ее неопределенность, текучесть, ситуативность. Под этничностью стали понимать комплекс факторов (физическая наружность, наименование, язык, история, религия, национальность), которые определяют разделяемую идентичность для членов и не - членов группы.

По нашему мнению, результатом подобного рода монометодологического подхода явилось то, что все определения этничности подчеркивают какую-либо одну сторону данного феномена. «Примордиалисты» рассматривают этничность как объективную данность, своего рода изначальную характеристику человечества: «До того как индивид становится членом общества или нации, он или она уже обладают чувством общего происхождения, культурной или

⁴⁴ См: Coher A. Two - dimensional Man; Bell D. Ethnicity and Social change //Ethnicity: Theory and Experience. - P. 141-174; Okamura J. Situational Ethnicity // Ethnic and Racial Studies, 1981. - Vol. 4, ?4. - P. 452-465; Fisher M.P. Creating Ethnic Identity: Asian Indies in the New-York Area // Urban Anthropology, 1978. - Vol. 7., 3. - P. 271-285 и др.

физической схожести, или просто близости к своим»⁴⁵. Осознание групповой принадлежности как бы заложено в генетическом коде и является продуктом ранней человеческой эволюции, когда способность распознавать членов родственной группы была необходима для выживания⁴⁶. В своей крайней форме этот подход рассматривает этничность в социобиологических категориях как «расширенную форму родственного отбора и связи»⁴⁷, как изначальный инстинктивный импульс. Наиболее радикальные «примордиалисты» относят этничность, со всеми ее компонентами, к врожденным качествам человека. Эволюционно-генетические идеи лежат в основе этой теории и изложены главным образом в трудах У. Коннора, Р. Гамбино, К. Гирца, А. Прили, Г. Ван ден Берга⁴⁸ и др. Последний считал, что «с прогрессивным ростом размера человеческих обществ границы этноса становились шире, связи родства соответственно размывались. Однако потребность в коллективности более широкой, чем непосредственный круг родственников на основе биологического происхождения, продолжает присутствовать даже в современных массовых индустриальных обществах»⁴⁹. «Примордиалистский» подход в понимании феномена этноса достаточно часто используется при анализе этнополитических конфликтов, хотя его возможности явно ограничены

«Инструменталисты» видят в этничности лишь артефакт, который конструируется отдельной группой людей, где этничность ситуативна и

⁴⁵ Greenberg S. Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives. New Haven, 1980. P. 14.

⁴⁶ См.: Shaw P., Wong Y. Genetic Seeds of Warfare. Evolution, Nationalism and Patriotism. L. 1989.

⁴⁷ Van den Berghe P. The Ethnic Phenomenon. Norwich, 1981.

⁴⁸ См.: Geertz C. The Interpretation of culture. p. 255-310; Gambino R. Blood of My Blood: The Dilemma of the Italian - Americans. N.Y., 1974; Connor W. Eco- or Ethno-nationalism? // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1, ? 3. - P. 377-400.

⁴⁹ Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1985. - P. 35.

мотивирована. В сборнике статей «Этничность, теория и опыт»⁵⁰, этничность рассматривается как средство достижения групповых интересов. Так Г. Голборн отмечает: «этничность все чаще используется как общая, имеющаяся в достатке и универсально приемлемая валюта, когда группы или отдельные люди борются за ограниченные, конечные ресурсы. В то время как предметом этнического конфликта всегда являются конкретные и осязаемые материальные ресурсы, то в случае, если конфликт принимает неограниченный характер, его изначальное происхождение почти всегда исчезает из поля зрения»⁵¹.

Конструктивистское направление в зарубежной научной мысли представленное работами Б. Андерсона, Р. Бурдьё, Э. Геллнера, Э. Хабсбаума и других⁵², выдвигает на первый план идеологию и идеологов, которые вносят в сознание людей необходимые идеи, в результате чего формируется этничность. Так, в разрабатываемой Э. Эриксоном теории идентичности доказывается, что «формирование идентичности предполагает процесс одновременного отображения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают его в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждение о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с

⁵⁰ См.: Griger P. La caractérologie ethnique. Paris, 1965; Moorman M. Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // American Anthropologist. - V. 67, 1965. - P. 1226; Tajfel H. Social influence and the formation of national attitudes // Inter-disciplinary relationships in the social science. Chicago, 1969; Tajfel H. Aspects of national and ethnic loyalty // Social science information. Oxford-Edinburg, 1971. 79(3); Madariada S. Englishman, Frenchman, Spaniards. London, 1970; Orther S. Theory in anthropology since the sixties // Comparative studies of Society and History, 1984. - v. 26. - P. 126-166. и др.

⁵¹ Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. N.Y., 1985. - P. 35.

⁵² См.: Anderson B. Imagined Communities; Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983; Bourdieu P. Espace social of genese des classes. Actes de la recherche on science sociales. Paris, 1984, № 52-53. - P. 6; Геллнер Э. Нации и национализм. - М., 1991.

ними и с типами значимыми для него»⁵³. Иными словами, совпадение стереотипов индивидуального сознания и этнического сознания приводят к высокой степени отождествления индивида с этносом. В этой точке исследований пересекаются интересы ученых, разрабатывающих теорию идентичности кросскультурной психологии, в особенности его когнитивного направления, которое представлено Вудвортом, Гервином, Берри, Сигаллом⁵⁴ и другими. Мы считаем, что в современном зарубежном научном мире, несмотря на обилие школ и направлений, проблемы внутреннего содержания этноса остаются не решенными. Основной причиной этих проблем служит отсутствие междисциплинарного подхода, объединившего бы культурную, социальную, психологическую и биологическую суть этнического сознания, а также высокая степень идеологизации данного феномена. Именно такой подход в понимании феномена этничности будет являться продуктивным при анализе этнополитических конфликтов.

В русскоязычной литературе также не существует не то что общепринятых, но и более или менее адекватных толкований терминов, связанных с понятием «этнос» и производными от него. На этом основании некоторые из ведущих российских этнографов предлагает повременить с определением данной группы терминов: «То явление, которое обозначается термином «этничность» едва ли можно, по крайней мере, на определенном этапе развития науки, выразить посредством какой-то точной дефиниции. Пытаясь придумать такую дефиницию, мы скорее всего допустим ошибку, абсолютизовав одни стороны этничности и отбросив другие... И крайний

⁵³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. Общая редакция и предисл. Толстых А.В. - М., 1996. - С. 31-32.

⁵⁴ Woodworth R.S. Racial differences in mental traits. Science? 1910. - v. 31. - P. 171-186; Irvine S.H., Berry I.W. Human Abilities in Cultural Context. Cambridge, 1988; Segall M.H. Campbell D.T., Herskovitz M.J. The Influence of Culture on Visual Perception. Indianapolis; Bobbs-Merril, 1966 etc.

субъективизм, и крайняя онтологизация этничности и этноса в равной мере уводят от исследования существа проблемы»⁵⁵. К проблемам этничности в отечественной науке также подходят с различных позиций, что определяет наличие ряда методологических подходов и принципов, выявляющих природу и сущность данных феноменов. Их изучением одновременно занимаются психологи, этнологи, социологи, политологи и философы.

Ведущая роль в изучении становления и развития этноса, в любых этнических проявлениях, в изучении межэтнических отношений принадлежит этнологии и социальной антропологии. Уже в 1923 г. русский этнограф С.М. Широкогоров отметил, что «этнос является единицей, в которой протекают процессы культурного и соматического изменения человечества как вида, и осознает себя как группу людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни»⁵⁶. Социологическое направление рассматривает этнос как над-биологические общности, сформировавшиеся в ходе совместной деятельности человеческих коллективов, результатом чего сформировалась определенная общность культурных форм. Классическим в этом направлении является определение этноса Ю.В. Бромлея: «этнос... может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)⁵⁷. Этнические свойства, согласно Ю.В. Бромлею, (язык, культура, сознание) формируются только в соответствующих условиях - территориальных, природных, социально-

⁵⁵ Чешко С.В. Человек и этничность. // Этнографическое обозрение, 1994, N 6.- С. 40.

⁵⁶ См.: Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. - Шанхай, 1923.

экономических, государственно-правовых. На сегодняшний день эта концепция неоднозначно оценивается современными исследователями. С точки зрения авторов учебника «Этнология» под редакцией Г.Е. Маркова и В.В. Пименова, Ю.В. Бромлей создал дуалистическую трактовку этноса: «Исходный пункт этой теории состоит в том, что в этносе будто бы по-разному сочетаются, с одной стороны, так называемые собственно этнические свойства и характеристики (этнический язык, народно-бытовая культура, обрядовая жизнь, этническое самосознание, закрепленное в этнониме – самоназвании этноса), а с другой стороны, такие, которые рассматриваются преимущественно в качестве условий формирования и бытия собственно этнических элементов (природно-географические, территориальные, экономико-социальные, государственно-правовые и т.п.). В соответствии с этим делением этнос получает якобы двойную (дуалистическую) природу и как бы два смысла – узкий и широкий»⁵⁸. Поэтому, как отмечает В.В. Пименов, у Ю.В. Бромлея обнаруживаются для этноса в узком смысле и для этноса в широком смысле два разных термина – соответственно «этникос» и «этносоциальный организм». По нашему мнению, «дуалистическая концепция» – это сама этнология, и Ю.В. Бромлей, как классик этнологии, ближе всех своих предшественников подошел к осознанию неизбежности признания наукой этой двойственной сущности этноса.

Во внедрении этнической терминологии в современную этнографическую антропологию сыграли работы П.И. Кушнера, который подчеркнул особое значение самосознания как «этнического определителя»⁵⁹. Особое внимание он уделил тому факту, что национальное самосознание развивается из более примитивных форм сознания этнической общности и проходит в своем

⁵⁷ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М. 1983. С. 57-58.

⁵⁸ Этнология: Учебник. Для высших учебных заведений. – Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. – М., 1994. – С.7.

⁵⁹ Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1949, VIII. - С. 3.

развитии ряд этапов, соответствующих стадиям развития общества, т.е. он утвердил историчность национального сознания и самосознания. Этническое сознание определяется им как более широкое явление, содержащее в себе всю совокупность представлений членов этнической общности о своем и других этносах, включая социально-психологические установки и стереотипы: «Этническое самосознание есть часть этнического сознания, отражающее восприятие и представление индивидов о себе как представителях, определенной этнической общности»⁶⁰. Несмотря на большой охват, понятие этнического сознания появилось позднее, чем понятие этнического самосознания, которое в современной литературе стало заменяться термином «этническая идентичность».

Историческую обусловленность этнического самосознания как составной части этнического сознания подчеркивал С.А. Токарев, полагая, «что соотношение социальных связей порождает этническое самосознание»⁶¹.

Из множества определений этноса, выделяется определение, данное С.А. Арутюновым и Н.Н. Чебоксаровым., своеобразие которого заключается в том, что главным признаком этноса они обозначили не людей, а информацию, подлежащую обмену в межэтническом контакте: «Этносы, - пишут они, - представляют собой пространственно ограниченные «сгустки» специфической культурной информации, а межэтнические контакты - обмен такой информацией»⁶². Чаще же всего основной акцент среди этнических ценностей падает на народные традиции. Однако само понятие традиции столь же широко и разнообразно трактуемо, как и иные этнографические категории. Ни одна

⁶⁰ Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. - М., 1951. - С. 10.

⁶¹ Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. - № 11. - С. 53.

⁶² Арутюнов С.А. Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. - М., 1972. - С. 31.

этническая ценность, не статична, она эволюционирует, а этническое сознание представляет собой своего рода результат действий всех основных факторов, формирующих этническую общность. По мнению Н.Н. Чебоксарова «самосознание может быть многоаспектным и включать сознание принадлежности как к этносу, так и группам, стоящим таксономически ниже и выше»⁶³. Кроме того, различные уровни самосознания в разных исторических условиях могут проявиться с разной силой. На причины возникновения этнического сознания указывает А.Г. Агаев «Территория ..., язык..., хозяйство..., в сложном переплете исторических, социально-экономических, мировоззренческих, религиозных, этнических, этнографических условий в процессе консолидации и дифференциации смешения и растворения, взаимопроникновения, разъединения порождают сознание этнического единства народа»⁶⁴. Аналогичной точки зрения придерживается В.И. Козлов, отмечая, что «этническое самосознание возникает в процессе длительной совместной жизни людей под воздействием ряда факторов. Сильное воздействие на его формирование оказывает социальная среда, представление об общем происхождении и общих исторических судьбах и т.д.»⁶⁵. Помимо главного структурного компонента - осознания принадлежности к этносу, им были включены этноцентризм, этнические стереотипы, этнические симпатии и антипатии. Само этническое сознание воздействует на этнические процессы, их направление, темп, содержание. Оно может приглушаться, а может обостряться; может иметь как организованный, так и стихийный характер. Свообразием отличается подход к этой проблеме Л.Н. Гумилева. Возникновение самосознания, по его мнению, является свидетельством завершения процесса этногенеза. В своих трудах он демонстрирует социобиологическое понимание

⁶³ Там же.

⁶⁴ Агаев А.Г. К вопросу о теории народности. - Махачкала, 1985. - С. 37-51.

этноса, считая, что этносы - биологическая единица - популяция или система, «возникающие вследствие некоей мутации»⁶⁶. В процессе идеальной деятельности возникает коллективная энергия - пассионарность. (по Вернадскому – «культурная энергия» ноосферы). Основной постулат Л.Н. Гумилева заключается в том, что «пассионарность - это не биологический признак, а первоначальный толчок, нарушающий энергию покоя, - это появление поколения, включающее некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели»⁶⁷.

Исследовательская позиция Л.Н. Гумилева раскрывается и в следующем: «В этнических процессах участвуют два ведущих фактора: потеря инерции первоначального толчка - старение, и насильственное воздействие соседних этносов или других сил природы - смещение. Последнее всегда деформирует запрограммированный самой природой этногенез»⁶⁸. Ставка исследователей на «этническое самосознание» как определяющую характеристику этничности, на наш взгляд, является весьма плодотворной, поскольку позволяет через изучение ментальных процессов, посредством анализа символических форм идентификации и самоидентификации, фиксировать специфические черты того или иного этноса, позволяет предполагать возможные формы смыслообразования, посредством которых данным этносом воспринимается окружающий мир. Однако социокультурная методология, используемая нами, рассматривает саму ментальность как продукт социокультурной среды, которая,

⁶⁵ Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография, 1974. - № 2. - С. 81.

⁶⁶ Гумилев Л.Н. О термине "этнос" // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. - Л., 1967. - Вып. 3. - С. 14.

⁶⁷ Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа, 1978. - № 12. - С. 97

⁶⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л., 1990. - С. 280.

видоизменяясь в процессе истории, меняет и ментальные установки. Поэтому рассматривать «самосознание этноса» в качестве его ключевой характеристики, по нашему мнению, преждевременно. Это положение является важным и для анализа этнополитических конфликтов.

Если в зарубежной этнологии и социально-культурной антропологии этничность стала одной из доминирующих категорий с 1970-х гг., когда обозначилась смена дисциплинарного интереса «от расы к культуре, затем к этничности»⁶⁹, а базовой единицей антропологического анализа стало не «племя», а «этническая группа»⁷⁰, то в последнее время предметом исследовательского интереса социально-культурных антропологов стали более сложные общности, а также более сложные связи, как, например, этничность и национализм, которые в ряде аспектов представляют собою единый феномен. Так, например, известный немецкий философ и политолог К. Хюбнер проводит мысль, согласно которой история народа и есть субстанция нации, а самоопределение последней немислимо вне интернационального взаимодействия: «если на основе антропологических, исторических, философских и других оснований невозможно отрицать значение национального фактора, если он продолжает оставаться конститутивным элементом всего государственно-организованного общества, то не существует... и существенной части национальной жизни, которая не испытывала бы на себе его воздействия»⁷¹. По мнению исследователей, существует групповая селекция в человеческом поведении и, преобладающая над другими этническая идентичность и националистическое поведение,

⁶⁹ Wolf E.R. Religious Ideas: Race, Culture, People // *Current Anthropology*, 1994, V. 35, 1, P. 1-12.

⁷⁰ Jenkins R. *Social Anthropological Models of Interethnic Relations* // Rex J., Mason D., eds. *Theories of Race and Ethnic Relations*. Cambridge, 1986.

⁷¹ Хюбнер Курт *Нация: от забвения к возрождению* - М., 2001. С380

являются «выражением особых социальных репликаторов, а именно - националистических дискурсов и практик»⁷².

Переход от индустриализма к постиндустриализму вызвал ряд важных глобальных социальных и культурных последствий, и в области культурной антропологии подобные явления нашли отражение в развитии организационной и правовой антропологии, культурных, информационных процессов в организации. В этот период происходят серьезные изменения в сфере познания, которые распространились и на культурную антропологию, особенно после работ Т. Куна (смена научных парадигм) и М. Фуко (изменение эпистемы). Рефлексия оснований теорий и методологии, относящихся к изучению человека, общества и культуры, привела к обнаружению сомнительности, несоответствия, архаичности некоторых из них по отношению к необходимости решать накопившиеся в культурной антропологии проблемы. Так, неадекватными для объяснения функционирования и динамики социокультурных систем оказались практически все теории, авторы которых претендовали на универсальность интерпретаций. Соответственно в качестве проблемной области высветилась социокультурная микродинамика, ее движущие силы и их организация в механизмы формирования исторического процесса. Феномен микродинамики культуры имеет первостепенную значимость при анализе «повседневной» составляющей этнополитического конфликта.

Исчерпал свой потенциал эвристический потенциал принцип тотальной взаимосвязности, непрерывности, целостности общества и культуры, системного априоризма. Автономность, прерывность, множественность являются столь же значимыми параметрами совместной жизни и деятельности людей. По справедливому замечанию Р. Брубейкера, «недостаток... субстанциальной трактовки наций как реальных сущностей заключается в том,

⁷² du Preez P. The Evolution of Altruism: A Brief Comment on Stern's «Why Do People Sacrifice

что она усваивает категории практики в виде категорий анализа... Возражать против материалистического и субстанциального способа осмысления наций не значит оспаривать реальность национального существования. Это означает отделять изучение национального существования и национальной принадлежности от изучения наций как субстанциальных сущностей, коллективов или сообществ. Это означает фокусировать внимание на национальной принадлежности как на концептуальной переменной... а не на нациях как на реальных общностях. Это означает рассматривать нации не в качестве сущности, а в качестве институционализированной формы; не в качестве общности, а в качестве практической категории, не в качестве данности, а в качестве случайного явления»⁷³.

Общество и культура, согласно данной методологической позиции, – это категории или концепты, но не реальные объекты. Соответственно вопрос о расхождении в представлениях о социокультурной реальности между профессиональными исследователями и непрофессионалами перестал однозначно решаться в пользу абсолютной правоты ученого. Концепция «жизненного мира», социальная и политическая феноменология как метод описания интерсубъективности различных представлений становятся доминирующим направлением этнологических исследований, продуктивным способом исследования этнополитических конфликтов.

Поскольку социальные и культурные представления сколь бы далекими от эмпирической верификации они ни были, составляют существенные элементы реальности разделяющих их людей. Антропологическая традиция, восходящая к работам Леви-Строса⁷⁴, выдвигает на первый план общую символическую

for Their Nations?» //Political Psychology, 1996, V. 17, 1 3, P. 565-566.

⁷³ Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe. Cambridge, 1996. P.15 - 16.

⁷⁴ Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М, 1983; Его же. Первобытное мышление. - М., 1994.

среду, порожденную этническим сознанием народа. Согласно норвежскому ученому Фредерику Барту, «этничность - это форма социальной организации культурных различий»⁷⁵. Понятная всем и общепринятая система символов, выступает ценностно-нормативным регулятором поведения, способствует этнической консолидации. По мере социального развития общество становится все более структурированным, а объединяющим началом может выступать символическая среда, «паутина значений и смыслов», которая отличает членов одной этнической группы от другой. Структуралистский подход исходит из признания глубоких архетипов сознания и «бинарных оппозиций» в системе культурных кодов, в которых фиксируется некий «изначальный пласт традиционной культуры; на нем, а порою отталкиваясь от него и противопоставляя себя ему, возникает официальная, элитарная культура. И в силу своей изначальности первая объемлет все структурные подразделения культуры»⁷⁶. Поэтому метод изучения «категорий в культуре этноса», благодаря которым «индивиды и группы имеют возможность осознавать и определять свое поведение, природное и культурное, т.е. ими же создаваемое, окружение по определенным вехам, эталонам, общепринятым в данном этносе нормам, словесным и поведенческим клише», представляется как «способ решения стоящей перед человечеством с незапамятных времен проблемы «они и мы», получившей в последние годы в литературе звучное название диалога культур»⁷⁷.

Структурные оппозиции как основа этнического самосознания, особенно его социально-психологического аспекта, присутствуют в обширной этносоциологической литературе отечественных авторов. Примером подобного

⁷⁵ Barth F., ed. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences.* Bergen/London, 1969. P. 15.

⁷⁶ Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., Наука, 1988. - С. 3.

⁷⁷ Там же. - С. 4

исследования является научный проект «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации», выполненный в Институте этнологии и антропологии РАН под руководством проф. Л.М. Дробижевой. Автор рассматривает этническую идентичность «как разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. Значительная часть этих представлений является результатом осознания общей истории, культуры, традиции, места происхождения (территории) и государственности. Общее знание связывает членов группы и служит основой ее отличия от других этнических групп»⁷⁸. Структурные характеристики в этом исследовании дополняются когнитивно-мотивационной сферой личности и этничность рассматривается как на уровне собирательного Я-образа группы, так и содержание Мы-образов или автостереотипов.

В качестве реакции на символизм в этнологии в 80-ые годы зарождается направление, называвшее себя «постмодернистская критика». Оно было характерно своим крайним релятивизмом и скептицизмом в отношении возможности надежного и объективного познания культуры, и являлось результатом логического расширения этнологической аксиомы об относительности культурного познания, примененной как к самим этнологам, так и информантам. Постмодернистская критика сомневается в последовательности, связности, единстве культурно-значимых систем. В выпущенном сборнике очерков постмодернистской этнографии Джеймс Клиффорд писал: «постмодернисты видят культуру как бы состоящей из кодов и представлений, которые могут быть поставлены под серьезное сомнение»⁷⁹.

⁷⁸ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. М., 1996.- С. 296.

⁷⁹ Clifford, James. Introduction: Partial Truths. In: Clifford, J. and Marcus G.R. (eds.) Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Pr., 1986, p.2.

Тем самым, само понятие «значение» становилось проблемой. Целью дисциплины провозглашается «понимание значения уникального культурного феномена. Мы концентрируемся на построении реальности как она представляется нашим информантам теми способами, с помощью которых мы анализируем реконструкцию культурного состояния в сотрудничестве с теми же информантами»⁸⁰. Следствием постмодернистского подхода был поворот от изучения общества к изучению этнолога, как субъекта исследования. Популярными стали публикации этнологами своих воспоминаний и дневников, дающих представление не столько об их работе, сколько об их личности и субъективном восприятии ими изучаемого материала. В. Кряке излагает свое представление о работе этнолога, типичное для 80-ых - 90-ых годов: «Я пытался проникнуть во внутреннюю динамику людей, принадлежащих к культуре, далекой от моей собственной. Более точно было бы сказать, я нацеливал мои исследования на то, чтобы получить ответы на два рода вопросов: во-первых, о том, как люди используют свои культурные верования, ритуальную практику (например, пищевые запреты, особенности траурного поведения) и социальные институты во благо своим собственным нуждам; во-вторых, о том, как народ концептуализирует психологические феномены, и как эти концепции организуют опыт народа?.. Мы изучаем культуру главным образом с помощью индивидов; наши учителя — это те, кто объяснят для нас символы, нормы и ценности. Те, кто вырос внутри культуры точно также учатся культуре в процессе индивидуальных отношений с родителями, сверстниками и т.д. Исследователь может изучать культуру только при помощи ее индивидуальных представителей — ее индивидуальных творцов. Культура конструируется этнологом из его опыта отношений с представителями культуры: инаковость культуры — это то, что этнолог воспринимает как отличное от его собственного

⁸⁰ P. Rabel and A. Rosman. The Past and the Future of Anthropology. // Journal of Anthropological

прошлого опыта, часто в качестве несистематизированного интуитивного понимания, так что он не может эксплицитно выделить имеющиеся различия»⁸¹. Последнее практически всегда ведет к определенным изменениям в личности самих исследователей.

Новые концепции культуры, возникавшие в эти годы, оборачивались новыми вопросами. Культура, все чаще начинает трактоваться как процесс, а не как система культурных моделей. В каждой теоретической работе упоминался тот факт, что культура изменчива и что предписанное культурой поведение зачастую меняется радикальным образом. Многие этнологи с готовностью принимают взгляды, что народы в определенных политических контекстах изменяют культурную традицию, используя различные культурные компоненты, включая элементы более ранних традиций.

Постмодернистами ставился вопрос о том, «могут ли этнографические записи «представлять» народ, чью культуру они описывают. В полевой ситуации, информант представляет свою культуру этнологу. Однако можно предположить, что в этнографических записках «голос» этнолога будет доминировать». Делался вывод, что «белые» этнологи неспособны, а следовательно и не имеют права изучать культуры цветных народов. Возникал вопрос о самой судьбе антропологии и часть антропологов не выражала оптимизма в этой связи: «Внутри этнологии существует множество глубоких и продолжительных споров... Результатом этого явилась фрагментация дисциплины, быстро меняется список ключевых слов вместе с быстрой сменой интересов в работах ведущих фигур в этой области»⁸².

Research. 1994, Vol. 4, No 4, p. 337.

⁸¹ Waud H. Kracke. Reflections on the Savage Self: Introspection, Empathy, and Anthropology. In: M.M. Suarez-Orozco. (ed.) The Making of Psychological Anthropology II. Harcourt Brace College Publisher, 1994, pp. 201 - 211.

⁸² D'Andrade. Introduction: John Whiting and Anthropology. In: Whiting J.W.M. Culture and Human Development: Selected Papers, 1994, p. 1.

Еще более пессимистической представляется другая оценка развития этнологии, данная еще в первой половине 80-х годов, в период зарождения постмодернистской критики: «используя одни и те же критерии можно измерить уровень теоретической прогрессии от начального этапа этнологии к современности или от современности в прошлом, и ответ во многом будет одинаков. Это - абсолютное доказательство отсутствия в дисциплине накопления знаний. Историю этнологии можно с успехом анализировать тем же самым образом, как Леви-Строс анализирует миф»⁸³. Критик постмодернизма Э. Смит, пишет: «Многие ученые поставили под сомнение основополагающие интеллектуальные воззрения на нации и национализм, которые были характерны для академического сообщества еще с 1950-х гг. Это в основном «инструменталистские», «модернистские», а позднее – «деконструктивистские» взгляды. Несмотря на наличие определенной утилитарности в этих подходах, их всеобщее применение к проблемам этнической идентичности и формирования наций представляет серьезные проблемы... Основная трудность в современных академических изысканиях заключается в их провале серьезного учета формативной роли досовременных этнических связей и того, как эти и ранее существовавшие этнические идентичности оказывают воздействие на формы, траектории и характеристики современных наций и современных полиэтничных государств. Без адекватного понимания этих досовременных этнических идентичностей мы отгораживаем себя от надлежащего анализа часто глубоко коренящихся конфликтов между этническими группами, которые продолжают разъедать и разрушать ткани даже самых мощных полиэтничных государств»⁸⁴. Постмодернистская критика тем самым выразила глубокий кризис, который переживала этнология 80-ых - начала 90-ых годов. Этот кризис показал

⁸³ Stanley R. Barrett. *The Rebirth of Anthropological Theory*. Toronto, Buffalo, L.: Univ. of Toronto Pr., 1984, p. 4.

⁸⁴ Smith A.D. *Ethnic Identity and Territorial Nationalism* // New York, 1992 P. 47-48.

недостаточность для объяснения феномена этнической культуры всех концепций, принятых в этнологии настоящее время и необходимость искать выход из глубокого теоретического тупика. В качестве положительного в постмодернистской критике следует указать на взгляд на культурную традицию как на постоянно меняющуюся, а на культуру как на процесс, а не как на статическую комбинацию культурных моделей. Однако, учение о динамике культуры не могло получить в рамках постмодернистской критики, отрицающей какие бы то ни было закономерности в функционировании культурной традиции, конструктивное развитие.

«Неслучайно поэтому в этнологии был поставлен вопрос о том, что некоторые прежние теоретические подходы могут использоваться вновь»⁸⁵. По нашему мнению перспективной теоретической позицией исследования этноса и этнополитического конфликта как социокультурных феноменов является научная традиция, сложившаяся под влиянием учения Э. Дюркгейма об обществе и основателя структуралистского направления в этнологии К. Леви-Строса. В «Неприрученной мысли» К. Леви-Строс писал, что «принцип, лежащий в основе классификации, никогда не может быть постулирован заранее; его можно лишь открыть a posteriori путем этнографического наблюдения - иначе говоря, опытным путем»⁸⁶. Поэтому понятие «культура» К. Леви-Строс рассматривал как «основополагающее в этнологии». Сама же культура рассматривается как совокупность знаковых систем (язык, наука, искусство, религия, мифология, обычаи, традиции и т.д.), т.е. система значений, воплощенных в символической форме, включающей действия, слова, любые значимые объекты, посредством которых осуществляется коммуникация между людьми. Используя принципы структурной лингвистики в этнологии, К. Леви-Строс обнаруживал значения различных явлений культуры в отношениях

⁸⁵ Тавадов Г.Т. Этнология. М., 2002. - С.50.

между эмпирически устанавливаемыми фактами. При этом общество рассматривается как ансамбль устойчивых организационных структур для анонимной и коллективной деятельности. Обмен информацией в символических формах воспроизводится благодаря действию социокультурного механизма, основанного на способностях человека различать, устанавливать, объединять, представлять. Эти способности обеспечивают сходство в идентификации, принципах объединения, символизацию переживаний членов одного и того же общества, носителей одной и той же культуры.

В итоге, можно констатировать, что первостепенную значимость для анализа этнополитических конфликтов будет иметь отказ от монометодологического принципа выявления сущности этноса, переход к полиметодологическому подходу, реализуемому в социокультурной методологии. К числу важных политологических следствий можно отнести концепцию «жизненного мира» и микродинамики культуры.

На современном этапе развития этнополитическую конфликтологию следует дополнить, учением о социокультурной динамике, поскольку в рамках системно-структурного подхода предметом изучения являются культурно установившееся, социально разделяемые объекты, но не затрагиваются процессы, благодаря которым они становятся таковыми.

§2 Этнополитический конфликт: основные теоретические концепции

Рассмотрев в предыдущем параграфе основные точки зрения на феномен этничности и выявив наиболее перспективные подходы для нашего дальнейшего исследования, во втором параграфе основной задачей является анализ теоретических моделей этнополитического конфликта, выявление

⁸⁶ Levi-Strauss C. La pensee sauvage. Paris, 1962.

модели, наиболее продуктивной для описания этнополитического конфликта, возникшего в Чечне в 1990 годах XX столетия.

В отечественной и зарубежной литературе существует достаточно широкий выбор в определении этнического конфликта: «Даже беглый взгляд на заголовки статей и монографий предоставляет нам редкое изобилие названий, которые используются для обозначения конфликтности в этнических отношениях, в зависимости от приводимой аргументации, а в некоторых случаях - и от фантазии автора: этнические, этнонациональные, межэтнические, этносоциальные, этноэкономические, ирредентистские, сепаратистские, сецессионные, межклановые, национальные, межнациональные и, наконец, этнополитические конфликты»⁸⁷. Если попытаться обобщить перечисленные определения, то общее в них одно - наличие этнического фактора или признаков, которые могут восприниматься в качестве этнических, и этот этнический фактор значит столь много в рассматриваемых конфликтах, что всякая иная идентификация человека: социально-профессиональная, политическая, региональная или имущественная - отходит на второй план: «Конфликт этнический – форма социального, межгруппового конфликта, при котором противоречия между людьми возникают и обостряются на базе их этнических (языково – культурно - бытовых) различий или приобретают вид таковых»⁸⁸.

Среди классических подходов в западной конфликтологии существуют две основные точки зрения на конфликт как таковой. Одни исследователи считают, что социальные конфликты несут угрозу, опасность распада общества. У других ученых иная точка зрения: так, социолог структурно-функционального

⁸⁷ Барбашин М.Ю. К понятию этнополитического конфликта // Южнороссийское обозрение. Вып. 6. Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. – Ростов – на - Дону. 2002. С.194.

⁸⁸ Этнологический словарь. Вып.1. Этнос. Нация. Общество, / Козлов В.И. (науч. ред). – М., 1996. - С.64.

направления Льюис Козер пишет: «Конфликт препятствует окостенению социальных систем, вызывая стремление к обновлению и творчеству»⁸⁹. Другой немецкий социолог Р. Дарендорф утверждает, что конфликты незаменимы как фактор всеобщего процесса социального изменения. Р. Дарендорф считает, что концепция общества, принадлежащего гражданам, общества свободного, открытого и демократического, не кладет конец конфликтам, не решает в абстрактном плане всех проблем и противоречий развития. Роль этничности, как значительного фактора неизбежности конфликта, подчеркивает Н.П. Натасюк: «Социальный конфликт приобретает свойства этнического, когда его субъектами становятся группы людей, отождествляющих себя по этническим характеристикам... Этническая общность определяет сущность и динамику конфликта, этнические различия сознательно или неосознанно используются для того, чтобы охарактеризовать противостоящих действующих лиц в конфликте»⁹⁰. Понятие «этнополитика» предполагает этническую группу, имеющую определенные политические цели. Американский исследователь П. Ван ден Берге считает, что главное в этнополитике - взаимоотношения государства с этническими группами, где главной проблемой считается вопрос о власти: «Таким образом, этническая политика является приложением власти, особенно государственной власти, к группам, определенным и дифференцируемым этнически или антропологически (по расовым признакам)»⁹¹.

В 1990-х годах наметилась тенденция к выработке и закреплению российских конфликтологических подходов, которые, имеют скорее прикладную направленность и включены в современные политические процессы. Это несколько отличает отечественную конфликтологию от западной

⁸⁹ Цит. по: Санистебан Л. С. Основы политической науки. - Москва, 1992. - С. 106-107.

⁹⁰ Натасюк Н.П. Геополитические факторы возникновения и развития этнических конфликтов (на примере Приднестровья) : Автореф. дисс. канд. полит. наук. – СПб., 1994. - С.10.

социологии конфликта, имеющей преимущественно теоретическую направленность. В отечественной науке преобладал, (в силу ее прикладного характера), конструктивистский подход к оценке этнополитических конфликтов. В соответствии с данным подходом, именно установки политических кругов, направленные на мобилизацию национального сознания и преследующие узко политические цели, определяют поведение конфликтующих сторон. По словам В. Тишкова, именно элиты, а не «массы» «склонны и способны вызывать вражду, организовывать противостояния и вовлекать «массы» в насильственные действия с разрушительными для них последствиями»⁹². Подобной позиции придерживается и А.Г. Здравомыслов, который вычленяет потребности, интересы, ценности и нормы в качестве интегральной методологической базы для объяснения конфликтов. В вопросе об этнополитических конфликтах он придерживается той точки зрения, согласно которой этносы как таковые не являются самостоятельными субъектами исторического или политического действия. В качестве такого рода субъектов выступают элитные группы, претендующие на участие во власти и формулирующие содержание национальных интересов⁹³. Поэтому А.Г. Здравомыслов делает заключение о доминирующей роли политики в национально-этнических конфликтах и подчеркивает, что развитие этих конфликтов не может быть объяснено только с помощью концепции определяющей роли экономических факторов и интересов. Отсюда, в частности, следует, что динамика межнациональных конфликтов зависит от того, насколько сильны притязания на власть новых элит, выросших в рамках старых структур, отторгнутых как от участия во власти, так и от культурного самоопределения соответствующих национальных общностей.

⁹¹ Цит. по: Котанджян Г.С. Этнополитология консенсуса-конфликта. - М., 1992. -С. 15.

⁹² Тишков В.А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990.- №12.- С.15.

По нашему мнению политико-идеологическая и пропагандистская деятельность элитных групп, при всей своей значимости, все же не является основным источником возникновения этнополитического конфликта, так же как одно лишь наличие узко групповых интересов не является достаточным условием для его развития. Следует, на наш взгляд, согласиться с высказыванием Э. Геллнера, который, касаясь проблемы преодоления национальных конфликтов в современном мире, отмечал: «Необходим реалистический взгляд на вещи. Призыв к культурной («этнической») идентичности – не результат заблуждения, которое изобрели заумные романтики, распространяют безответственные экстремисты и используют в своих эгоистических интересах привилегированные классы с целью одурманить массы и отвлечь их от реальных проблем. Этот призыв обусловлен реалиями современной жизни и его нельзя просто сбросить со счетов, проповедуя всеобщее братство или сажая в тюрьму экстремистов»⁹⁴.

В этой связи более предпочтительной представляется позиция Е.И. Степанова. В 1996 году вышла его книга «Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические и технологические проблемы»⁹⁵, в которой рассматривается процесс формирования конфликтологии как научной дисциплины в связи с политическими и экономическими изменениями в посттоталитарном обществе. Возникновение социальных конфликтов Е.И. Степанов объясняет обострением борьбы «за статус и ресурсы, права и влияние самых разных социальных субъектов: республик (с центром и между собой), регионов и отраслей, предпринимателей и трудовых коллективов, профсоюзов, партий и общественных движений, крупных и малых

⁹³ См.: Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект-пресс, 1996. - С.196.

⁹⁴ Геллнер Э. От родства к этничности // Цивилизации. Вып.4, М., 1997. С.101-102.

национальных общностей, социальных групп и личностей»⁹⁶. При этом наиболее радикальными конфликтами Е.И. Степанов считает межэтнические конфликты. Эффективное исследование этнополитических конфликтов на современном этапе, по мысли автора, возможно лишь отказавшись от марксистского подхода к проблеме национализма как временного формационного фактора. К числу факторов вызывающих обострение межнациональных отношений Е.И. Степанов относит экономические, политико-правовые, идеологические, социокультурные, и отмечает так же, что этнополитические конфликты, как и другие аномалии в социальных порядках, обычно развиваются при относительном улучшении социально-экономической ситуации, когда ожидания опережают реальность. Схема развития этнополитического конфликта выглядит у него следующим образом: 1) ухудшение социально-экономического положения региона; 2) возникновение и распространения мнения о несправедливом распространении ресурсов; 3) обострение на этой почве межэтнических противоречий; 4) активизация национальных элит, формирующих этнополитические программы; 5) конфликт⁹⁷. В этих условиях основная задача этноконфликтологической экспертизы, по его мнению, сводится к «налаживанию в межнациональных отношениях конфликтологического мониторинга и менеджмента, как действенных инструментов, позволяющих фиксировать зарождение конфликтных ситуаций, выявлять их «болевы точки», уровень напряженности, динамику, характер действий конфликтующих сторон и.т. п.»⁹⁸. Данная схема показывает, что активность политических деятелей является в значительной

⁹⁵ См.: Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы / Центр конфликтологии Института социологии РАН. М., 1996.

⁹⁶ Степанов Е.И. Там же. - С. 7.

⁹⁷ См.: Степанов Е.И. Там же. - С. 205-206.

⁹⁸ Степанов Е.И. Там же. - С. 213.

мере производной от конфликтных установок населения, которые в свою очередь обусловлены объективными условиями развития этнических общностей.

В этнологии достаточно распространена точка зрения, согласно которой актуализация этничности в том или ином сообществе является ответом на эволюционные и трансформационные этнические процессы: «Первые выражаются в значительном изменении любого из элементов этноса, прежде всего языка и культуры. Например, возникновение явлений двуязычия и языковой ассимиляции, заимствование иноэтнических и интернациональных элементов материальной и духовной культуры и т.п. К эволюционным этническим процессам относятся также существенные изменения социальной (классово-профессиональной) структуры этносов (например, в ходе индустриализации и урбанизации), изменения демографической структуры и т.д. К трансформационным этническим процессам относятся такие изменения этнических элементов, которые ведут к перемене этнической принадлежности»⁹⁹. Т.е. рост этнического самосознания по мере усвоения универсалистских технологий и ценностей следует рассматривать как закономерную реакцию этнокультурного самосохранения. В таком случае этнополитическая мобилизация северокавказских народов также является реакцией на распространение крайне идеологизированной советской культуры и политику жесткого административного контроля. Задействованные при этом механизмы культурной и политической самоорганизации этнических сообществ препятствовали их растворению в общем этнорегиональном массиве. Однако, нам представляется, что при ближайшем рассмотрении данный подход не вполне приемлем для интерпретации этнополитических конфликтов в северокавказском регионе и в частности конфликта в Чеченской Республике,

⁹⁹ Краткий этнологический словарь. Москва: фонд «Социальный мониторинг», 1995.- С. 59.

поскольку реальная этническая самоорганизация, имеющая опору в массовом сознании, стала возможной лишь после ликвидации тоталитарного режима, когда и происходило складывание разнообразных форм этнического самоопределения, претендующих на суверенитет и государственный статус. Можно сказать, что «реакция самосохранения» также не является тем механизмом, которому подчиняется развитие этнополитических конфликтов.

Вопрос о соотношении понятий «этнический» и «этнополитический конфликт» тесно связан с проблемой классификации этнических конфликтов. «Этнический конфликт всегда представляет собой явление политическое, ибо, даже если инициаторы перемен стремятся к изменению ситуации только в культурно-языковой или различия в существующих подходах, как справедливо замечают отдельные профессиональные конфликтологи, сводятся к двум моментам: а) следует или нет считать противоречия, не сопровождаемые открытой борьбой, формой конфликта; б) какие формы противоречий включить в концептуальное определение социального конфликта»¹⁰⁰. Выбор между этими подходами методологически означает выбор разных критериев определения содержания понятия «конфликт», а через него - раскрытие сути самого явления. Классификаций на разной основе предложено достаточно много, как отечественными специалистами, так и зарубежными. Это обстоятельство позволило даже предложить типологию классификаций. Так, В.А. Авксентьев выделяет классификации этнических конфликтов по сферам общественной жизни, по предметам или объектам, по субъектам носителям¹⁰¹. В.В. Амелин также отмечает, что «в основе любого конфликта лежат как объективные, так и субъективные противоречия. А также ситуация, включающая либо противоречивые позиции сторон по какой-либо проблеме, либо

¹⁰⁰ См.: Степанов Е.И. Методология анализа социальных конфликтов. Социальные конфликты в современной России. - М., 1999. - С.41.

противоположные цели, методы или средства их достижения в данных обстоятельствах, либо несовпадение интересов оппонентов»¹⁰². Что касается вопроса соотношения понятий этнический и этнополитический конфликт, то большинство специалистов трактует первое понятие как более широкое.

По мнению А.А. Прусаускаса, в этнополитическом конфликте одной из сторон чаще всего выступает государство, которое далеко не во всех случаях выражает сугубо этнические интересы доминирующего большинства¹⁰³. В его версии классификация этнических конфликтов должна базироваться на выделении центральных сфер, за преобладание в которых идет соперничество определенных социальных групп, принадлежащих к разным этносам. Наряду с этнополитическими А.А. Прусаускас выделяет этнокультурные и языковые конфликты. По нашему мнению, выделение определенных целей как основы этнических конфликтов, является лишь частным случаем аналитической работы по их исследованию, и потому не может претендовать на статус универсальной теории.

В противоположность данному подходу В.А. Тишков не разграничивает понятия этнополитический и этнический конфликт, понимая под последним «любую форму гражданского, политического или вооруженного противоборства, в котором стороны или одна из сторон мобилизуются, действуют или страдают по признакам этнических различий»¹⁰⁴. В.А. Тишков предлагает следующую трактовку этого феномена: «под ним мы имеем в виду организованные политические действия, общественные действия, массовые беспорядки, сепаратистские выступления и даже гражданские войны, в которых

¹⁰¹ См.: Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. – 1996. - №12.- С.43-49.

¹⁰² Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. - М., 1997. - С.119.

¹⁰³ См. Этнос и политика. – М., 2000.

¹⁰⁴ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997. С.

противостояние проходит по линии этнической общности. Обычно это конфликты между меньшинством и доминирующей этнической группой, контролирующей власть и ресурсы в государстве»¹⁰⁵. Здесь мы опять встречаемся с конструктивистским подходом в оценке этнополитических конфликтов, который сводит все многообразие конфликтов к неким универсальным причинам политического, экономического или иного характера.

Иной позиции в определении конфликтологии как науки и сущности этнополитического конфликта придерживаются А.В. Картунов и О.А. Маруховская: «Под этнополитической конфликтологией подразумевается наука о сущности, причинах возникновения и роли этнополитических конфликтов, путях и методах их прогнозирования, эффективного управления и цивилизационного урегулирования, о механизмах и средствах обеспечения этнополитической стабильности и безопасности. Сами же этнополитические конфликты рассматриваются как несовпадение и/или несовместимость ценностей, столкновений интересов и целей различных этнонациональных общностей между собой, а также с ценностями, интересами и целями государства и доминирующей в ней этнонации»¹⁰⁶. Данное определение пытается охватить почти весь спектр возможных подходов к пониманию этнополитических конфликтов, но за описательным характером этой дефиниции скрывается неизбежный эклектизм. В любом случае требуется либо его избегать, либо найти достойное обоснование его необходимости.

Представляется обоснованным и такое понимание сущности этнополитического конфликта, когда последний трактуется «как особая форма

¹⁰⁵ Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. Ч.1. – М., 1992. С. 30-31.

¹⁰⁶ Картунов А.В. Маруховская О.А. Полипарадигмальный подход к изучению этнополитических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.71.

социального конфликта, включающего в себя этническую мотивацию (в любом виде: этнического превосходства, угнетения, угрозы потери этнической идентичности) и в котором оказываются задействованными политические институты»¹⁰⁷. Социальные конфликты, согласно этой позиции, происходят в результате углубления и обострения противоречий в различных сферах общественной жизни и несвоевременного их разрешения. Конфликты могут быть экономическими, социальными, классовыми, внешне- и внутривнутриполитическими, правовыми, территориальными, межнациональными, языковыми, продовольственными, трудовыми, словом, возникнуть практически в любой сфере жизни. Например, политические конфликты между нациями, этническими группами охватывают весь комплекс общественных отношений, касающихся судьбы того или иного народа¹⁰⁸. Требование отслеживать всю совокупность общественной жизни является, по нашему мнению, более продуктивным для понимания этнополитических конфликтов, и более перспективным с точки зрения социокультурного подхода.

Попытки классифицировать этнические конфликты привели к тому, что каждый исследователь предлагает собственную картину современных конфликтов, при этом авторы по-разному классифицируют их, предлагая собственные наименования. Профессор Гарвардской школы права (США) У. Юри рассматривает весь спектр межнациональных конфликтов по следующим категориям: 1) «насильственные», т. е. вылившиеся в реальные акции насилия; 2) «насильственные», но управляемые, т. е. поддающиеся контролю и урегулированию; 3) «чреватые насилием», то есть готовые вот-вот

¹⁰⁷ Савва Е.В. Этнический и этнополитический конфликт: проблемы построения теоретической модели // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.106-107.

¹⁰⁸ Овчинников В. С. Политические конфликты и кризисные ситуации // Социально-политические науки. -1990. - № 10. - С. 58.

вылиться в реальные насильственные действия; 4) «потенциально насильственные», т. е. не проявившие себя как таковые, но имеющие в глубине своей предпосылки к насилию; 5) «ненасильственные»¹⁰⁹. Данная классификация, по нашему мнению, ограничивает этнические конфликты лишь по степени силового радикализма, и потому вряд ли может охватить всю совокупность социокультурных факторов.

Более полный вариант типологии межнациональных конфликтов предложил Я. Этингер¹¹⁰:

1. Территориальные конфликты, которые тесно связаны с воссоединением раздробленных в прошлом этносов. Их источник - внутреннее, политическое, а нередко и вооруженное столкновение между стоящим у власти правительством и каким-либо национально-освободительным движением

2. Конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования.

3. Конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов.

4. Конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территории соседнего государства.

5. Конфликты, источниками которых служат последствия произвольных территориальных изменений, осуществляемых в советский период.

6. Конфликты как следствие столкновений экономических интересов, когда за выступающими на поверхность национальными противоречиями в действительности стоят интересы правящих политических элит.

¹⁰⁹ Цит. по: Маценов Д.Н. Западные политологи о межнациональных отношениях в СССР // МЭиМО. - 1991. - № 8. - С.101-112.

¹¹⁰ Этингер Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль. -1993. – №. 3. - С.89.

7. Конфликты, в основе которых лежат факторы исторического характера, обусловленные традициями многолетней национально-освободительной борьбы против метрополии.

8. Конфликты, порожденные многолетним пребыванием депортированных народов на территориях других республик.

9. Конфликты, в которых за лингвистическими спорами (какой язык должен быть государственным и каков должен быть статус иных языков) часто скрываются глубокие разногласия между различными национальными общинами.

По мнению Этингера, в «чистом виде» трудно вычленить каждый из этих типов конфликтов, поскольку конфликты возникают в результате целого комплекса противоречий как своего рода «допускающих» условий: этнических, территориальных, политических, экономических, религиозных. В этом случае предполагается целая совокупность «допускающих» условий, наличие которых может привести к конфликту, общих и для северокавказского региона. К ним относятся:

- сложная этническая география с границами, пересекающими места расселения этнических общин, а также с иноэтническими островками, расположенными на территориях, где проживают другие этнические группы;

- история взаимных обид, корнями уходящая в сталинские депортации и авторитарные изменения административных границ;

- геоисторическое расположение регионов на «границах цивилизации», которые могут служить мощным индикатором различий, тем самым обеспечивая высокую степень легитимации групповой мобилизации;

- обусловленное внутренними особенностями социалистического способа производства ухудшение экономической ситуации в период после 1980-х годов, которое резко контрастировало с растущими ожиданиями людей;

- административно-территориальное деление СССР, при распаде которого существующие границы административно-территориальных единиц и стали линиями разломов;

- псевдоинституты, т.е. те институты, которые формально составляли часть советской системы управления, но фактически не имели ни влияния, ни политической власти. К ним относятся, прежде всего, местные представительные органы, парламент и советы. Как только центральная власть начала распадаться, эти псевдоинституты в ходе конкурентного и конфликтного процесса обрели новое содержание и реальные функции;

- утрата центром способности регулировать эти отношения означали поиски новых форм институционального упорядочения отношений между этническими группами, «их» (как они стали оценивать) территорией и государством.

По нашему мнению, такого рода структурные факторы позволяют оценить степень вероятности возникновения этнического конфликта в регионе, но они не объясняют, почему и когда такие конфликты действительно происходят. Структурное сходство, или аналогичные «допускающие» условия, не ведут автоматически к эскалации конфликта. Это означает, что должны существовать институты и процедуры, способные изменить его форму.

Согласно В.Р. Чагилову, действие механизма политизации этнической идентичности строится на основе сложного, многоуровневого, многофакторного и полисубъектного взаимодействия константных компонентов системы этнической идентичности, с одной стороны, и полиструктурных переменных факторов среды – с другой: «Взятый в процессе взаимодействия константных компонентов системы этнической идентичности с импульсами (переменными факторами), исходящими от среды её жизнедеятельности, рассматриваемый механизм политизации образует временный по своему

характеру феномен политизированной этничности. Являясь итоговым результатом механизма политической мобилизации, политизированная этничность понимается как продукт структурной перестройки этнической идентичности, её особого состояния, характеризующегося повышенной сосредоточенностью членов этнической группы на ценностях, ориентированных на достижение политически значимых экономических, статусно-институциональных и социокультурных переменных социальной системы полиэтничного общества»¹¹¹. На наш взгляд, акцент на многоуровневом и многофакторном характере этнополитического конфликта, является наиболее адекватным с позиции социокультурного подхода. А выделение постоянных и переменных социокультурных факторов, влияющих на динамику этнополитических конфликтов, позволяет весьма гибко их анализировать в зависимости от места, времени и др. составляющих. Для настоящего исследования близкой нам представляется позиция сторонников культурно-антропологической традиции в этнологии, которые исходят из того, что глубинные источники конфликтов коренятся в культурных особенностях народов, в их ценностных системах, и, следовательно, конфликт, в случае контактов двух или более этносов, будет тем вероятнее, чем большими являются культурные различия между ними. Американский конфликтолог М. Росс утверждает, что «как бы ни были важны для развития конфликта социологические моменты и разница в интересах, решающими в определении того, как эти интересы определяются и как они защищаются, являются психокультурные факторы, в основном и главным формируемые в раннем историческом опыте народа»¹¹².

¹¹¹ Чагилов В.Р. Феномен политизированной этничности и конфликт в контексте процессов глобализации / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.95.

¹¹² Ross M. The Culture of Conflict. – New Haven – London, 1993. P. 2,9

В социобиологическом течении этноконфликтологии многие компоненты поведения людей в этнических конфликтах рассматриваются как нормативные, детерминированные природой человека и выявляются сходные черты с поведением тех видов и популяций животных, которые имеют сложную социальную организацию. Г. и Э. Элмеры отмечают: «Социобиологи не всегда полностью соглашались друг с другом относительно того, до какой степени некоторые видовые черты поведения могут модифицироваться или контролироваться культурой, но в большинстве своем склонны считать, что существует определенная генетическая основа для почти универсальных черт человеческого поведения, таких, как внутригрупповая идентификация, межгрупповой конфликт, ксенофобия, ... этноцентризм»¹¹³. Биологизм в этнологии и антропологии, по нашему мнению, имеет право на существование, но в современных условиях он не может учитывать всю сложность социокультурной ситуации жизнедеятельности этнического сообщества.

Структурные концепции этнического конфликта сосредотачиваются на результатах переговорного процесса, на потерях и выигрышах сторон, на формировании общих интересов и целей. «В данном случае не столь важно, какова природа этнических отношений и этнических конфликтов; значимым является тот факт, что этнические конфликты рассматриваются не как интеллектуальный конструкт или как механизм для достижения внеэтнических целей, а как реальность, коренящаяся в самой сущности человека и социума»¹¹⁴. Схожую позицию занимает и эволюционистская традиция в этноконфликтологии, которая считает, что причины этнических конфликтов коренятся в постоянно меняющейся этнической стратификации общества. К этой традиции относятся сторонники статусных концепций этнического

¹¹³ Elmer G., Elmer E. – *Ethnic Conflicts Abroad: clues to American future?* - Monterey, VA, 1988. P. 10.

конфликта. «Соревнование и соперничество могут привести как к этнической стратификации, так и к конфликту, а конфликт либо изменит, либо сохранит систему этнической стратификации. Этническое соперничество, конкуренция конфликт и стратификация – динамичные, подверженные изменениям вместе с изменением общества явления»¹¹⁵. Статусные конфликты это не только конфликты, связанные с интересами каких-либо этнических образований, а это конфликты, в основе которых лежат требования расширения административно-управленческих полномочий в том или ином регионе. Статус этнической группы, по нашему мнению, может выступить только в качестве одного из конфликтогенных факторов, в условиях изменения в этнической иерархии общества, когда возникают наилучшие условия для межгруппового сравнения, этнической мобилизации, формирования массовых эмоциональных состояний. Сведение конфликтогенных факторов только к социальным условиям, по нашему мнению, также является редуccionистской позицией, и не отвечает требованию социокультурной методологии учитывать множество иных параметров при анализе этнополитических конфликтов.

Американская исследовательница этнорасового конфликта Э. Бонасич утверждает: «В то время как слишком много риторики по поводу этнического антагонизма концентрируется на этничности и расе, он в действительности по широкому счету (хотя и не всецело) есть выражение классового конфликта»¹¹⁶. Данная методологическая позиция получила название «реалистическая», т.е. интерпретирующая любые конфликты как борьбу за ресурсы и власть. «В области этнологии реалистические концепции трактуют этничность в качестве удобного инструмента для достижения общезначимых целей. Поскольку власть и богатство могут быть достоянием относительно небольшой группы людей

¹¹⁴ Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. – 1996. - №12.- С.43-49.

¹¹⁵ Hraba J. American Ethnicity. – Itasca, Ill., 1994. P. 95.

(элиты), которая самостоятельно зачастую неспособна выдержать изнурительную борьбу за свои собственные интересы, «элита» мобилизует «неэлитные» массы для борьбы за эти интересы»¹¹⁷. Инструментом такой мобилизации, по мнению сторонников этих взглядов, является этничность, позволяющая представить дело таким образом, что массы борются «за правое дело», за честь и достоинство своего народа, за земли, память предков и т.д., а отнюдь не за корыстные, а нередко откровенно гедонистические интересы элиты. Этим же взглядам придерживается и Г. Голборн: «этничность все чаще используется как общая, имеющаяся в достатке и универсально приемлемая валюта, когда группы или отдельные люди борются за ограниченные, конечные ресурсы. В то время как предмет этнического конфликта всегда являются конкретные и осязаемые материальные ресурсы, то в случае, если конфликт принимает неограниченный характер, его изначальное происхождение почти всегда исчезает из поля зрения»¹¹⁸. Наиболее радикально выразил данную позицию Я. Рёзель: «нет ничего предопределенного в этнических конфликтах. Они не происходят из некой первобытной структуры этнических групп. Как предполагает мое описание эскалации конфликтной напряженности, ... всегда имеются те, кто оказался от этого в политическом выигрыше – этнические антрепренеры, идеологи и военные предводители – которые эксплуатируют подобные возможности, являющиеся следствием политических провалов и политических ошибок. Если мы будем смотреть на этнические конфликты не как на трагическое противостояние между первобытными группами, а как на результаты плохой политики, мы, по крайней мере, сможем определить им

¹¹⁶ Цит. по.: Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. P.106.

¹¹⁷ Авксентьев В.А. *Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы*. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С.111.

¹¹⁸ Goulbourn H. *Ethnic Mobilization, War and Mutli-Culturalism // War and Ethnicity: Global Connections and Local Violence*. P.167.

место в сфере политической реальности и, таким образом, признать, что они могут быть предотвращены, управляемы и обсуждаемы на переговорах»¹¹⁹.

В.А. Авксентьев отмечает по поводу «реалистических» концепций: «Во многом невозможно, да и нет смысла, искать контраргументы против такой постановки вопроса, ибо проблема манипуляции историческим сознанием хорошо известна любому, кто анализирует этнические конфликты. Вопрос заключается в том, имеют ли сегодня этнические проблемы и конфликты свою предысторию, возникли ли они исключительно как результат современного этапа развития общества и его региональных подсистем или все же в основе многих из этих конфликтов, по крайней мере частично, лежат нерешенные в прошлом проблемы, имеющие под собой объективную почву, а не созданные и раздутые антрепренерские страхи и переживания»¹²⁰. Тем не менее, «реалистическая» школа обладает определенным эвристическим потенциалом, который необходимо использовать для анализа процесса этнополитических конфликтов, поскольку указанные ими феномены являются составной частью широкого социокультурного поля, в котором осуществляется динамика конфликта.

Под влиянием структурной лингвистики Б. Уорфа ряд исследователей этнического конфликта обратился от изучения социальных институтов и структур их взаимодействий к анализу представлений, знаний об окружении членов определенного общества, а также форм лексической организации такого знания. Это направление носит название «этнонауки». Ее немногочисленные сторонники видят цель своей работы в том, «чтобы лучше понять, каким образом население воспринимает свою окружающую среду и как оно

¹¹⁹ Rosel J. Nationalism and Ethnicity: Ethnic Nationalism and the Regulation of Ethnic Conflict // War and Ethnicity: Global Connections and Local Violence. P.167.

¹²⁰ Авксентьев В.А. Указ. соч. – С.115.

организует подобное восприятие в лексиконе»¹²¹. Житейские представления не только отражают, но и формируют некое «реальное» социально-культурное многообразие жизненных миров и типов повседневной жизни: «действующие, будь то индивиды или группы, поступают так или иначе в соответствии с определенной ситуацией... В той мере, в какой культура и организация сформировала ситуацию, в которой человек действует, и в той мере, в какой они обеспечили фиксированный набор символов, которые люди используют для интерпретации их ситуаций, они являются составляющей тех сил, которые формируют человеческое поведение»¹²². О цели этнометодологии сказал Г. Фрейк: «Этнограф не может быть удовлетворен всего лишь фиксацией компонент культурных экосистем в категориях западной науки. Он должен также описать окружающую среду таким образом, как ее воспринимает население, и используя понятия, употребляемые этим населением», выявить правила, «по которым информаторы характеризуют окружающую среду и в соответствии с которыми принимают поведенческие решения»¹²³. В рамках этого направления развиваются специальные методы сбора и анализа информации о том, как представители определенной культуры воспринимают окружающую среду, как они взаимодействуют друг с другом. Таким образом, принятое в культурной антропологии понятие «этнонаука» обозначает «народные» модели организации представлений об окружающем мире и объяснения связей между событиями и явлениями; такого рода «этнознания» можно считать областью культуры, порождающей движение к специализированному научному познанию. Предметом этнометодологии являются процедуры повседневного взаимодействия людей в контексте

¹²¹ Цит по: Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. - С.191.

¹²² Blumer H. Symbolic Interactions. Prentice – Hall, N.-Jersey, P. 87-88.

¹²³ Цит. по: Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. - С.191.

обыденной жизни в рамках определенной культуры. Исходным допущением в подобных исследованиях является представление о том, что такие неотрефлексированные, но достаточно жестко сформировавшиеся процедуры делают действия людей взаимоприемлемыми и объяснимыми в контексте межличностного взаимодействия. В этих условиях резко повышается актуальность и значимость национальных культурных установок, ценностно-символических аспектов бытия национальных социумов, специфических особенностей конкретных этносов. Этнометодолог «пытается трактовать практические действия, практические обстоятельства и практическое социологическое мышление как темы эмпирического исследования, уделяя самым заурядным действиям повседневной жизни внимание, которое уделяется обычно экстравагантным событиям, стремится познать их как феномены, сами по себе заслуживающие изучения»¹²⁴. В рамках этнометодологии основным предметом изучения является скрытая, неочевидная систематичность обыденной жизни, порождаемая и конституируемая ее субъектами в ходе повседневного взаимодействия. Эта систематичность позволяет субъектам ориентироваться в ситуациях такого взаимодействия и надлежащим образом строить свое поведение. Предполагается, что смысл и значение повседневных действий людей можно понять из контекста текущих взаимодействий, включающих исследователя в число их участников, то есть изнутри ситуации. В этом случае, с позиции этнометодологии, исследователь и «исследуемые» оказываются в равной позиции субъектов, включенных в повседневную ситуацию. «Мир природы в том виде, как он исследуется естествоиспытателем, ничего не «значит» для молекул, атомов и электронов. Но сфера наблюдения обществоведа – социальная реальность – имеет специфическое значение и конкретную структуру для людей, живущих, действующих и думающих в ее

¹²⁴ Цит. по: Орлова Э.А. Указ. соч. - С.191.

пределах»¹²⁵. В рамках национальной культуры, национально-этнического сознания эти образования (символы, этносимволы) выступают как превращённые формы социально-исторического опыта конкретного этноса, который и обеспечивает его своеобразие, обуславливая национальную специфику миропонимания. Поэтому этносимвол (символическое образование, в предельно концентрированной форме, выражающее идеи, явления, верования, идеалы, чувства и т.д.) является субстанциональным ядром, организующим знаковую среду, характерную для данной этнокультурной системы.

Однако и этнометодология, по нашему мнению, не всегда оказывается способной адекватно отражать культурную специфику этноса, особенно в ситуации конфликта. В этой связи Гупта и Фергюссон пишут: «Вместо того, чтобы рассматривать этнографическую интервенцию как беспристрастный поиск истины на службе универсального гуманитарного знания, мы рассматриваем ее как средство отправления особых политических целей одновременно с поиском линий общего политического целеполагания среди единомышленников-союзников, которые могут быть повсюду»¹²⁶. Весьма показательным в этом отношении наблюдением В.А. Тишкова: «В ситуации с Чечней обнаружился феномен, который вообще заставил меня усомниться в незыблемости постулата «полевой работы на месте». Разорванное войной и насилием общество и пребывающий в нем исследователь мистически теряют способность к осмыслению и даже к адекватному описанию. Информация «фонит» разного рода манифестными проявлениями и эмоциональными отношениями, которые в спокойной обстановке обычно отсутствуют. Этот фон становится основным смыслом, за которым больше ничего нет и в принципе

¹²⁵ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. Под ред. В.И. Добренкова. - М., 1996. - С.535.

¹²⁶ Цит. по: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – С.21.

быть не может, ибо сам рассказ становится посланием или лозунгом»¹²⁷. Т.е. исследовательское поле во время разрушительного конфликта пребывает в таком крайне возмущенном состоянии, что не представляется возможным адекватно фиксировать и понимать происходящие процессы, а претензии этнометодологии на объективность в данном случае оказываются не состоятельны.

Подводя политологический итог параграфа, можно отметить, что политизированная этничность должна пониматься как продукт структурной перестройки этнической идентичности, её особое состояние, характеризующееся повышенной сосредоточенностью членов этнической группы на политически значимых ценностях, являющихся социокультурными переменными социальной системы.

Глубинные источники конфликтов коренятся в культурных особенностях народов, в их ценностных системах, и, следовательно, конфликт будет тем вероятнее, чем большими являются культурные различия между ними.

§ 3. Социокультурные основания этнополитических конфликтов

Современный этап развития российского общества, тенденции глобализации в мире в целом приводят к качественному изменению социокультурных условий динамики этнополитических процессов. Растущее многообразие этнополитических конфликтов, неоднозначный характер их проявлений создают ситуацию, при которой этнологические теории, которые претендовали на универсальный способ решения актуальных проблем, часто не в состоянии учесть всю сложность и взаимообусловленность социокультурных факторов определяющих направленность этнополитических процессов:

¹²⁷ Там же – С.22.

«важный ориентир, обеспечивающий адекватное и эффективное этноконфликтологическое исследование, - учет того обстоятельства, что конфликтные ситуации в современных межнациональных исследованиях формируются комплексом взаимодействующих между собой кризисных факторов – экономических, политико-правовых, идеологических, социокультурных»¹²⁸. Культурные, социальные, политические и религиозные процессы в этнополитическом конфликте столь тесно переплетены, что их довольно трудно отделять друг от друга. Современные исследователи все чаще обращают внимание на эту проблему: «Моделирование региональных конфликтов представляет собой процедуру создания такого целостного образа конфликтной ситуации, в котором должно найти отражение вся реальная совокупность конфликтных процессов и отношений, которые зарождаются и развертываются в данном регионе»¹²⁹.

С позиций современных этнологических теорий признаки, традиционно считающиеся этническими (язык, культура, обычаи, традиции и т.д.) находятся вне пределов контроля отдельного человека, поскольку они интерактивны, и, следовательно, по-разному соотнесены со многими другими социальными признаками, и неотделимы от них. Каждый из признаков, называемых этническими, характерен в той или степени и для других типов социальных связей: «То, в какой мере эти признаки соединятся в единое целое, называемое этничностью, зависит от многих социальных факторов, от «спроса» на этничность, порождаемую эпохой и отдельными людьми»¹³⁰. Р. Шведер полагает, что «не существует никакой отдельной самостоятельной

¹²⁸ Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) С.221.

¹²⁹ Степанов Е.И. Регионализация этноконфликтологии в России как альтернатива современному глобализму // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.298.

¹³⁰ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, Изд-ва СГУ. – С.31.

социокультурной среды, не зависимой от человеческих способов извлечения из нее смыслов и возможностей, а всякий человек обретает свою субъективность и индивидуальную психическую жизнь (сознание) посредством извлечения смыслов и возможностей из социокультурной среды и их использование»¹³¹. Дж. Брунер утверждает, что «центральное место в культурной психологии этноса занимают теоретические представления о мышлении, канонические структуры повествования, т.е. представления в сознании человека событий, которые организуют процессы смыслообразования у людей в их повседневных занятиях»¹³². Расширил и уточнил взаимосвязь этничности и культуры М. Коул. Культура, по его мнению, приводит к возникновению «культурной привычки поведения»¹³³, основанной на артефактах, как на ее элементарных единицах.

Уже в силу того, что меняется характер конфликтов, среда их протекания и другие социокультурные параметры, этноконфликтологический инструментарий постоянно совершенствуется и дополняется. «Например еще недавно геополитический аспект этнических конфликтов привлекал немного внимания со стороны научной общественности в силу устойчивости геополитической структуры мира; сегодня же геополитический подход должен стать одним из приоритетных в этой области знания»¹³⁴, что потребует совместной деятельности специалистов не только в области этнологии и этноконфликтологии, но и геополитики, глобалистики и т.д. Однако как справедливо отмечает В.А. Авксентьев «не стоит превращать такой подход в новый универсальный инструмент анализа этнических конфликтов. В

¹³¹ Shweder R.A. Preview: A colloquy of culture theorists // Culture Theory; Essays on mind, Self and Emotion, New York, 1984.

¹³² Bruner J.S. Child's Talk. Acts of meaning. Cambridge: Havard University. Press 1990.

¹³³ Cole M. Socio-cultural-historical psychology: Some general remarks and a proposal for a new kind of cultural-genetic methodology // Sociocultural Studies of mind. New York. Cambridge University Press, 1995.

¹³⁴ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, Изд-ва СГУ. – С.31

отдельных случаях он может выступить как основной, дополненный иными подходами при анализе конкретных конфликтов. При анализе других конфликтов эта сторона проблемы будет играть вторичную роль или даже рассматриваться как параметр, которым можно пренебречь»¹³⁵. Многофакторная модель этнополитических конфликтов, предполагает, что все социальные и культурные системы порождаются не одним, а несколькими основаниями, для анализа которых требуется новый взгляд на природу социокультурной реальности. «Нынешняя действительность настолько сложна, динамична и разнообразна, что невольно возникает сомнение в том, достижимо ли достаточно цельное восприятие развития современного мира в рамках понятийного аппарата и концептуального инструментария одной какой-либо теоретической традиции»¹³⁶. В рамках этнополитического социокультурного пространства существует целый ряд разнородных функциональных единиц, совместным действием которых объясняется каждое событие, происходящее в нем. Соответственно «этничность является ... факультативной идентификацией человека, конструируемой из множества объективно существующих компонентов»¹³⁷. Говоря, например, о роли исторических факторов в конструировании этничности, Р. Липшцц пишет: «История, конечно, имеет отношение к этому процессу, ... но не как неизменная детерминанта конечных результатов. История важна потому, что она поставляет сырой материал, из которого конструируется этничность... Не все устойчивые элементы могут быть включены в такие идентичности; только те, которые достаточно явно существуют длительное время и хорошо известны группам людей, могут стать частью этого общего фонда. Когда можно сказать, что например, язык, религия,

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития // Полис №4. – 1995. - С. 34.

¹³⁷ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, Изд-ва СГУ. – С.31-32.

пища, одежда, внешность, территория, сказания, наряду с другими вещами, составляют общепризнанный «пакет» характеристик, становится возможным конструирование этничности. Почему именно эти, а не другие элементы становятся частью этого пакета – предмет бесконечных дебатов, но причины, вероятно, стратегические, романтические или и те и другие»¹³⁸. Эта мысль, по нашему мнению, интересна тем, что в каждом конкретном случае исследования того или иного этнополитического конфликта постоянные и переменные факторы социокультурного пространства, обуславливающие динамику его протекания, будут не только различны, но, возможно, и противоположны, т.е. в одном случае те или иные параметры будут постоянными, а в другом – переменными. И, следовательно, нет необходимости искать единственную «истинную» причину развития конфликтных ситуаций «на все времена». В то время как модель классического типа служит для объяснения множества событий (зависимых переменных) сведением их к определенному состоянию одного фактора (независимой переменной), мультикаузальная модель объясняет одно событие (зависимую переменную) обусловленностью состоянием нескольких факторов (независимых переменных), что позволяет учитывать многообразие социокультурных оснований, которые повлияли на свершение конкретного события. В этих условиях социокультурная модель этнополитических конфликтов обладает значительным эвристическим потенциалом: «фокус изучаемой реальности общества лежит не в сложившемся результате, например, в сложившейся структуре общества (что может рассматриваться как предмет социологии) и не в сложившейся культуре (что может рассматриваться как предмет культурологии). Фокус перемещается в точку, где предметы социологии и культурологии переходят друг в друга, где

¹³⁸ Lipshutz R.D. Seeking a State of One's Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sectarian Conflicts //

они аспекты сложного, динамичного знания об обществе, аспекты общества»¹³⁹. М. Росс и Дж. Ротман отмечают: «Одна из наших рабочих гипотез заключается в том, что вместо того, чтобы считать, что одна теория перечеркивает другую как правильная неправильную, с точки зрения многообразия форм человеческого поведения гораздо полезнее рассматривать эти теории как частичные, имея в виду то, что при определенных условиях каждая из этих теорий может найти подтверждение»¹⁴⁰. Пример теоретически конструктивного синтеза показывает А. Турен: «нет больше оснований противопоставлять К. Маркса М. Веберу. Один привносит в сегодняшнюю социологию идею о том, что общественная жизнь основана на центральном отношении господства (экономического, политического идеологического), другой – идею, согласно которой действующее лицо ориентируется на ценности. Комбинируя эти две идеи, мы получаем определение общественного движения: действующие лица, противопоставленные друг другу отношениями господства и конфликта, имеют одинаковые культурные ориентации и борются между собой за общественное управление этой культурой и диктуемыми ею формами деятельности»¹⁴¹.

Для выявления особенностей новой социокультурной ситуации и адекватных способов ее описания следует использовать как традиционные так и современные теоретические разработки в области исследования этнополитических конфликтов. В этой связи обращает на себя внимание модель этнополитического конфликта профессора Д. Сэндоула, подробно рассматриваемая в монографии В.А. Авксентьева¹⁴². Социальный конфликт в целом и этнический конфликт в частности автор предлагает анализировать как

¹³⁹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) Т.1. Новосибирск: «Сибирский хронограф» – 1997. – С.12.

¹⁴⁰ Цит. по: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, Изд-ва СГУ. С. 133.

¹⁴¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. - М., 1998. - С. 20.

¹⁴² Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, Изд-ва СГУ.

многоуровневое и многофакторное явление. «Развивая концепции К. Уолтца, Р. Норта и других авторов, Д. Сэндоул считает необходимым анализировать конфликты, их причины и условия на четырех уровнях: а) индивидуальном, включающем биологию, физиологию, психологию человека; б) социетальном, включающем политические, экономические и социальные процессы; в) международном; г) глобальном/экологическом уровне»¹⁴³. Многоуровневая модель этнополитических конфликтов, данного автора, предоставляет возможность рассматривать каждый уровень социокультурного поля этноса в качестве взаимозависимых оснований, определяющих динамику развития событий: «Независимо от того, на каком уровне происходит конфликт - межличностном, межгрупповом, межорганизационном или международном - факторы, функционирующие на каждом из этих четырех объяснительных уровней, могут оказывать влияние на конфликт (хотя с учетом того, на каком уровне происходит конфликт, можно говорить об их «весомости»). И если причины и условия конфликта имеют многоуровневый характер, то и попытки справиться с этим конфликтом тоже должны иметь многоуровневый характер»¹⁴⁴. Предлагаемая Д. Сэндулом модель основана на конструктивном и разностороннем использовании обширного научного арсенала и научного инструментария общей и этнической конфликтологии. При анализе различных сторон этноконфликтного процесса исследователь предлагает использовать те подходы и модели, которые содержат в себе эвристический потенциал, независимо от их современности или традиционности. Таким образом, на современном этапе развития теоретической этнологии на смену структурным и функциональным моделям, системному представлению о социокультурной жизни и ее динамике приходят плюрализм исходных принципов организации

¹⁴³ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. . - С. 136.

¹⁴⁴Цит. по: Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, Изд-ва СГУ. С. 136.

опыта, отсутствие универсальной системы соотнесения истинности или ложности высказываний, множественность возможных эквивалентных интерпретаций одного и того же события. «Эти черты обнаруживаются в искусстве, социальных науках, массовой культуре. В плюральном, бесформенном, «ризомном» пространстве культуры постмодерна, выявление структуры и границ общества как целого теряет смысл»¹⁴⁵.

Мы считаем, что для полноценного анализа этнополитических конфликтов, мало говорить только о способах и парадигмах научных исследований в этой области. С позиций социокультурного подхода необходимо обосновать как возможно само существование плюрального, не системного, не целостного социокультурного мира этноса, и, прежде всего, в условиях конфликта. Для этого нужны новые исходные допущения о природе социокультурной реальности, часть которых будет сочетаться с прежними по принципу дополнительности (например, относительность понятий «структура» и «процесс»), а часть вытеснит некоторые из предшествующих (например, представление о тотальной системности социокультурной жизни этноса).

Необходима также разработка нового терминологического аппарата, описывающего сложные социокультурные процессы, которые не укладываются в рамки представлений традиционной этноконфликтологии. Примером подобного рода может служить заимствование термина «ризома» для обозначения динамических социокультурных процессов вероятностного, многомерного, неоднаправленного характера. Продуктивной может оказаться концепция маргинального социокультурного пространства, существующего между определенными культурными порядками этноса.

Поскольку практически любой культурный объект (в том числе и этнос), социокультурный порядок, социальное взаимодействие предстают как

¹⁴⁵ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК,

многомерные, то следует выявить не только социокультурные основания, обуславливающие динамику этнополитических конфликтов, но и предложить адекватную модель многомерного социокультурного процесса. «Как показывает анализ применения современных социальных технологий – результат соединения общественной науки с управленческой практикой, в неустойчивых системах задуманный проект может вызвать совершенно непредсказуемые последствия».¹⁴⁶ Т.е. необходимо теоретическое построение социокультурной модели этнополитического конфликта, отображающей поведение многомерных динамических единиц (личность, группа, этнос, область культуры) в многомерном подвижном окружении.

Особую важность сегодня приобретает детальное изучение микроизменений, происходящих в обществе, культуре этносе, а также других нестационарных объектах: «Постепенно в социальной и культурной антропологии начало формироваться представление о том, что изучение микродинамики культуры позволяет увидеть процессы порождения и распада различного рода социокультурных объектов»¹⁴⁷. Практический смысл постановки этих проблем может быть понят как выражение новой ситуации, в которой общество и культура пытаются обнаружить продуктивные связи традиции и инновации, сохранения и обновления социальных форм. Более того, подобное знание позволяет более достоверно судить о природе социокультурных изменений в жизни этноса, чем спекулятивные реконструкции. «С «национальностью», как и с «народом», в широко распространенном «этническом» смысле, связано, по меньшей мере, нормальным образом, смутное представление, что в основе того, что воспринимается как «совместное», должна лежать общность происхождения,

1994. С. 185.

¹⁴⁶Указ. соч. С. 256.

хотя в реальности люди, которые рассматривают себя как членов одной национальности, не только иногда, но и весьма часто гораздо дальше отстоят друг от друга по своему происхождению, чем те, кто причисляет себя к различным и враждебным друг другу национальностям. ... Реальные основы веры в существование «национальной» общности и выстраивающегося над ней общественного действия весьма различны»¹⁴⁸.

Автор настоящего исследования, считает, что на смену классическому представлению о четко структурированных динамических формах культуры этноса - линейной, эволюционной, цикличной - приходит качественно иное их понимание. Наиболее подходящим термином, описывающим современные социокультурные процессы, особенно в период конфликта, является термин «ризом». Эта метафора впервые была использована Ж. Делезом Ф. Гватари¹⁴⁹ и означает определенный способ роста корня растения, который не является ни одиночным, ни пучкообразным ответвлением от единого стебля, но представляет собой раздробленное множество разнородных образований, обеспечивающих развитие растения. «Ризом вторгается в чужие эволюционные цепочки и образует «поперечные связи» между «дивергентными» линиями развития. Она порождает несистемные и неожиданные различия, неспособные четко противопоставляться друг другу по наличию или отсутствию какого-либо признака»¹⁵⁰. Использование понятия «ризом» в этноконфликтологии позволяет описывать беспорядочное, с точки зрения классической науки, возникновение множественности разнонаправленных тенденций возможного развития конфликтной ситуации. Современные социокультурные процессы в этнополитическом пространстве не

¹⁴⁷ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. С. 70.

¹⁴⁸ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. 5. Aufl. Tubigen: Mohr. (Siebeck), 1985. S. 242.

¹⁴⁹ Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrenie. Vol. II. Mille Plateaux. P. 1980.

¹⁵⁰ Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: INTRADA. 2001. С. 254.

имеют превалирующего направления, распространяются без регулярности, и не дают возможности однозначно предсказать следующее движение. Если в рамках классического подхода при осмыслении процессов, происходящих в обществе и культуры, большое значение придается оппозиции «центр - периферия», которая по сути дела выполняет роль организующего принципа, сохраняющего целостность системы, и ограничивающего принципа, регулирующего его подвижность, то идея «ризомы» указывает на то, что сам этот центр «неструктурирован» и в некотором смысле существует и внутри, и вне системы.

Социокультурная жизнь этноса предстает здесь как социально и пространственно сегментированное и фрагментарное динамическое поле, а не как набор организованных социальных систем. В этом поле выделяются макро- и микродинамический уровни (от геополитики до повседневности). «Нация в такой трактовке выступает как новый, характерный для современного общества, способ связывать воедино, в целостном восприятии, пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения и заключается в том, что оно неосуществимо без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь, без унифицирующего воображения, создающего культурно целостные воображаемые сообщества, которые к тому же имеют ценностный характер»¹⁵¹.

Децентрирование снимает идею доминирования государства и авторитета в обществе и обуславливает представление о неиерархизированном существовании различных сообществ этноса в ситуации конфликта. «Исходя из этой закономерности, следует признать ошибочными, вредными и опасными попытки предотвратить именно возникновение этнополитических конфликтов,

¹⁵¹ Баньковская С.П. Воображаемые сообщества как социологический феномен. Вступ. ст. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма – М., 2001.- С.10.

загнать их во внутрь, решить их с помощью силы или угрозы ее применения и навсегда положить им конец. Но не менее ошибочным можно считать и покорное, бездеятельное наблюдение за развитием этнополитических конфликтов»¹⁵². При падении авторитета власти индивид высвобождается из-под влияния любых групп принадлежности (напр. тейпа), но одновременно, лишаясь их поддержки маргинализируется и становится заложником различных деструктивных сил. Утрата центром способности регулировать этнополитические отношения дала толчок центробежным политическим процессам, поискам новых форм институционального упорядочения отношений между этническими группами, «их» (как они стали оценивать) территорией и государством. Соответственно меняются представления о принципах взаимодействия федерального центра и традиционных политических институтов конкретного этноса в конфликтно опасном регионе. «Исключительно высокая дифференциация в доходах, свойственная современным обществам, причем как горизонтальная (между странами и местностями), так и вертикальная (между слоями и классами), приводит к росту недовольства и поискам «врагов», как правило, среди других этнических групп. Демографический бум способствовал образованию многочисленной прослойки молодежи в общей структуре населения. Скапливаясь в больших городах, масса безработных молодых людей составляет «горючий материал», питательную среду для националистов и экстремистов всех мастей»¹⁵³. По мере того как этот процесс ширится, все более напряженным становятся отношения между теми,

¹⁵² Картунов А.В. Маруховская О.А. Этнополитические конфликты: основные тенденции развития // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.34.

¹⁵³ Глухова А.В., Красова Е.Ю. Политико-психологические контрверзы этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18; Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.42.

кто продолжает быть интегрированным в локализованные группы, и теми, кто благодаря детерриториализации перешел в статус неорганизованной «массы».

Многообразие типов рациональности, ценностный релятивизм, вариативность жизненных форм, этнокультурных идентичностей, их динамическая смесь порождают для современных людей ситуацию, при которой возрастает ненадежность этнокультурных ориентиров при выборе жизненного пути. «Согласно конструктивистской точке зрения, в основе конфликтов, которые принято называть этническими, могут лежать реальные, хотя и не обязательно этнические по своей природе проблемы»¹⁵⁴. Современный человек живет в атмосфере постоянного конфликта с фрагментами разновременного исторического и личного прошлого. Он живет в «мозаично-цитатном» или «интертекстуальном» мире, где конфликтуют различные идеологические конструкты, определяемые столкновением ценностей, от выбора которых зависит его смысложизненная ориентация. В этом мире человек сам становится плюралистичным, не сводимым ни к какому объединенному принципу. «Этнический конфликт является следствием и признаком социальной патологии, дисфункции социальных систем, следствием реальных общественных противоречий и катаклизмов, зачастую находящихся вне контроля людей или социальных групп»¹⁵⁵. Такая ситуация оказывается для людей неосвоенной: культурные формы еще не сложились, культурный стиль «еще не задан, участники процесса должны находить его самостоятельно, им неоткуда его перенять»¹⁵⁶. Символическая борьба при этом представляет собой легитимирующее навязывание сложившегося порядка доминирования и

¹⁵⁴ Авксентьев В.А. Проблемы теории и моделирования этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18; Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.29.

¹⁵⁵ Авксентьев В.А. Проблемы теории и моделирования этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18; Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.29.

¹⁵⁶ Welsch W. Postmoderne – Pluraletat als ethischer und politischer Wert. S. 26.

подтверждает присвоение доминирующими политического капитала, т.е. отношения силового насилия, преобразуются в отношения символического насилия, которое принимается обществом в качестве одного из условий своего существования. «Категории восприятия, оценивания, мышления и выражения социальной реальности всегда отнесены к агенту, который ими обладает, т.е. непременно включает в себя самоидентичность (представления о позиции самого агента) и идентичность (представления о позициях других агентов)».¹⁵⁷

На Северном Кавказе такие религиозно-политические организации, как Исламская партия возрождения, Исламский джамаат Дагестана, ваххабитские группы в Чечне, входившие в состав Конгресса народов Ичкерии и Дагестана, вынашивали проект «исламизации» всего Кавказа и даже предприняли попытку создания исламского государства в Чечне и Дагестане, используя альтернативную систему символов. С позиции социокультурного подхода идеологическое противостояние является одной из сторон, переживаемого Российским обществом системного кризиса. Поэтому необходимо при анализе этнополитического конфликта учитывать роль цивилизационно-культурной идентификации народов Северного Кавказа и чеченского этноса в частности, также как оценка геостратегических приоритетов страны в целом, является непременным условием преодоления кризиса цивилизационной и социокультурной идентичности северокавказского региона. «Этническая вражда является симптомом прогрессирующего системного коллапса и общественной дезинтеграции...В этом смысле этническое насилие является самой серьезной формой коллективного насилия, являющегося результатом

¹⁵⁷ Качанов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995. – С. 167.

распада самих властных структур, которые необходимы для осуществления мер по предотвращению насилия»¹⁵⁸.

В ситуации ценностного конфликта, во многом определяющего возникновение конфликта этнополитического, появляются лидеры, для которых подвижность, процесс оказывается доминирующим модусом существования, и за которыми идут другие люди в поисках новых смыслов, утратив собственную идентичность. Для обозначения такого рода феномена Ж. Делез и Ф. Гватари используют метафору – «номады» (ведущие кочевой образ жизни) – обозначающую социальные единицы, которые населяют некое пространство и определяют его свойство. Номадическое пространство не является неограниченным: оно всегда находится между неосвоенным и структурированным пространствами. Освоение этого «неосвоенного» (номадического) пространства приводит к тому, что основным механизмом развертывания конфликта становится политическая институционализация участников конфликта посредством предоставления им новых «понятных» идей, символов, статусов. «Формирование символических структур присуще самой природе институтов: они должны быть выделены в культуре, их функции должны быть представлены в обществе в символической, распознаваемой форме. Такая символизация необходима, поскольку придает устойчивую и доступную для массового восприятия форму тем социально значимым функциям, которые выполняют институты в поддержании социокультурных порядков»¹⁵⁹.

Согласно Ж. Делезу и Ф. Гватари пространственная организация человеком своего мира, основывается на представлении о том, что явление

¹⁵⁸ Marshall M.G. *Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict* / Ed by Carment D., James P. - Pittsburg, PA, 1997. P. 89

¹⁵⁹ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. С. 70.

территориальности исторически вторично по отношению к первично неразграниченному, «детерриториализированному» пространству. Понятие территориальности «обозначает совокупность процессов и разного рода механизмов, посредством которых живые существа провозглашают, маркируют и защищают территорию своего общения, для того, чтобы не допустить на нее посторонних»¹⁶⁰. В применении к человеку, добавляются «мотивированные познавательные структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его среде обитания, на которую он предъявляет право собственности и которой он пользуется по преимуществу частным образом»¹⁶¹. Предполагается, что на первой, детерриториальной, стадии индивид выступает как представитель общественных желаний, намерений, движений и потому его поведение не ограничено индивидуальной идентичностью. Территориальная стадия характеризуется началом кодификации социальной жизни, ограничением свободного сканирования пространства каждым из представителей сообщества, установлением территориальных границ и структур: «прослеживается общая тенденция, называемая политологами «реваншем специфики над общим», т.е. доминирование малой этнической традиции над общенациональной («высокой») культурой, локализма над центризмом, преобладание центробежной ориентации в культуре и политике над центростремительной»¹⁶².

Соответственно, этнос разделяется на субъектов, подчинившихся организованному пространству, и субъектов желания, которым в нем не остается места и они оттесняются в маргинальные по отношению к структурированным области: «основа политического доминирования

¹⁶⁰ Гелд Дж. Основы поведенческой географии. М., 1990. С. 98.

¹⁶¹ Там же.- С. 99.

¹⁶² Глухова А.В., Красова Е.Ю. Политико-психологические контрверзы этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18; Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. С.42.

заключается в механизмах по преимуществу символического порядка, когда самое важное политическое действие скрыто, и оно состоит, главным образом, в том, чтобы навязывать системы классификаций социального мира, которые имеют специфическое свойство быть могущественными или, лучше сказать, символически эффективными, то есть вовсе не истинно существующими, но способными представить себя таковыми в той степени, когда те, кто их применяет, имеют средства вынудить произойти то, что они объявляют как желанное или как непременно должное произойти».¹⁶³ Маргинальное же положение носителя желания характеризуется тем, что он добровольно не уступает место другим: «для развертывания конфликта необходимо такое изменение взаимодействия этнических групп или среды этого взаимодействия, при котором существующий политический статус одной из них будет восприниматься ее членами как далее неприемлемый»¹⁶⁴. Соответственно складывается и определенная идеология, оправдывающая ценностный релятивизм, фрагментарность мира и личности, «маргинальность», децентрированность существования людей в обществе и культуре, подвижность, незакрепленность переживаний и представлений. Ж. Делез и Ф. Гваттари применяют эту метафорическую модель для рассмотрения современной социокультурной ситуации, полагая, что для нее характерна детерриториализация. По нашему мнению она в большей мере характерна для описания конфликтной ситуации и в этой связи активно может быть использована в политической конфликтологии.

В условиях детерриториализации происходит маргинализация целых культурных групп, теряющих свое место по отношению к существующей иерархии социальных институтов, что приводит к попытке создать иные

¹⁶³ Цит. по: Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра. М., 1997. – С. 20-21.

¹⁶⁴ Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь, Изд-ва СГУ. – С.212.

социальные институты, альтернативные прежним и на этой основе организовать социокультурное пространство в соответствии с новой системой ценностей. Это и приводит к конфликту между различными этническими группами данного социокультурного пространства.

Итак, структурированному классическому типу пространства с четкими динамическими траекториями на современном этапе противостоит иная его модальность – бесструктурная, что особенно проявляется в условиях этнополитического конфликта. Понятие «номадическое пространство» позволяет представить качественные и динамические свойства данной ситуации, как неоднородное поле, состоящее из нецентрированных ризоматических множеств, факт существования которых обуславливает вариативность возможного развития событий.

Этим социокультурным параметрам соответствует представление о «маргинальном» субъекте, находящимся в околоструктурной зоне. Структура перестает рассматриваться как неизменная целостность; вводится допущение о возможности ее деконструкции и перехода в плюралистичное образование – ризому, которая «прорастает» в ранее неосвоенное пространство. «Структурные свойства социальных систем – по определению Э. Гидденса – являются одновременно и средой, и результатом той активности, которую они постоянно воспроизводят и организуют. Структура не есть нечто внешнее по отношению к индивидам. В определенном смысле она оказывается скорее внутренней, чем внешней по отношению к различным формам активности. Структуру нельзя отождествлять с препятствиями, она всегда имеет как ограничивающие, так и стимулирующие свойства... Момент действия выступает также и моментом воспроизводства структуры в контексте повседневной социальной жизни».¹⁶⁵ В

¹⁶⁵Цит. по: Качанов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995. – С. 171.

свою очередь, такое пространство перестает быть неосвоенным, поскольку приобретает своеобразные условные формы и границы.

По нашему мнению, повседневная самоорганизация социальной жизни этноса и микродинамика культуры выступают в качестве еще одного социокультурного основания этнополитических конфликтов, механизмы самоорганизации которого обнаруживаются при разведении концептов системного мира социума и жизненного мира культуры. Такое разведение позволяет понять, как люди продолжают существовать в условиях, когда разрушаются социальные системы (конфликт), и создается новый структурный порядок для решения социально значимых проблем.

С точки зрения социокультурного подхода не выполнение социальной системой своих функций приводит к тому, что она дифференцируется на более простые компоненты, на мелкие маргинальные первичные группы, способные к выживанию. Поскольку внутри системы социальных отношений всегда существуют «несистемные» элементы – деятельность людей, не имманентная данным отношениям, не являющаяся воплощением и продолжением их внутренней логики, то подобные элементы с течением времени могут породить изменения.

Если с точки зрения теории социальных систем конфликт представляется периодом беспорядка и аномического кризиса, то с точки зрения социокультурного анализа можно говорить о разрыве связей, которые люди по каким-то причинам не смогли или не захотели поддерживать, для того, чтобы создать нечто другое, более эффективное и соответствующее определенному этапу развития. «Когда социальная система исчерпывает свой функциональный потенциал, перестает быть средством решения социально значимых проблем, существование в маргинальном пространстве может быть полезнее для индивидов и культуры, чем упорядоченное воспроизведение устаревших

структур»¹⁶⁶. На определенной стадии становления, в определенных условиях члены этнических групп начинают считать, что, выделившись в самостоятельную экономическую, политическую, государственную единицу, они получают больший выигрыш, чем в состоянии зависимости от той крупномасштабной социально-политической системы, к которой они принадлежат. Для ряда групп, особенно немногочисленных, характерно стремление не столько к политическому или экономическому, сколько к культурному самоопределению. Таким образом, в определенных условиях можно ожидать активизации этнической идентификации, усиления культурной значимости этнических групп, интенсификации тенденций таких групп к самоопределению в различных формах, вплоть до экстремистских методов. Аномический беспорядок может освободить энергию, ранее связанную бесплодными, неэффективными видами социально санкционированной активности и стать ферментом инноваций, спасительных для индивидов, для новых форм социальности, для их культурного утверждения. Соответственно разрушение социальной системы может стимулировать интенсивные поиски культурного характера. Поскольку элементы культуры, такие как знания, навыки, принципы построения отношений с индивидами, оценочные критерии и т.п. сохраняются индивидами в их активности и представлениях, то дезинтегрированность специфичных социальных систем не уничтожает поисковой культурной активности, а иногда способствует ее интенсификации. «Номадическая» личность не должна априори рассматриваться как неконтролируемое социальное зло, поскольку в обществе сосуществуют разные социальные пространства с их особыми системами ценностей, правил смыслообразования, условиями жизнеобеспечения.

¹⁶⁶ Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994. С. 188.

Подводя итоги, мы можем сказать, что предлагаемая социокультурная модель этнополитического конфликта дает возможность рассматривать целостную картину функционирования этнополитического пространства в современных условиях.

В результате исследования, проведенного в первой главе диссертации, можно сделать некоторые обобщения и выводы:

- этнополитический конфликт является одним из возможных, но не обязательным результатом проявления этнической общностью своих адаптивных способностей, выход из которого предполагает выявление постоянных и переменных социокультурных факторов, влияющих на динамику этнополитических конфликтов, что позволит адекватно их анализировать в зависимости от места, времени и других составляющих. Общим для всех этнополитических конфликтов является наличие этнического фактора или признаков, которые могут восприниматься в качестве этнических, и этот этнический фактор означает для самих участников рассматриваемых конфликтов основную линию конфликтного взаимодействия, вследствие чего всякая иная идентификация человека – социально-профессиональная, политическая, региональная или имущественная – отходит на второй план
- если однофакторная модель этнополитического конфликта служит для объяснения множества соотносимых событий (зависимых переменных) путём их редукции к одному определённом фактору (независимой переменной), мультикаузальная модель объясняет одно событие (зависимую переменную) обусловленностью состоянием нескольких факторов (независимых переменных); акцент на многоуровневом и многофакторном характере этнополитического конфликта является наиболее адекватным с позиции социокультурного подхода;

- механизмы социокультурной динамики этнополитических процессов обнаруживаются при разведении концептов системного мира социума и жизненного мира этноса, методологическое значение которых состоит в том, что внутри системы социальных отношений всегда существуют «несистемные» элементы, и если система не выполняет своих функций и происходит ее разрушение, то подобные «несистемные» элементы с течением времени могут порождать изменения, создавая новый структурный порядок для решения социально значимых проблем. Описание жизненного мира этноса возможно в понятиях ризома, номада, номадическое пространство, маргинальность и т.д.

- требование отслеживать всю совокупность общественной жизни является продуктивным для понимания этнополитических конфликтов и перспективным с точки зрения социокультурного подхода, поскольку собственно источником этнополитического конфликта может послужить любой из аспектов социальной жизни (конфликты могут быть экономическими, социальными, классовыми, внешне- и внутривнутриполитическими, правовыми, территориальными, межнациональными, языковыми, продовольственными, трудовыми, словом, возникнуть практически в любой сфере жизни).

Во второй главе необходимо на основе многофакторного подхода, учитывающего совокупность разноуровневых социокультурных факторов, показать возможность рассмотрения этнополитического конфликта в северокавказском регионе, и в частности на территории Чеченской Республики.

ГЛАВА II. ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ЕГО СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

§1. Геополитические факторы конфликта идеологий на Северном Кавказе

Этнические конфликты в нашей стране в конце 80-90-х годов XX века во многом были резонансом на необходимые, но крайне противоречивые и непоследовательные политико-экономические преобразования, проводившиеся союзным, а затем - российским федеральным центром и не учитывавшие социокультурные и ментальные особенности народов России. Особенно важным такой учёт был бы на Юге России, где проживают народы, принадлежащие к различным культурно-хозяйственным типам, имеющие разные традиции государственности и неодинаковый опыт проживания в едином государстве совместно с другими народами. В результате одной из сторон, переживаемого Россией системного кризиса, стал кризис цивилизационно-культурной идентификации народов Северного Кавказа. Поскольку этнополитические процессы, протекающие в современном мире, в современной науке часто рассматриваются как инструмент в геополитическом противостоянии региональных цивилизационных центров, то осознание геополитического положения Юга России, оценка геостратегических приоритетов страны в целом, является непременным условием преодоления кризиса цивилизационной и социокультурной идентичности северокавказского региона. Дискредитация социалистической идеологии, составлявшей мировоззренческую основу системной целостности советского народа как наднациональной общности, привела к сегментации цивилизационно-

культурного пространства бывшего СССР. Новая социокультурная ситуация современного этапа развития общества сделала невозможной монополизацию политической системы одной идеологией и создание единой национально-государственной идеологии: «дискредитация марксизма-ленинизма как объединяющей идеологии, а также универсалистских идеологий как таковых привела к выдвиганию на первый план националистических и этнократических доктрин и соответствующих движений»¹⁶⁷. Поскольку федеральная власть утратила инициативу в поле производства идеологической продукции, то, как следствие, во многих звеньях региональной власти, оказавшейся вне поля общезначимых символических значений или высших смыслов, на которых строились классические идеологии, имеет место тенденция присвоения властных полномочий частными лицами, имеющих те или иные влиятельные позиции в социальной структуре. На Кавказе указанные процессы имеют большую специфику, которая все отчетливее проявляется в содержании традиционной восточной общности, которая восстанавливает традиционный тип общественного поведения людей, традиционные способы организации власти. «Несомненно, у каждого народа есть такие обычаи и традиции, которые следует учитывать в национальной политике. К ним можно отнести и ношение оружия как часть верхней одежды у многих кавказских народов, и свадебные ритуалы, и разное отношение к смерти, специфическая система семейных отношений и место женщины в них и т.д.»¹⁶⁸. Поскольку фундаментальные компоненты национальной культуры оказывают все большее влияние на формирование системы политических убеждений и политической идеологии в

¹⁶⁷ Глухова А.В. Красова Е.Ю. Политико-психологические контрверзы этнических конфликтов / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.41.

¹⁶⁸ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003. – с.416.

целом, то этническая принадлежность оказывается сильнейшим, и одновременно наиболее общепринятым и легитимированным индикатором различий. Индивиду крайне сложно сменить сопутствующие этничности признаки (часть или все ниже перечисленные), такие как язык, нарицательное имя, миф об общем происхождении, привязанность к определенной территории, религию, общую систему ценностей, известную групповую солидарность. Сами по себе глубокие различия не таят никакой опасности, однако, экстремисты националистического толка «не ограничиваются констатацией этих реально существующих фактов – они вносят сюда оценочный момент, когда отношения между поколениями, в семье, манера обращения, употребление в пищу тех или иных продуктов становятся характеристикой нечистоплотности, неразборчивости и ущербности тех или иных народов»¹⁶⁹. Сознательное генерирование этнополитических конфликтов увеличивает рост числа его участников, потенцирующих свой политический капитал, упрочивающих свое политическое влияние: «Начиная со второй половины 1980-х гг. в России наблюдался лавинообразный распад единой национальной идеологии, ее фрагментации и замена на целую мозаику микроидеологий, вырабатываемых самыми различными (прежде всего) этническими группами. Это не составляло специфику только нашей страны, а отражало глобальное явление, охватившее мир в последние десятилетия и получившее название постмодернизма... В результате современная духовная и политическая жизнь общества теряет прежнюю идеологическую однородность, заставляя человека искать свою нишу в этом мире плюрализма»¹⁷⁰. В геополитическом плане, по нашему мнению, проблема заключается в том, что этнические группы, наиболее

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Иванова С.Ю. Мультикультурализм: идеология и политика социальной и этнокультурной стабильности полиэтнических обществ. / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.200.

последовательные в своих претензиях, вознаграждаются теми региональными геополитическими центрами, которые заинтересованы в распространении своего влияния на сопредельные территориально-культурные образования. В многонациональном государстве эти процессы служат культурной предпосылкой и политико-правовой легитимацией для определенной этнической группы оправдывать свои экстремистские действия. «Для понимания природы конфликта важным является то, что с ростом этнического самосознания существенно меняются мотивы деятельности людей. На первичном уровне развития преобладают мотивы самовыражения, самоутверждения. И тогда в этноконфликтной ситуации выдвигаются требования моноидеологического характера, направленные на единообразие образцов культуры - исключительности языка и религии, политических привилегий для данного этноса и т.п.»¹⁷¹. В этом случае можно вычленить совокупность тех черт, которые придают этнической идеологии негативный характер: «сочетание традиций и инноваций всегда более легко осуществимо в рамках идеологического производства, чем в ходе общественной практики. При этом легкость в оперировании понятиями архаики и модерна в рамках конкретной идеологической конструкции может привести к исчезновению из нее положительного содержания вообще, вытесненного в ходе поиска приемлемого синтеза «своего» и «чужого» взаимоисключающими друг друга идеологическими постулатами»¹⁷². В годы кризисов, войн и иных общественных потрясений этническое сознание в своем стремлении понять происходящее

¹⁷¹ Глухова А.В. Красова Е.Ю. Политико-психологические контрверзы этнических конфликтов / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.44.

¹⁷² Уланов В.П. Полифония этнонациональных идеологий: в поисках «культурной» модели модернизации / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.316.

неизменно обращается к традиционным смыслообразующим категориям. Особенно привлекательными оказываются ранее отвергнутые формы мышления и стереотипы поведения, определяющие на предыдущих этапах политическую культуру народа. Возрождение же традиционных форм и смыслов политической деятельности принимает более жесткий и радикальный характер и в связи с процессами глобализации: «Реакцией на столь агрессивное воздействие современной глобализации и ее проводников на социокультурную сферу жизни различных этносов и регионов, к счастью, выступает не только растущая тревога, но и реальное сопротивление. В ряде цивилизаций (исламской, индийской, китайской), как констатируют аналитики, возникла сильная тенденция к отстаиванию своей самобытности, опирающаяся на культурное достояние в его символической, ценностной и институциональной формах»¹⁷³. В политической жизни проблема противостояния универсальной идеологии сменяется проблемой противостояния универсальной цивилизации. Процесс глобализации как продукт западной цивилизации и, в определенном смысле, объективный процесс несет в себе и деструктивные тенденции, особенно для социокультурной структуры, сложившейся в иных цивилизациях и регионах. Б. Ерасов отмечает, что под воздействием современной глобализации «в собственно цивилизационном плане отмене или изъятию подлежит вся культура и история народа с его накопленным опытом, сложившимися структурами общения, жизненными устремлениями, представлениями о мире и о себе. Насильственная смена ценностей, норм и смыслов часто ведет к ниспровержению прежней символики, на которой в значительной степени

¹⁷³ Степанов Е.И. Регионализация этноконфликтологии в России как альтернатива современному глобализму // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.292

держалось общество»¹⁷⁴. В результате возникает целый спектр идеологий на основе геополитических доктрин: «стремление сокрушить все прежние принципы и традиции общежития различных этносов, накопленные прежними поколениями, в интересах якобы выстраивания «новой системы глобальной регуляции» усугубляется в российской действительности поддержкой западными институтами движений этнических меньшинств в ущерб более крупным геокультурным единицам национального, конфессионального или цивилизационного плана»¹⁷⁵.

В геополитическом отношении Кавказ рассматривается далеко не однозначно. Современная культура Северного Кавказа исторически сформировалась в результате сложного взаимодействия кавказской горской, исламской и русской (российской) цивилизаций и культур, модернизационных процессов XX века. Каждая геополитическая концепция содержит в себе совершенно определенную иерархию ценностей, на основе которых и формируются частные политические идеологии, которые используются различными клановыми группами для достижения своих целей, прежде всего – власти. С позиций постмодернизма за властью не стоит никакой высший социальный, исторический или нравственный смысл, поскольку она представляет или защищает лишь свои собственные интересы – интересы тех, кто устроился во власти. «Постмодернистская ситуация, собственно, и означает, что классическая презумпция, заставляющая рассматривать власть как превращенную форму той или иной «высшей необходимости», больше никого не убеждает: ни самих властвующих, ни подвластных»¹⁷⁶. В этих условиях

¹⁷⁴ Цит. по: Степанов Е.И. Регионализация этноконфликтологии в России как альтернатива современному глобализму // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.292.

¹⁷⁵ Там же – С.294.

¹⁷⁶ Панарин А.С. Политология. М., 1997. – С. 103.

тенденции глобализации, борьба за установление однополярного мира и стремления народов к воссозданию многополярного мира оказывают непосредственное влияние на поиск народами России, включая и Северный Кавказ, своей идентичности¹⁷⁷.

Кавказ - это регион, где обозначились барьер и в то же время многовековое взаимодействие христианства, в первую очередь православия, ислама и буддизма; здесь проходили доминантные торговые пути. С точки зрения геополитики, Кавказ стоит на рубеже океанического и континентального миров, поэтому данный регион всегда оказывался в центре борьбы между великими державами древности, средневековья и нового времени, которые стремились реализовать не только свои военно-стратегические и экономические интересы, но и распространить свои цивилизационно-культурные, ценностные системы.

В науке принято говорить о палеокавказской общности народов региона, т.е. наличии кавказского субстрата, который лежит в основе кавказской языковой семьи¹⁷⁸. Правда, ряд исследователей (Г.А. Климов и др.¹⁷⁹) ставят под сомнение генетическое родство всех кавказских языков, обращают внимание не на изолированность, а близость иберийско-кавказских языков индоевропейским. Дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения дают адыго-славянские (М.В. Федорова) и вайнахо-славянские (А.Д. Вагапов)¹⁸⁰ древнейшие языковые параллели, что позволяет авторам ставить вопрос о более широкой языковой общности – евразийской¹⁸¹.

Для анализа специфики геополитического статуса Северного Кавказа применяется также методология, разработанная в рамках теории локальных

¹⁷⁷ Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Ростов н/Д, 1999.

¹⁷⁸ См.: Гасанов М. Р. Палеокавказская этническая общность и проблема происхождения народов Дагестана. Махачкала, 1994.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ См.: Вагапов А. Д. Славяно-нахские лексические параллели. Грозный, 1994; и др.

¹⁸¹ Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.

цивилизаций, признающей полицентричность всемирно-исторического процесса, под которыми понимается развивающийся, но устойчивый в своих основных типологических чертах и архетипах духовный, социокультурный и хозяйственный этнорегиональный комплекс. Его систематизирующие факторы: религиозно-нравственное мировоззрение, система экзистенциальных ценностей и табуирования, природно-ландшафтные условия и способы хозяйствования, формы государственно-политической организации, самоуправления и правоотношений. Они проявляются в определенных пространственно-временных рамках уникально, разновекторно, получают различную иерархию, что и находит выражение в рождении и развитии самобытных региональных цивилизаций, индивидуальность которых заключается, прежде всего, в особенностях мышления, восприятия окружающей среды, действительности, способах ее отображения, в ценностных приоритетах, характере труда и социальной практики. В 1990-е годы обозначились первые шаги применения цивилизационного подхода к истории Кавказа, при сохранении традиций системного анализа, характерного для исследований в рамках формационной методологии. Р.Г. Абдулатипов, Г.У. Кцоева и другие идеологи «Кавказского дома»¹⁸² попытались обосновать гипотезу о «кавказской цивилизации», «едином кавказском суперэтнотипе», основанных на общей исторической ментальности. Согласно данной концепции горские народы Кавказа, испытав воздействие различных цивилизаций, религий и культур, создают к XV - XVI вв. кавказскую горскую цивилизацию¹⁸³, характеризующуюся полиэтничностью, религиозным синкретизмом (синтезом местного язычества с элементами христианства и различными течениями ислама); сочетанием высокогорья, предгорий и равнин, которое определяет взаимосвязь террасного земледелия, альпийского

¹⁸² Абдулатипов Р. Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995. № 1; Кцоева Г.У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994.- № 2

скотоводства и наездничества; психологическими чертами, закрепленными в своеобразных этических горских кодексах, преобладанием негосударственных форм самоорганизации. Термин «кавказская горская цивилизация» отличен от термина «северокавказская», так как пространственно она охватывает некоторые районы Закавказья, корреспондируется с горскими анклавами в других регионах мира, но отличается от них, прежде всего, своими нравственно-этическими кодексами (адыгэ хабзэ, апсуара, намис и др.).

Концепцию северокавказской цивилизации, проблему ее типологии развивают А.А. Аникеев и др.¹⁸⁴. На протяжении истории существовали различные альтернативы трансформации кавказской горской цивилизации, поскольку пространство Северного Кавказа (включая Предкавказье) было контактной зоной кавказской горской цивилизации как с кочевым миром, так и с русской православной цивилизацией. Но горские народы ходом исторического развития оказались втянутыми в глобальное противостояние и атлантистской империи Англии, и континентальной Российской империи, а также Франции, Германии, которые в разные периоды оспаривали гегемонию России в этом регионе. Роль буфера между этими соперниками безуспешно пыталась играть Османская империя. «С незапамятных времен Кавказ рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов, отделяющих Восточную Европу от азиатских степей, православие от ислама, как барьер между Византийской, Османской, Персидской и Российской империями и арена борьбы империй и межнациональных конфликтов»¹⁸⁵.

¹⁸³ Черноус В. В. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX - начале XX вв. Ростов н/Д, 1992.

¹⁸⁴ Аникеев А. А., Крикунов В. П., Невская В. П. Северокавказская цивилизация: проблемы типологии // Актуальные проблемы историографии и методологии истории. Ставрополь. 1997; Северокавказская цивилизация: история, культура, экономика, социология, философия. I-II. Пятигорск, 1996; Северокавказская цивилизация: вчера, сегодня, завтра. Пятигорск, 1998; и др.

¹⁸⁵ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.,2001. – С.10.

К началу XX в. Северный Кавказ был в значительной степени интегрирован в социокультурную систему Российской империи. В советский период можно говорить о северокавказской (южнорусской) субцивилизации в рамках советской модели индустриального общества¹⁸⁶. Тем не менее, Кавказская горская цивилизация по системообразующим факторам была типологически отличной от русской¹⁸⁷. Последняя определялась православным типом духовности и экзистенциальными ценностями (что делало комплиментарными отношения с армянами, грузинами и большей частью осетин), равнинными природно-ландшафтными условиями, относительно суровым климатом, общинно-артельными формами хозяйственной деятельности в условиях мобилизационного типа развития, государственностью как доминантной формой национальной самоорганизации, не абсолютизирующей формальный закон. В XVI-XVII вв. их диалог носил ознакомительный и технологически взаимообогащающий характер. Важную роль в диалоге играло казачество, через которое обе цивилизации как бы «вплавлялись» друг в друга¹⁸⁸. Как отметил Х. Сохроков, «если отбросить обиды и попытаться беспристрастно взглянуть в глубь веков, то можно заметить сознательный и добровольный выбор наших предков, искавших защиты у московских правителей, геополитически представлявших в те времена одну из самых мощных в материальном и культурном плане цивилизаций»¹⁸⁹. В XVIII - первой половине XIX в. русская цивилизация стала ядром полиэтнической, поликонфессиональной (православно-мусульманской при доминировании православия) трансрегиональной российской цивилизации. При широком

¹⁸⁶ См.: подробнее: Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно - цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа, 1999.- № 3.

¹⁸⁷ См. подробнее: Патракова В. Ф., Черноус В. В. Русская (российская) цивилизация // Российская историческая политология. Ростов н/Д, 1998.

¹⁸⁸ Черноус В. В. Роль казачества в диалоге русской и кавказской горской цивилизаций // Россия: прошлые, сегодняшние реалии и перспективы развития. Новочеркасск, 1994.

¹⁸⁹ Сохроков Х. Живая судьба народов // Эльбрус (Нальчик). 1999.- № 2.- С.6.

распространении языковой ассимиляции, которая по существу сделала регион двуязычным, более глубокое проникновение в местный быт русских этнокультурных стандартов не произошло, хотя уровень культурных заимствований и взаимовлияний остается высоким и будет сохраняться в будущем. Именно присутствие российской (русской) культуры в регионе определяет во многом общие культурные черты. Северный Кавказ в результате вхождения в состав российского государства и участия в его культурном диалоге, в том числе с русским языком и культурой обрел черты той общности, которые позволяют говорить о нем как об историко-культурном, а не только экономико-географическом регионе. Нынешние трудности на Северном Кавказе усугубляются тем обстоятельством, что исторически Россия, точнее русскоязычная российская культура утрачивает в этом регионе безраздельное доминирование, что по существу означает конец однозначной «русификации» и «европеизации». «В отличие от западной христианской базирующейся на единой для нее историко-культурной и религиозной инфраструктуре, многообразии и разломы коренятся в самой инфраструктуре кавказского культурно-цивилизационного круга»¹⁹⁰.

Этнический национализм, стимулируемый в таком сложном культурно-цивилизационном пространстве международными юристами и политическими философами из различных фондов и гуманитарных миссий, действительно является мощным дестабилизирующим обстановку в стране фактором. Выделяя «чеченский фактор» в общерегиональном проблемном контексте, В.А. Тишков говорит: «Именно здесь проявился феномен массового выхода части населения из правового пространства и возник район вооруженного сепаратизма, неконтролируемый российскими властями. Именно тут радикальный этнический национализм и религиозный экстремизм обрели откровенно

¹⁹⁰ Гаджиев К.С. Указ. соч. – С.41.

насильственные и варварские формы, бросив вызов не только государству, но и общественным устоям, традиции и ценностям местного населения»¹⁹¹. В культурном пространстве Северного Кавказа более значимыми становятся как местные этнические культуры, так и культурные мировые системы, связанные с исламской или «восточной» традицией. «Такая политика имела своим результатом кризис русского национального самосознания. В результате сформировалась генерация «россиянцев», страдающих комплексом государственной и национальной неполноценности, лишенных патриотизма, оторванных от своих корней, готовых практически к принятию любого вида асоциальной деятельности. Создание отталкивающего образа России и русского народа, а их культуры как вторичной, якобы своего рода лишь ретранслятора европейской в полиэтническом государстве не могло не носить деструктивного характера.

Если ранее принадлежность к великой супердержаве и ее достижениям в разных сферах деятельности, культуре была предметом гордости всех народов, в том числе Северного Кавказа, то теперь объективно возникла потребность дистанцироваться от «не престижной», тупиковой социокультурной системы и ее влияния как условия этнического самосохранения»¹⁹².

Нахождение Чечни, других точек Северного Кавказа и Закавказья в «сейсмически активной зоне», между мощными Североевразийской и Западноазиатской геополитическими платами, предполагает постоянную, пульсирующую конкуренцию России, Турции, Персии, других субъектов

¹⁹¹ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под редакцией В.А. Тишкова. М., 1999.- С.7.

¹⁹² Черноус В.В. Социально-политический процесс на Юге России: от вспышки ксенофобии к регенерации этнокультурного взаимодействия и осознанного единого гражданства // Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 6. Отв. редактор В.В. Черноус – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. - С.64

отношений за преобладание в этом регионе. Однако «уход» из этого региона России предполагает (при резком безусловном росте междоусобиц) вовсе не «свободный» статус его обитателей, но переход под геополитический контроль новых растущих центров силы в лице тех же Анкары и Тегерана. На сегодняшний день «идеальная цель Турции состоит в том, чтобы объединить вокруг себя все новые тюркоязычные страны для реализации идей пантюркизма и создать более или менее дееспособный противовес российскому влиянию в Кавказо-Каспийском регионе и Центральной Азии»¹⁹³.

Теократический характер Саудовского государства, состав и взгляды его правящей элиты, процесс принятия решений и возможности расходования огромных денежных средств, также превращают Саудовскую Аравию в одного из ведущих международных «игроков» на российском Северном Кавказе. Как отмечал Р. Джабаров, «в 1992-1994 годах на территории Чечни, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Башкирии и Дагестана саудовские организации через созданные ими структуры приступили к открытию целой сети подпольных полувоенных лагерей якобы для изучения основ мусульманской религии. На самом же деле в лагерях осуществлялась интенсивная идеологическая и военная подготовка молодежи – «будущих защитников ислама»... Эти лагеря в скором времени под руководством иностранных миссионеров и инструкторов превратились в центры по подготовке исламских боевиков»¹⁹⁴. Смысл их активности состоит в том, чтобы превратить российский Северный Кавказ в составную часть мусульманского мира, а в геополитическом отношении включить ее в «расширенный Ближний и Средний Восток». Попытки реализации этой цели представляют в настоящее время и в перспективе наиболее серьезную угрозу национальным интересам России, стабильности и миру на Северном Кавказе. «В результате чеченское общество

¹⁹³ Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М.,2001. – С.347

оказалось (вернее, позволило себя сделать) заложником крайне малой части «протагонистов насильственного сценария» и довольно мощной когорты участников новых геополитических соперничеств, осуществляющих глобальную «декоммунизацию», а также «доисламизацию», «деколонизацию» и борьбу против «последней империи»¹⁹⁵. Интерпретация чеченского кризиса как проявления национально-освободительного движения чеченского народа и как попытки его подавления имперскими силами была и остается популярной как части российских, так и подавляющего большинства зарубежных экспертов. «Сыграв, несомненно, свою весьма негативную роль в этом процессе, данная идеология, тем не менее, должна быть оценена, по нашему мнению, лишь как фактор, усугубивший собственные ошибочные – особенно с позиций обеспечения процесса демократизации общественных процессов и отношений в России – действия основных и непосредственных инициаторов и участников чеченских событий»¹⁹⁶.

По оценке директора Института этнологии и антропологии РАН В. Тишкова, жесткое «возрождение» чеченства наступило в условиях глубоких общественных трансформаций последнего времени. «Оно происходило в драматической и фантастической (мифологизированной) формах, сконструированных из доступного историко-этнографического материала (чаще всего малодостоверного), литературных и паранаучных фантазий и намеренных политических предписаний. Чеченство стало не просто первичной идентичностью, но и особой ролью, замешанной на нескольких элементах: а) националистическом нарциссизме, б) комплексе жертвенности (виктимизации)

¹⁹⁴ Цит. по: Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. М., 2001. – С.258.

¹⁹⁵ Степанов Е.И. Уроки вооруженного конфликта в Чечне: глобальный и региональный аспекты / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.108.

¹⁹⁶ Там же.-С.101

и в мессианской идее «гробовщиков империи», «освободителей Кавказа» и «авангарда исламизма»¹⁹⁷. Риторика самоопределения была и остается основным эмоциональным и политическим аргументом для дальнейшего процесса «освобождения Кавказа»: «После первой чеченской войны в чеченском командовании наметился политический раскол. Часть полевых командиров не хотела прекращать вооруженные действия и предпочитала вариант экспорта «освободительной революции» на весь Северный Кавказ. За этим стояла идея, что Чечня может добиться полной независимости только после освобождения всего Северного Кавказа и получения выхода к двум морям – Каспийскому и Черному»¹⁹⁸.

Но в случае гипотетического обретения независимости Чечня с большой степенью вероятности превратилась бы в инфраструктурный тупик. В этом случае очень многое теряет не только Россия - теряет в первую очередь Северный Кавказ. Он, возможно, навсегда выбывает из числа значимых инфраструктурных коридоров на новом формирующемся «южном» маршруте Европа – Азия: «Что касается Кавказо-Каспийского региона, то вслед за нефтью и газом одним из главных его ресурсов становится выгодное географическое положение, обеспечивающее ему возможность быть транспортным коридором, связывающим Европу с Азией, Запад с Востоком»¹⁹⁹.

Транспортные линии, в том числе трубопроводы, нефть и газ из Прикаспия, Центральной Азии, товарные потоки пойдут по другим маршрутам. А в Чечне очень многие не обоснованно связывают надежды на благополучное будущее именно с прохождением по территории республики «трубы»: «В вопросе о выборе наиболее приемлемых маршрутов транспортировки

¹⁹⁷ Бабин И.А. Миростроительство в контексте культуры мира / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.252.

¹⁹⁸ Степанов Е.И. Указ соч. – С.108.

¹⁹⁹ Гаджиев К.С. Указ. соч. – С.425.

каспийской нефти столкнулось множество интересов. В конечном счете, обозначились три направления, по которым нефть потечет на мировые рынки. Это, во-первых, северное направление через территорию России, во-вторых, западное направление через территорию Грузии, Турции и Ирана, в-третьих, южное направление по территории Ирана, Афганистана и Пакистана»²⁰⁰. В результате выигрывают Турция, частично страны Закавказья и во многом Иран.

Послевоенный чеченский национализм также остался этническим по своей сути: «если раньше он был основан на идеологии приниженности – «исторической несправедливости», коллективной травме депортации и дискриминации, то теперь – на идеях превосходства, т.е. стал национализмом шовинистического толка. Он не утратил своей «антиимперской» формы, но дополнительно обрел идеи религиозного экстремизма и исключительности»²⁰¹. Политические представления чеченских лидеров являются лишь поводом для этнической мобилизации, и служат целям, которые формируются далеко за пределами самой Чечни: «Согласно концепции радикального вайнахского мессианизма, историческое предназначение чеченского народа усматривается в том, что он призван зажечь «огонь свободы», повести за собой остальные кавказские народы, объединив их вокруг себя под лозунгами кровнородственной, культурно-психологической и религиозной идентичности»²⁰².

Поскольку современный Кавказ – регион, где в настоящее время активизируются геополитические конфликты, которые увязывают с высоким уровнем социальных противоречий в сфере национально-государственного

²⁰⁰ Там же. – С.425-426

²⁰¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – С.22.

²⁰² Вартумян А.А. Развитие политического процесса и проблемы южнороссийской конфликтологии / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.313.

устройства, то значимым фактором является также то, что в данном регионе активно контактируют этносы различных социокультурных типов и различных конфессиональных ориентаций (прежде всего христианства и ислама). При этом всё чаще ислам рассматривается как специфическая мобилизационная идеология для кавказских народов, как важнейший фактор нового национального самосознания, как основание для создания самостоятельных государственных образований. «В создавшейся на Кавказе после распада СССР ситуации внимание наблюдателей и исследователей привлекают прежде всего место и роль ислама как одного из факторов, определяющих геополитическое положение во всем южном направлении внешнеполитической стратегии России»²⁰³. В данном контексте резко повышается значение объективной рефлексии культурного статуса ислама в единстве с традиционными основаниями национального самосознания.

Это обстоятельство (религия в единстве с традиционной культурой), все чаще рассматривают, как основную причину этнического экстремизма не только на Кавказе: «Мусульманские страны обладают огромными экономическими и финансовыми ресурсами. За последние десятилетия они создали целый ряд правительственных и неправительственных организаций, крупнейшей из которых является Организация Исламская конференция (ОИК). Действуют Исламский банк развития, Исламский фонд развития и др. В дополнение к этому следует учесть также тот факт, что на исламский мир работает демографический фактор»²⁰⁴.

Относительно природы национализма в западной литературе распространен подход, согласно которому существует два типа наций - «этнические» и «гражданские». В первом случае речь идет о восточном типе национализма, основанном на «народном духе», культуре и общем

²⁰³ Гаджиев К.С. Указ соч. - С.255.

происхождении. Ему присущи идеалистические и мессианские устремления. Во втором случае можно говорить о «рациональном», «гражданском» национализме, основанном третьим сословием на ценностях политического и экономического характера. В. Коротеева, анализируя взгляды Г. Гердера, Х. Кона, Л. Гринфельд, Р. Брубейкера и Э. Смита, показывает базовое различие «этнических» и «гражданских» «национализмов». Согласно этой схеме «этнический» национализм распространен в Азии. В его основе лежит замедленное экономическое развитие и связанный с этим комплекс неполноценности, который компенсируется через идеи этнической избранности, «особого пути» и мессианизма. Гражданский же национализм порождается свободными выбором и «предполагает моральное и политическое первенство индивида»²⁰⁵. Становление европейских наций происходило в религиозно индифферентном виде: «Не антирелигиозный и не неорелигиозный, а иррелигиозный характер Вестфальского мира 1648 г., придавший новый облик и значение европейскому нормативному порядку, создал идейное, а позднее и политическое пространство для появления и легитимного существования центра между любыми возможными противоположностями, возникавшими в лоне европейской цивилизации, - религиозным фундаментализмом и секуляризмом, консерватизмом и радикализмом, космополитизмом и рационализмом, капиталом и трудом»²⁰⁶. Таким образом, в Европе соглашение между католиками и протестантами впервые открыло то, что политика может быть не воспитанием и практикой добродетели, не реализацией идеи «благой» жизни, а собственно технологией улаживания конфликтов, абстрагирующей от

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997. Т.2 - № 3. - С. 188.

²⁰⁶ Капустин Б.Г. Мораль и политика в западноевропейской политической философии / От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). М., 1994. – С. 7.

религиозных ценностей. Политическая проблема становилась технологической, а политическая деятельность представлялась европейцам чем-то таким, что заключает свои нормы лишь в себе. Таким образом, субъектом политики в Западной Европе является государство как нация.

Коллективистский этнический национализм, коренящийся в глубоком комплексе неполноценности, поощряющем веру в то, что уникальность нации следует искать вовсе не в ее достижениях, а в самой сущности – это национализм азиатского типа. «В связи с актуализацией проблемы этнических противоречий и конфликтов исследователи обратили внимание на то, что «западный» и «восточный» «национализмы» имеют серьезные типологические различия. Первый сопутствовал буржуазным революциям и успешному процессу формирования сильных наций-государств. Второй же проявился в обществах, которые в основном не проходили данную стадию политической модернизации и идентифицировались на культурной основе. При этом природа западного национализма эндогенна: он возник вследствие успешного преодоления внутренних препятствий, мешающих суверенитету (например, политики родовой знати), его социальным субъектом было третье сословие, преимущественно буржуазия. Восточный же национализм, напротив, являлся порождением экзогенных факторов, поскольку служил обоснованием борьбы против внешнего, чужеземного правления (турецкого, габсбургского или российско-советского). Главным его носителем, особенно в переходных процессах конца XX века, выступает интеллигенция (творческие работники, студенчество, духовенство) как представители среднего класса. Это существенным образом повлияло на то, что восточный национализм в большей

степени обуславливается этническими факторами, чем его предшественник на Западе»²⁰⁷.

Б. Андерсон в работе «Воображаемые сообщества», выявляя специфику национализма, пишет: «Я вовсе не утверждаю (нет необходимости об этом и говорить), будто появление национализма к концу XVIII в. было «произведено» эрозией религиозных убеждений или будто сама эта эрозия не требует сложного объяснения. Не имея в виду и того, что национализм каким-либо образом исторически «сменяет» религию. Я всего лишь предполагаю, что для понимания национализма следует связывать его не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых – а вместе с тем и в противовес которым – он появился»²⁰⁸. Андерсон проводит мысль, что национализм (в нашем случае «восточный») это скорее не идеология в классическом европейском смысле: «На мой взгляд, все станет намного проще, если трактовать его так, как если бы он стоял в одном ряду с «родством» и «религией», а не «либерализмом» или «фашизмом»²⁰⁹. По мнению В. Коротеевой, подобный взгляд на этничность связан с попытками «либерального сознания» выработать четкую собственную позицию перед лицом усиливающихся глобальных националистических тенденций. В итоге это выливается в попытки отделить более приемлемые формы национализма от менее приемлемых. В свою очередь «Миф гражданской нации» порождает понятие «либерального национализма», направленное на преодоление стремления «сторонников либеральной традиции к «коллективисткой»

²⁰⁷ Глухова А.В. Красова Е.Ю. Политико-психологические контroversы этнических конфликтов / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.41-42.

²⁰⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001, - С.35.

²⁰⁹ Там же - С.30.

доктрине, возводящей ее национальную принадлежность в ранг основных ценностей индивида»²¹⁰. В целом же в западных социальных науках и общественном мнении все отчетливее проявляется тенденция к отказу от положительного восприятия «гражданского национализма».

По мнению автора настоящего исследования, в современный период становления новых отношений между этносом, религией и государством и образования более или менее устойчивых социальных форм этих отношений именно этнос неизбежно становится субъектом религии. Говоря об этносе как о субъекте религии в меняющемся контексте такого региона как Северный Кавказ и учитывая его необычайное религиозно-культурно-этническое разнообразие, следует отметить такую черту этноса, как его относительную устойчивость в рамках корреляции «этнос – религия». «Немаловажную роль в формировании нации и национальной идеи играет религия. Ирония состоит в том, что мировые религии в силу своей универсальности призваны стирать этнические, языковые, политические и иные различия между людьми и народами. Но, тем не менее, факты говорят о существовании определенной связи между религией и национальным самосознанием»²¹¹. Как термин самосознания или самоидентификации, этнос является потенциальным субъектом религии, но не обязательно ее актуальным субъектом, что приобретает особое значение в регионах, отмеченных религиозным многообразием, и что особенно важно учитывать в прогнозах динамики религиозной жизни региона. Именно в этом смысле возможно говорить о «религиозном потенциале» отдельных этносов. В этносе в его отношении к религии можно видеть такой случай самосознания (одновременно и религиозного, и этнического), который в каждой данной исторической ситуации и, в каждом данном месте исключает другие способы

²¹⁰ Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997. Т.2 - № 3. - С. 196.

²¹¹ Гаджиев К.С. Указ соч. - С.255.

самоидентификации: «в определенных ситуациях тот или иной народ избирает этническую религию, чувствуя свое отличие от соседних народов и государств. Например, Иран сохранял свою идентичность в отношении окружающих народов и стран, сначала оставаясь приверженным зороастризму, а затем, после обращения в ислам, разработав собственную – шиитскую версию»²¹².

Новые отношения между религией и этносом, которые складываются в XX веке, отношения настолько новые, что было бы методологически неверно их описывать как с точки зрения традиционной западноевропейской модели, так и с точки зрения, еще не сформулированной, новой российской модели. Этнос на Северном Кавказе фактически стал субъектом и заложником религиозного самосознания. «Исламский экстремизм» и «исламский терроризм» зачастую подпитывается архаичными формами социального поведения горских народов, такими как абречество, обычай кровной мести и т.п.. Все эти факторы в значительной степени укрепляют позиции исламизма, одновременно используя его идеологические конструкты для оправдания своей политической практики и мобилизации верующих на джихад против «неверных». «Различают три толкования джихада.

Во-первых, «большой джихад», означающий борьбу каждого отдельно взятого верующего с самим с собой, против собственного внутреннего врага, против собственных страстей, склонностей, пороков... Во-вторых, «внутренний малый джихад», то есть война в самом исламском мире (дар эль-ислам), имеющая своей целью борьбу против врагов в пределах самой общины верующих мусульман или, иначе говоря, против вероотступников...

И, наконец, в-третьих, «внешний малый джихад», направленный против неверных во внешнем мире, за пределами самого исламского мира,

²¹² Там же. - С.254.

составляющем дар эль-харб, или «сферу войны»²¹³. Иными словами, мы считаем, что отличительной особенностью религиозно-политического терроризма в регионе выступает то обстоятельство, что он теснейшим образом переплетается и блокируется с терроризмом национально-этнической направленности, который нередко использует «исламское» прикрытие, а трансформация идейно-политической базы, форм и методов деятельности радикальных исламистов в немалой степени происходит под внешним воздействием.

Проблема взаимоотношения религии и этноса в идеологическом процессе зачастую носит противоречивый характер - существуют две ведущие и, не согласующиеся между собой, объединительные тенденции в геополитике региона - панисламистская и пантюркистская. Вряд ли они могут реализоваться, поскольку традиционно конкурируют между собой. Тем не менее, даже попытки их осуществления способны создавать, и создают принципиально новые силовые величины в обширном регионе и оказывают влияние на мировую политику. Панисламизм апеллирует к наднациональному уровню, а «мусульманский национализм», который лежит в основе пантюркизма, собственно к национальному. Сторонники теории исламской солидарности из организации «Братья мусульмане» в Иране, Саудовской Аравии призывают всех мусульман объединиться вне национальных рамок, тогда как идеологи «мусульманского национализма» в лице Турции, Ирака, отчасти Ливии выступают за обособление мусульман региона на этнорелигиозной основе и выделение данной общины в самостоятельное государственно-политическое образование. В основе теории пантюркизма лежит религиозно-шовинистическая доктрина о создании Великого Турана. Ее тремя основополагающими постулатами являются объединение народов по их этнической принадлежности

²¹³ Гаджиев К.С. Указ соч.. - С.263.

к тюркам, приверженность исламу, а также общность языка, исторической культуры и восточного менталитета. «На политическую жизнь Чечни все более растущее влияние оказывают разного рода радикальные исламские организации, такие, как «Братья мусульмане», «Джаамат ислами», Исламская молодежь» и др., получавшие щедрую финансовую и другую материальную поддержку от саудовских, пакистанских, ливанских и иных организаций»²¹⁴. Это означает, что в республике обозначился в то время курс на «построение безнационального исламского государства».

Вероятно, не лишены оснований доводы тех авторов, по мнению которых руководители Чеченской Республики для идеологического укрепления своих позиций «вступили в политический флирт с отдельными руководителями суфийских общин кадырийского тариката»²¹⁵. Это привело к фактическому расколу в среде верующих на два конфликтующих лагеря – приверженцев традиционных толкований и различных вариантов фундаментализма, прежде всего ваххабизма. Идеиные установки этого течения были сформулированы богословом и правоведом М. Ибн Абдул-Ваххабом ат-Тамими, родившемся в 1703 году в центральной части Аравийского полуострова. «Его проповеди, с которыми он стал выступать с конца 30-х годов XVIII в., отличались крайней нетерпимостью ко всем нововведениям в исламе и проникновению в него национальных религиозно-обрядовых традиций вроде культа святых, культа предков, почитания святых мест и т.п.»²¹⁶.

Духовный эгалитаризм ваххабитов, проповедующих равенство верующих перед Аллахом, естественным образом сочетается в их учении с призывами к социальному равенству и справедливости, что и послужило эффективным средством мобилизации на борьбу против несправедливости и беззакония:

²¹⁴ Там же. - С.263.

²¹⁵ Цит. по: Гаджиев К.С. Указ соч. - С.259.

²¹⁶ Гаджиев К.С. Указ. соч. - С.260.

Ваххабиты также не признают дервишество и суфийские ордена. Поэтому они называют «муваххидун» («единобожники»), то есть отвергающие любые попытки «придать Аллаху товарищей», поклонение мусульманским святым и героям»²¹⁷. Если ваххабиты символизируют новый, «исламский порядок», то тарикатисты, несмотря на аналогичные призывы к введению шариатского устройства общества, воспринимаются частью «старого порядка», старой системы. «Тарикат - метод мистического познания в исламе, зародился в X-XI веках на Ближнем Востоке. Организационно тарикатское движение опиралось на институт «учитель-ученик». Центральной фигурой был наставник, которому беспрекословно подчинялся ученик (мюрид), как единственному проводнику по пути познания истины. На базе этих отношений постепенно сформировалась иерархическая система религиозных школ, которые получили название суфийских братств»²¹⁸.

В целях подтверждения правоты смысла той или иной религиозной ветви и возникают фанатичные, экстремистские направления, которые ради доказательства своей приверженности религиозной доктрине доходят до абсурда и сфера религиозного конфликта расширяется до рамок политической сферы, поскольку «любая реальная политика практически всегда строится на идеологических гибридах и содержит в себе изрядные дозы эклектики. Политики руководствуются необходимостью действия, а не чистотой идеологических принципов»²¹⁹. Тем не менее, тейпово-вирдовое чеченское общество, в мирное время раздираемое противоречиями, в военном противостоянии с федеральным центром сумело сплотиться посредством идеи мусульманского единства. Этому в существенной степени способствовала

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Там же. - С.261.

²¹⁹ Радаев В. Об истоках и характере консервативного сдвига в российской идеологии. С. 13.

ваххабитская доктрина, которая отличается рационализмом и доступностью, обладает четкой, почти неопровержимой внутренней логикой.

Декларируя строгое следование буквальным положениям Корана и Сунны, ваххабиты порой весьма умозрительно реконструируют модель «чистого ислама» (особенно ее социально-политические аспекты) на базе избирательного подхода к священным текстам. «В ваххабизме центральное место занимают два системообразующих элемента – такфир и джихад. Суть такфира (от арабского куфр») – обвинение в неверии мусульман (а не представителей других вероисповеданий, которые по самому определению считают кяфирами – неверующими), не согласных с учением ваххабитов, объявленным единственно правильным. Иными словами, всех тех мусульман, которые не приемлют их специфическое толкование ислама, ваххабиты рассматривают в качестве вероотступников»²²⁰. Тем не менее, ваххабизм позволяет преодолевать элитарность и замкнутость суфизма, как бы «модернизировать» ислам, очистив его от мистики, суеверий и патриархальных традиций, против которых восстает сознание современного человека. Другой привлекательной чертой ваххабитской идеологии является ее способность транслировать протест против традиционных форм социальной организации, поэтому ваххабизм можно рассматривать как идеологическую оболочку процесса социальной модернизации и выделения индивида из системы клановых связей, до сих пор цементирующих чеченское общество.

Быстрое социально-имущественное расслоение людей в последние годы, смещение морально-нравственных ориентиров и нарушение процесса социализации наиболее болезненно сказывается на молодежи, порождая у них протест против устоявшихся, традиционных форм социальной организации. Суфийские братства, органически вплетенные в систему традиционных связей,

²²⁰ Гаджиев К.С. Указ. соч.. - С.263.

оказались не способны сыграть роль выразителя подобного протеста. Ваххабитское же требование строгого поклонения одному лишь Аллаху объективно освобождает индивида от власти патриархальных тейповых (родовых) традиций, обеспечивая высшую религиозную санкцию свойственного особенно молодежи стремлению к самостоятельности и самоопределению в рамках новых, современных форм социальной солидарности.

Отечественный исследователь И. Севостьянов считает, что «главным действующим лицом в исламском экстремизме является агрессивное мессианство конфессионально-политического толка, нацеленное на слом гражданских обществ мусульманского и сопредельного ему пространств, внешнюю экспансию в форме панисламизма, обострение коллизий вдоль линии соприкосновения религий, прежде всего ислама и христианства»²²¹. Он также полагает, что «исламский экстремизм обслуживает интересы радикальной части исламского мира, используется клерикальными, политическими, экономическими кругами и порой государственными структурами для различного рода «разборок» на мусульманском пространстве и за его пределами»²²². Севостьянов в этой связи выделяет наиболее характерные черты исламского экстремизма: непримиримость к гражданскому светскому обществу и стремление к его замене исламским, устроенным по шариату; недопустимость раздельного существования религии и государства, мечеть и государство должны быть вместе; отрицание единства глобальной цивилизации наряду с противопоставлением исламской зоны остальному миру; нетерпимость к международному праву, отрицание таких его ключевых положений, как территориальная целостность, незыблемость государственных границ, и т.д.; опора на методы дестабилизации ради достижения своих целей при

²²¹ Севостьянов И. "Исламский фундаментализм" и исламский экстремизм - это совсем не одно и то же // Международная жизнь. - 1996. - № 5. - С. 32.

²²² Там же.

использовании, где возможно, легальных путей к власти; готовность союзничать со всеми силами, в первую очередь с национализмом, сепаратизмом и все в большей мере с социальным популизмом²²³.

Известный отечественный терролог Е.Г. Ляхов, в частности, подчеркивает, что немаловажным отличием терроризма 90-х гг. от терроризма 70-х гг. XX в. является его усиливающаяся исламизация, а наиболее питательной средой проявления терроризма в наши дни становится уже не идеология, а национальные, этнические и религиозные интересы, в частности исламский фундаментализм²²⁴. Ю.П. Кузнецов считает, что «в целом исламский экстремизм несет ответственность за 80% террористических актов в мире и в конце XX в. на мировой арене действовали почти 150 исламских организаций террористической направленности»²²⁵.

Но причины возникновения этнорелигиозного экстремизма в Чечне кроются не только в этнографии и истории, а прежде всего в современных факторах:

- во-первых, значительная часть чеченцев оказалась подверженной националистической идеологии, к которой добавилась романтика и логика вооруженной борьбы, а затем и «великой победы». Героическая мифология сослужила свою мобилизационную службу в период военных действий, но оказалась беспомощной во время послевоенной реконструкции и бесполезной для налаживания отношений с противоположной стороной конфликта;

- во-вторых, попытка как бы заново построить концепцию чеченской идентичности на основе ислама столкнулась с непреодолимыми препятствиями.

²²³ См.: Севостьянов И. "Исламский фундаментализм" и исламский экстремизм - это совсем не одно и то же // Международная жизнь. - 1996. - № 5. - С. 32-33.

²²⁴ Цит. по.: Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. - М.: Изд-во Военного Университета, 2001. - С. 14-15.

²²⁵ Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. - СПб., 1998. - С. 31.

Активизация в Чечне традиционного ислама суфийских братств происходила среди населения, которое по характеру советского наследия было в значительной мере атеистичным или, по крайней мере, плохо образованным в религиозном плане. Заключающий в себе общегуманистическое и миротворческое начала тарикатистский ислам не смог проявить себя в должной мере. Военская мифология и враждующие вооруженные группы «подмяли» под себя слабый и разрозненный муфтият.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исламский радикализм, как, впрочем, и его крайние формы, не является основным, главным звеном, обуславливающим региональный сепаратизм. Однако он в существенной степени усиливает действие ключевых, в первую очередь социокультурных и политических факторов. В результате этого взаимодействия возникает своеобразный резонанс стратегий социально-политического поведения и религиозно-идеологических предпочтений, который буквально разрушает основы государства.

В процессе реорганизации политического пространства России на федеративных началах и по мере децентрализации государственной власти качественно меняется сама сущность региональной политики. Изменившиеся условия требуют новых подходов к региональным проблемам и новых форм воздействия государства на процессы, протекающие в регионах, т.е. необходима своеобразная внутренняя геополитика, учитывающая социокультурные особенности регионального устройства, на основе специально разработанных форм федерализма.

В следующем параграфе необходимо проанализировать возможные конституэнты национальной государственности Чеченской Республики и эксплицировать скрытые проблемы федерализма как формы государственного устройства.

§2 Федерализм и национальная государственность Чеченской Республики: особенности этнополитического процесса

Понятие «этнополитический процесс», в самом общем виде фиксирует взаимосвязь между политикой и этничностью, которая определяет соответствующую динамику его развития. Как пишут исследователи: «следует отметить отсутствие какой-либо определенности в вопросе о предметном содержании этнополитических процессов. Видимо, это связано с тем, что соответствующее явление еще не стало объектом полноценного этнополитологического анализа. В подобной ситуации всякое терминологическое определение неизбежно носит «рабочий» характер и не может претендовать на строгую концептуальность»²²⁶. Так, Д.В. Драгунский под этнополитическим процессом подразумевает «процесс взаимодействия достаточно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, определенно артикулированной этнической идентичностью, а с другой – определенными (реально наличествующими или желаемыми) институтами суверенитета»²²⁷.

По мнению автора, выражаемые этими группами этнические требования неизбежно становятся политическими, а политические, экономические или другие требования приобретают этническую окраску, при реализации которых используются механизмы этнической мобилизации. Схожей позиции придерживается А.Ю. Коркмазов: «Этнополитический процесс как социальный феномен представляет собой совокупность динамичных, взаимосвязанных действий этносов, направленных на последовательное решение вопросов общественно-политической жизни, в первую очередь власти и государства с

²²⁶ Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001. - С.32.

использованием различных способов принятия решений, управления и функционирования»²²⁸. На наш взгляд, этнополитический процесс нельзя интерпретировать только лишь как политический срез этнической действительности. В основе этнополитических процессов лежат механизмы адаптации этноса к политическим условиям существования, под которыми можно понимать не только включенность в систему государственно-политических отношений, но и геополитическую ситуацию, а также деятельность любых внешних по отношению к данному сообществу политических сил. Для ряда групп, особенно немногочисленных, характерно стремление не столько к политическому или экономическому, сколько к культурному самоопределению. Таким образом, в определенных условиях можно ожидать активизации групповой этнической идентификации, усиления культурной значимости этнических групп, интенсификации тенденций таких групп к самоопределению в различных формах, вплоть до экстремистских методов.

Этнополитические процессы, протекающие в русле социокультурной адаптации, зависят и от того, как различные элементы культуры, социальной и политической структуры адаптируются друг к другу, как взаимодействуют между собой различные трансперсональные аспекты этноса, надэтнические и внеэтнические, вненациональные структуры (религиозные, экономические и другие инвариантные к структуре конкретного этноса). Кроме этого следует учитывать и комплекс традиционных правовых норм и представлений, сохраняющих свою социальную значимость в современных условиях, присутствие родовых, клановых элементов в социальной структуре. Индивидуальная направленность федерализма закономерна для России как

²²⁷ Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция северной Евразии // Полис, 1995. - №3. – С.40.

многосоставного, многосубъектного образования и народ которой состоит из десятков разноконфессиональных, разноцивилизационных, но автохтонных этносов, идентифицирующих себя в рамках конкретных территорий. Спецификой федеративных отношений в России является тот факт, что здесь помимо регионов, еще не устоявшихся и не ставших субъектами исторического процесса, есть народы, которые как субъекты истории давно состоялись. Это не просто народы, но это коренные народы, в прошлом имевшие свою государственность и сегодня претендующие на ее восстановление.

В условиях глобализации общественной жизни федеративная форма государственного устройства, призванная найти баланс между централизацией и разнообразием, становится особенно актуальной, а социокультурная составляющая федерализма приобретает первостепенную роль, поскольку социокультурное пространство этноса включает в себя все социальные институты: коллективы, корпоративные объединения, государственные и общественные структуры: «Значение социально-культурной составляющей федерализма в последние десятилетия, особенно по мере набирающих темпы процессов глобализации и интернализации хозяйства, намного возросло. социокультурное измерение пронизывает всю политическую жизнь, представляя собой некую «осевую (или «стержневую») вертикаль», пересекающую насквозь всю систему горизонталей отношений многомерного реального и аналитического пространства политической жизни, и выполняя в нем по аналогии с кибернетикой и биологией функцию некоего «информационного кода» или «матрицы генотипа»²²⁹. Социокультурные основания жизни этноса представляют собой определенный способ производства общественной жизни в виде некой совокупности человеческого

²²⁸ См.: Коркмазов А.Ю. Этнополитические процессы и их специфика на Северном Кавказе. Автореферат дисс. канд. полит. н. Ставрополь, 1997.

потенциала, социальных условий и культурной среды. Но «культур слишком много, и если бы каждая из них образовала свое государство, то такое количество жизнеспособных государств просто не уместилось бы на Земле. Поэтому в большинстве своем культуры не смогут осуществиться в том брачном союзе между нацией и государством, заключить который призывает их националистическая теория»²³⁰.

В странах с пестрым национальным составом населения и компактно размещенными этническими меньшинствами федерализм служит чаще всего не столько целью создания общества на определенных принципах, сколько средством сохранения территориальной целостности. В то же время, опыт показывает, что федерализм, только как форма государственного устройства, вовсе не может служить панацеей для решения «национального вопроса», поскольку территориальность питает, а не удовлетворяет требования общин, т.к. дает этническим и конфессиональным меньшинствам набор мощных политических рычагов для реализации своих политических интересов, облегчает региональным политическим элитам доступ к материальным и пр. ресурсам.

На определенной стадии становления, в определенных условиях члены этнических групп начинают считать, что, выделившись в самостоятельную экономическую, политическую, государственную единицу, они получают больший выигрыш, чем в состоянии зависимости от той крупномасштабной социально-политической системы, к которой они принадлежат. Поэтому вопросы о форме государственного устройства до сих пор лежат в основе конфликтов: «на территории постсоветской России начались процессы национального и государственного строительства, которые в одних случаях

²²⁹ Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России // Полис, 1999. №2. – С.46.

оказались успешными и ненасильственными, в других - успешными, но насильственными, в третьих – катастрофическими»²³¹. Следовательно, объектом социокультурного анализа должна выступать не только этничность сама по себе, но и пути институционализации этничности в многонациональном государстве и его многонациональных составляющих.

Федерализм, жестко фиксируя этнолингвистические границы, создает и укрепляет триаду «территория, государство, идентичность» - основу национального государства, что только усиливает групповую мобилизацию и сепаратистские устремления. «Становится все более очевидным, что дезинтеграция крупных полиэтнических государств и рождение новых независимых государств не гарантирует сокращения количества и ослабления интенсивности этнополитических конфликтов»²³².

Специфическая структура внутреннего мира этнического сообщества состоит в том, что оно ориентируется на поиск форм социальной исключительности. Поэтому технологическая модель «демократического порядка», несущая с собой унификацию и стандартизацию, не может быть безболезненно имплантирована в структуры традиционной повседневной самоорганизации этнических сообществ, не может подменить собой эти структуры. В этой связи особую значимость приобретает проблема модернизации в этнических ареалах Северного Кавказа с точки зрения соотношения элементов «традиционализма» и «модернизма» как двух основных моделирующих факторов региональной структуры российского

²³⁰ Геллнер Э. Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Путь: Международный философский журнал. – 1992. - №1. – С.41.

²³¹ Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России // Полис, 1999. №2. – С.47

²³² Картунов А.В., Маруховская О.А. Этнополитические конфликты: основные тенденции развития. // Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.32-33.

социополитического пространства. «Принято рассматривать федеративные отношения в России в виде колебаний «централизация – децентрализация», «унитаризация – федерализация», «интеграция – дезинтеграция, деградация». На мой взгляд, конструктивнее рассматривать федеративные отношения не в этих бинарных противопоставлениях, а в категориях эффективной или неэффективной политики»²³³.

Такой подход, на наш взгляд, вполне соответствует современным теоретико-методологическим конструктам, в которых переосмыслена функция традиции в историческом процессе, которая рассматривается не только как носитель некоего консервативного начала, но и инновационного потенциала. При этом фокус анализа сосредотачивается на процессах социокультурного развития, поскольку для российского «большого» общества и его северокавказской периферии характерен мобилизационный тип развития, осуществляющийся за счет сознательного вмешательства в механизмы функционирования общества и сопровождающийся изменениями в институциональной сфере. Концепция модернизации, разработанная западными учёными в первой половине XX века, совершенно не учитывает это обстоятельство, поскольку структуры «демократического порядка» - это социальная технология человеческого общежития индустриального («конвейерного») типа. Как и всякая технология, демократический порядок построен на универсализированной нормативной и элементной основе. Критикуя данные позиции, Ф. Барт отметил, что западные антропологи «часто действуют слишком узко как (самозванные) адвокаты и апологеты этнических групп и исходящих от них жалоб. Они игнорируют более глубокий анализ процессов коллективного принятия решений, который происходит на среднем

²³³ Дробужева Л.М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18:

уровне и который может порождать политику и действия, не имеющие ничего общего с волей народа и общеразделяемыми интересами тех людей, которых это касается»²³⁴. Попытки же выделить некоторые универсальные структурные принципы, определяющие упорядочение людьми их отношений с окружением во времени, привели лишь к накоплению случайного количества найденных структур и обнаружению их относительности. «Особенно важным является то, каким образом институционализированы в данном обществе (и институционализированы ли вообще) этнические группы»²³⁵. Более того, когда эти структуры были более или менее отграничены друг от друга, между ними обнаруживается свободное, «маргинальное» пространство с неопределенными формой и внутренними характеристиками. Существование такого рода маргинальных культурных пространств на социально-институциональном, индивидуальном, дискурсивном уровне рассматриваются как пустоты между структурами, освобождающее место для проявления культурно «несвязанных» импульсов и желаний людей. «Особенно тяжелыми этнические конфликты могут быть в тех случаях, когда этнокультурные различия являются сильно политизированными, а государственные и общественные институты ослаблены. В таких государствах политические антрепренеры смогут без труда осуществить этническую или иную культурную (например, религиозную) мобилизацию»²³⁶, т.е. культурно обусловленная мобилизация этноса и становится возможной за счет существования этих маргинальных культурных пространств. Локальные институты, характеризующие специфические условия

Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.196.

²³⁴ Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences.* Bergen/London, 1969. P. 24-26.

²³⁵ Авксентьев В.А. Проблемы теории и моделирования этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18; Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. - С.29.

²³⁶ Там же. - С.29.

жизнедеятельности этноса, способны выступать в качестве посредников при разрешении конфликтов, сохранять или создавать устойчивое равновесие, обеспечивать интегративное многообразие и размытые пограничные зоны между «мы»-группами. Институты можно определить как оформленные и повторяющиеся образцы взаимодействия людей. Согласно классическому определению Д. Норта, они представляют собой «правила игры в обществе или, более строго, изобретенные людьми ограничения, которые придают форму человеческим интеракциям. Соответственно, они структурируют побудительные причины межличностного обмена - политического, социального и экономического. Институциональное изменение определяет формы эволюции общества во времени и потому является ключом к пониманию изменения исторического»²³⁷. Поэтому следует учитывать, что социокультурные основания в политической системе и политическом процессе определяют такие составляющие этнополитического процесса: набор и поведение участников этнополитического процесса, характер их отношений (консенсусный, конкурентный или конфликтный); доминирующий тип личности (индивидуальный, общинный); конфигурация политических институтов; вектор общественного развития и его скорость (циклическое, линейное, маятниковое). «То есть, в отличие от большинства исследующих этнополитические конфликты авторов, отправной точкой для которых служат реальные и имманентные черты этнических групп, необходимо начать с анализа существующих институциональных рамок, упорядочивающих отношения между государством, территорией и этническими группами»²³⁸.

В реальной политической жизни именно власть и государственная бюрократия превращают культурные различия в основу для политической

²³⁷ North D.C. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, 1990. P.6

²³⁸ Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России // *Полис*, 1999. №2. – С.51

дифференциации между народами. Как отмечает Т. Сиск, «соблазн создания этнически однородного государства по принципу «наша страна для нашей нации» сегодня в гораздо большей степени, чем когда-либо, рассматривается многими этническими кланами и группами как ответ на их неспособность сосуществовать с другими в общем государстве»²³⁹. Однако это происходит только при определенных обстоятельствах, которые можно разделить на три категории. Во-первых, это наличие и соперничество элит, в результате чего создается базовая динамика для появления этнического конфликта. Хотя сам конфликт появляется при определенных условиях, которые имеют более широкий политический и экономический контекст, чем просто этнические моменты или групповые ценности. Для элит этническая идентичность сама становится ресурсом состоятельности, а не некой заданностью, на службу которой они призваны. «Гораздо чаще этнический фактор служит лидерам, а не лидеры служат этнической общности. Именно поэтому элиты изобретают и конструируют историкокультурную традицию, чтобы утвердить свой статус и легитимность»²⁴⁰. Второе важное обстоятельство связано с отношениями между элитами и государством: являются ли эти отношения отношениями сотрудничества или отношениями противоборства и конфликта. «Если это отношения лояльного характера, государство чаще всего содействует укреплению этнических общностей и даже может спонсировать «этническое возрождение». Если элиты периферийного плана подвергают сомнению или вытесняют центральную власть из регионов, населенных отличительными этническими группами, государство может подавлять или отказываться в признании существования подобных групп»²⁴¹. Третье, это наличие систем

²³⁹ Цит. по: Этнические проблемы современности. Вып.5. Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе. Материалы научной конференции (14 –15 сентября 1999 г.). Ставрополь, 1999.- С.3.

²⁴⁰ Hobsbawm E., Ranger T., eds. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.

²⁴¹ Breuilly J. Nationalism and the State. Chicago, 1982.

коммуникации и прежде всего СМИ, которые позволяют государственной бюрократии и городским интеллектуальным активистам осуществлять «обучение этничности» и мобилизацию, особенно среди сельских общин, где чувство «служения нации» представляется приличной химерой на фоне повседневных забот и коммунальной солидарности. О ключевой роли государства в процессе модернизации и появлении этнического национализма как политизированной формы идентичности в своих работах отмечали Карл Дойч, Эрнест Геллнер, Эрик Хобсбаум²⁴², поскольку один из наиболее распространенных в современном мире вид этнополитического конфликта – конфликт между этнической группой и государством, на территории которого проживает эта группа. При этом в конфликт может быть вовлечена значительная часть этнической группы, особенно если эта группа – этническое меньшинство, в то время как большая часть «титального» этноса может оставаться, по крайней мере в течение определенного времени, относительно безучастной к развитию событий.

Узловыми категориями, на которых строится система политической культуры этноса, являются понятия «власть» и «закон». Социокультурные основания позволяют выстроить определенную логику познания предметного поля этнополитики и упорядочить, систематизировать этнополитологические категории. Исходным политическим отношением в этом плане выступает взаимоотношение власти и влияния, предпосылкой которого являются ценности господствующей культуры и которое отражает «первичную клеточку» анализа политического механизма интеграции, поддержания целостности и регулирования социальными общностями на некий консенсус или согласие («общественный договор») людей на основе пересечения их социальных

²⁴² Deutsch K. Nationalism and Communication. Cambridge, 1953; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.

интересов. Отношения власти и влияния, господства и подчинения между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными связаны всегда с контролем и распределением определенных ресурсов, основывающихся на доминирующей в данной культуре системе норм и ценностей. Этническая специфика властных отношений проявляется в своеобразных для каждой культуры манерах поведения, титулах, эпитетах и обычаях. Поскольку Северный Кавказ - территория с особыми местными обычаями и традициями, отличающимися от других частей России, то следует учитывать, насколько формирующиеся институты власти и нормы их функционирования соответствуют традиции: «Энотерриториальная структура чеченского общества исследована сравнительно поверхностно, однако имеет огромный потенциал в формировании менталитета чеченцев, их этнонациональных элементов. Выглядит она следующим образом: куп (община) – сектор (союз нескольких купов) – сельская община – районная община. Подобная структура базируется на восстановлении исходных принципов устройства традиционного чеченского общества»²⁴³. Характер политических ориентаций предполагает, что руководству политических группировок принадлежит значительная работа в определении стратегии и тактики: процесс «национального возрождения» Чечни неизбежно сопровождается реанимацией тейповых, джамаатских, ущельных, фамильных и других патриархальных связей. В этих связях главенствуют представители коррумпированных властных, военных, банковско-коммерческих структур, которые образуют кланы, контролирующие власть и ресурсы. Авторитарность и этническая закрытость клановых структур является одной из причин ущемления представителей «нетитульного» населения. «Позиция национальных лидеров Чечни привела к тому, что были подорваны,

²⁴³ Вартумян А.А. Развитие политического процесса и проблемы южнороссийской конфликтологии / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология

смяты отношения не только с официальной Россией, но и деформировано доверие русскоязычного населения. Именно конфронтационная политика ко всему русскому, российскому, политическая нестабильность привели к тому, что из полумиллионного населения русских в Чечне к 2001 г. осталось не более 29-25 тыс. (в основном в районах, бывших до 1957 г. в составе Ставропольского края)²⁴⁴. Политический процесс внутри Чеченской Республики отличается преобладанием клановых интересов: нынешняя система власти в Чечне основывается на зыбком соглашении между несколькими тейпами, усилившими свое влияние в результате очередного передела власти. Между ними распределены сферы деятельности и доходы. Во внутривнутриполитической жизни Чечни продолжают играть главнейшую роль три ведущих тейпа: Мелхи (давший наибольшее количество полевых командиров, в руках которых сосредоточены оружие и подчиненные им опытные боевики), Беной (контролирующий нефтяной бизнес), Аллерой (выходцем из которого является А. Масхадов.). Как организация, гибко сочетающая землевладельческий и кровно-родственный принципы, тейп оказался очень устойчивым и способным жить в современных условиях. Прежде всего, оказалось, что в кризисных ситуациях тейп смог взять на себя обязанность защищать личность и гражданское достоинство человека. Это очень важный сдерживающий фактор в условиях современной Чечни. Уже в силу этого тейп оказался вовлеченным в политическую жизнь. В условиях Чечни, где советская номенклатура оказалась не у дел, инициативу тейповых собраний вначале старались перехватить старые партийно-номенклатурные кадры. Но в начале 1990-х годов члены тейпов часто выступали против собственных коррумпированных советских чиновников. В период неустойчивого равновесия в тейпах все больше возрастала

разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.312.

общедемократическая тенденция. Бурно обсуждался вопрос об опоре на тейп при строительстве национального государства. Причина же неудачи подобной практики состояла в особенностях гражданско-правового сознания населения и политиков, определяющем влиянии криминально-коррупцированных сил и связей, которые использовали в своих интересах политическую мобилизацию по этническому и джамаатскому (местническому) принципу.

Тем не менее, в последнее время все чаще поднимается вопрос о необходимости учета тейповой структуры чеченского общества при формировании органов власти. Традиционно тейп возглавлял «тейпанан хьалханча» - предводитель тейпа или, как принято говорить, «тхьамада» (старейшина), который нес полную ответственность за проступки члена тейпа и моральную ответственность за свое неправильное решение по отношению к нему. В свою очередь члены тейпа должны были беспрекословно слушаться предводителя как блюстителя чести всего рода. Хозяйственный и правовой жизнью тейпа руководил он же, почет и уважение к нему были первым долгом для всех остальных. Так, в частности, утверждается, что традиционная структура управления с равномерным представительством тейпов в законодательном органе (парламенте) - залог внутренней сплоченности чеченского общества. Президент, чья выборность не противоречит чеченскому институту военачальника, становится выразителем общенациональных интересов и, опираясь на решения Совета страны, получает возможность для осуществления самых решительных и эффективных действий, направленных на благо страны. И у него не будет никакой оппозиции, потому что ни один чеченец не посмеет открыто выступить против решения своего тейпа, на котором основываются действия президента. В это же время предпринимаются попытки усиления роли Совета страны (мехк - кхелы) в руководстве Чечней,

²⁴⁴ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003.

что объясняется бессилием правоохранительных органов государства перед проблемами роста преступности, антиобщественных нравов, других негативных явлений современного чеченского общества. В силу этих особенностей традиционная тейповая структура чеченского общества оказывает и будет оказывать в перспективе существенное влияние на общественно-политическую обстановку в республике.

Проблема роли традиционных институтов важна в контексте вопроса о государственном самоопределении этнических сообществ, и в частности Чечни. Принципиально важным аспектом этой проблемы является требование учета разнообразия традиционных форм самоуправления и самоорганизации различных регионально-этнических сообществ. Так, например, кроме тейповой организации, чеченский тукхум, в отличие от рода, не имел официального главы, равно как и своего военачальника. Руководящим органом тукхума был совет старейшин, который состоял из представителей всех тейпов, входящих в данный тукхум, на равных по положению и почету правах. Более высокое положение занимал только Совет страны (Мехк - кхел). Чеченские мехк-кхелы еще столетия назад решали вопросы, связанные с землевладениями и землепользованием, торговлей и обороной, правами женщины, занимались проблемами воинской этики и кровной мести. Такой подход ставит перед российской антропологией и этнологией задачу детального изучения форм социальной памяти и, в частности, традиционных форм социальной самоорганизации регионально-этнических сообществ не только по способу внутренней организации, но и межэтнических взаимоотношений. Наличие противоречий между традиционным устройством северокавказских республик и федеральным законодательством свидетельствует не только о необходимости более гибкого подхода к вопросам правовых систем в сложном по культурному

и религиозному составу населения государстве, но требует учитывать и современные достижения в области правового регулирования: «Хотя роль традиционных институтов социального регулирования в регионе достаточно значительна, она уже никогда не сможет заменить систему современного права, по которой прожило несколько последних поколений и желает жить современное поколение граждан»²⁴⁵. Т.е. для долговременной национальной политики реального сохранения этносов, населяющих Россию, создания им благоприятных условий для саморазвития, государственные ориентиры должны быть избраны типологически более индивидуализированные, нежели унифицированные, европоцентристские. Например, при всей специфике землепользования в регионе регулирование земельного вопроса в режиме федерально-регионального совместного законотворчества является одним из ключевых моментов обеспечения долгосрочной стабильности на Северном Кавказе. Особые законы и нормы о земле необходимы для горных районов, которые бы учитывали культурно-хозяйственные традиции и мировой опыт земельных реформ в районах высокогорья (Анды, Тибет и др.).

При известных потерях и трансформациях, которые претерпели культуры народов Кавказа, многие коренные основы традиционного быта и мировоззрения сохранились и продолжают оказывать сильное воздействие на формирование этнокультурного облика народов. Некоторые традиционные институты были разрушены насильственно, некоторые отмерли в силу своей невостребованности и архаичности. Однако это не умоляет их роли в формировании этнического сознания. «На Северном Кавказе возможно сосуществование государственной и традиционной правовых систем при последней как дополняющей. Правовой плюрализм, который существует и развивается во многих странах, в этом регионе может оказаться более

²⁴⁵ Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под редакцией

эффективным, чем «единое правовое пространство»²⁴⁶. Откладываясь в исторической памяти народа и, являясь частью стереотипного поведения на определенном историческом этапе, можно предположить, что при наличии сходных внешних условий возможно возрождение некоторых обычаев, и даже целых институтов. Несомненно и то, что возрожденный институт будет иметь качественно иную специфику, и может быть вызван неудовлетворенностью имеющейся системой: «любое объяснение как этнополитической стабильности, так и «горячего» этнополитического конфликта, должно начинаться с анализа институтов, определяющих взаимоотношения между различными «мы»-группами. Эти взаимоотношения могут принимать форму либо параллельного, либо конкурентного, либо интегративного многообразия. Учитывая, что мы имеем дело с особыми «мы»-группами, проживающими на одной территории и в рамках единого государства, только последняя альтернатива способна обеспечить прочный этнополитический порядок»²⁴⁷. Устойчивость традиционных местных институтов объясняется несколькими обстоятельствами:

- национальное устройство сегодняшней России является следствием российской, а затем советской колонизации приграничных зон; однако, когда государство пытается расширить свои владения и распространить свои правила и нормы на вновь приобретенное пространство, оно, как правило, склонно инкорпорировать некоторые из местных институтов. Это происходит потому, что учредить новые институты значительно сложнее, чем включить в способ управления уже имеющиеся;

- включение периферии администрацией практически всегда бывает неполным; центр способен преуспеть в регулировании через свои институты

В.А. Тишкова М. 1999. -С. 13.

²⁴⁶Там же.

²⁴⁷ Цюрхер К. Указ. соч. – С.54.

стратегических областей политики, но другие аспекты общественной жизни нередко оказываются вне сферы центрального управления;

- существующие местные институты приспособляются и, в конечном счете, могут слиться с новоустановленными, но даже в этом случае и те, и другие сохраняли свои организационные характеристики.

- на местном уровне действуют формальные и неформальные институты, которые в состоянии не допустить трансформации потенциального насилия в открытое; эти институты модифицируют или блокируют структурные/«допускающие» условия, предотвращая тем самым сползание к войне. «Иначе говоря, растет потребность в общих институтах, которые могли бы обеспечить интегрированное многообразие, являющееся для многонациональных и поликонфессиональных республик и краев в составе Российской Федерации условием их этнополитического равновесия»²⁴⁸.

Среди подобного рода институтов наиболее эффективны следующие:

- источники социетального влияния, которые в случае бессилия государства могут выступать в качестве посредников и обеспечивать каналы коммуникации, помогая этническим группам избежать дилемм безопасности и недостатка информации (например, в Дагестане при возникновении ситуации потенциального конфликта эту функцию нередко берет на себя мусульманское духовенство);

- неформальные соглашения о разделе власти, способные сбалансировать соперничество этнических групп по вопросу о доступе к ресурсам и власти;

- формальные соглашения о разделе власти, подобные тем, что практикуются в Дагестане, где действует коллективный орган -

²⁴⁸ Иванова С.Ю. Мультикультурализм: идеология и политика социальной и этнокультурной стабильности полиэтнических обществ. / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.204.

Государственный совет - и используется принцип пропорционального этнического представительства в парламенте;

- транснациональные сети доверия, власти или выгоды, достаточно влиятельные, чтобы подавить этнические притязания; подобные сети, в большинстве случаев имея интернациональный характер, и в известной степени содействуя общественной безопасности, довольно часто складываются в теневой или даже криминальной экономике. Рынок всегда был интегрирующим, трансэтническим институтом. Однако на современном этапе рынки, как правило, представляют собой теневую или криминальную зону, из чего следует нестандартный вывод: при определенных условиях теневая и криминальная деятельность может укрепить стабильность в районах этнополитического риска;

- многосоставная структура идентификации и лояльности, которая препятствует созданию эксклюзивных этнических идеологий, идентификаций и лояльностей: во всех этнических группах Северного Кавказа (за исключением чеченцев и лакцев) большинство рассматривало себя в качестве представителей одновременно и России, и своих титульных республик; т.е. этнические сообщества Северного Кавказа все еще имеют различные, но взаимосовместимые рамки идентификации и лояльности. «Мультикультурализм возможно рассматривать как социокультурный феномен с точки зрения имеющихся в нем возможностей удовлетворения потребностей людей и этнических сообществ, сохранения их культурных ценностей, ознакомления с культурами других народов и достижения оптимального сочетания интересов всех субъектов культурного пространства»²⁴⁹.

В результате можно сформулировать несколько выводов, которые, по нашему мнению, характеризуют этнополитический процесс на Северном Кавказе в целом и Чеченской Республики в частности:

²⁴⁹ Там же. – С.201.

- в северокавказских этнических сообществах сфера политики не отделена резко от областей общественных и личных отношений, т.е. от социокультурной составляющей жизнедеятельности этноса: принадлежность к тому или иному вирду и тейпу, верность тому или иному тарикату играет определенную роль не только в религиозной, но и в политической ориентации чеченцев;

- во всех политических отношениях, действиях и взаимодействиях социокультурное выступает, с одной стороны, как условие или среда той или иной политической активности, с другой стороны, обеспечивая цикл воспроизводства политической жизни, культура определенным образом подытоживает результаты опыта политической деятельности, продуктом чего является развитие старых или становление новых политических традиций;

- эмоциональные и символические аспекты политики оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем: насколько можно судить по событиям последнего десятилетия, менталитет и уровень политико-правовой культуры чеченского общества таковы, что даже идеально составленная конституция вряд ли станет в обозримом будущем регулятором общественных отношений в республике. Конституция будет служить скорее ориентиром для наиболее продвинутых слоев общества, которым (как и центральной власти) так или иначе придется считаться с национальными обычаями и традициями, не укладывающимися нередко в конституционные рамки;

- на Северном Кавказе возможно сосуществование государственной и традиционной правовых систем в качестве последней как дополняющей. «Главное - это улучшение правления, а не административные переделы. В некоторых республиках имеются позитивные политические инновации в области коллективного правления и общинного представительства, хотя

принцип этнических курий или партий имеет серьезные ограничители и может нести конфликтогенный потенциал»²⁵⁰.

- федерализм все более становится способом управления полиэтничным регионом, и для России должна быть принята модель «одно государство – разные региональные модели власти». «Единственно надежными и эффективными способами и средствами, совпадающими с задачами демократизации общественных процессов и отношений, становятся внимательное изучение и оценка настроений и поведения населения, устремлений его различных групп и слоев и адекватное их выражение в соответствующих законодательных актах, управленческих решениях и политических действиях, призванных их соотнести и согласовать»²⁵¹.

§3. Политологический анализ повседневной самоорганизация социальной жизни чеченского этноса

Взаимодействие формальных и неформальных социально-политических институтов регулирующих жизнь этноса и связывающих этнические сообщества с современными социально-политическими технологиями ставит проблему взаимоотношения унификации и стандартизации норм и форм социальной жизни и социальной исключительности, на которую претендует каждое этническое сообщество. В реальном социальном пространстве можно выделить две формы культуры – гуманитарную и технологическую.

²⁵⁰ Дробижеева Л.М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.196.

²⁵¹ Степанов Е.И. Уроки вооруженного конфликта в Чечне: глобальный и региональный аспекты / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. – С.96.

Технологическими являются те формы и явления социокультурной жизни, которые могут быть стандартизированы и унифицированы, например, нормы права, язык, другие нормативные структуры, регулирующие коллективную жизнь людей, технологические системы жизнеобеспечения людей («абстрактные системы») и т.п. Гуманитарные - это те формы культуры, которые существуют в эксклюзивных, неповторимых обликах, те формы, с которыми связано существование исключительных, нестандартных, индивидуально-неповторимых явлений социокультурной жизни. Носителем таких форм культуры выступает человеческая личность или человеческое сообщество.

Сосуществование в едином социальном пространстве гуманитарных и технологических форм культуры порождает целую цепь противоречий, конфликтов и проблем.

«Процесс воспроизводства соединяет новые ситуации с существующими состояниями жизненного мира – и как раз в семантическом измерении знаний или содержаний (культурного наследия) – так же, как и в измерениях социального пространства (социально интегрированных групп) и исторического времени (следующих друг за другом поколений) Этим процессам культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации соответствуют структурные компоненты жизненного мира – культура, общество и личность»²⁵². Чтобы точнее обозначить место гуманитарных форм культуры в обществе следует выделить следующие уровни социокультурной стратификации:

- личностный, где стратой является личностный мир отдельного человека, включая сюда как ту его сферу, которую принято называть внутренней жизнью личности (социальный, пол, религиозность и т.п.), так и ту, что образована

²⁵² Там же. - С.141.

предметным строем личностного мира (любимые вещи, родные места и т.п. предметные элементы личностной самоидентификации);

- межличностный, которому принадлежит семья или какая либо другая первичная малая группа, взятые со свойственной им ценностной самодостаточностью и со свойственными им исключительными и интимно-внутренними (не для постороннего глаза) укладами взаимоотношений;

- общественный, где стратой выступает этническое или земляческое (региональное) или подобное тому сообщество людей, взятое с присущими ему исторически сложившимися, традиционными формами повседневной внутренней самоорганизации. М.Н. Кучуков, дополняет представление о структуре национально-этнического самосознания следующими компонентами:

1) история этноса как представление народа о своем прошлом, настоящем и будущем;

2) традиции, которые играют роль хранителя социальных ценностей;

3) этнические представления, которые в содержательном плане состоят из:

а) представлений об этнической специфике в статусе знаний всего того, что составляет мы и окружающие они;

б) отношения к этой специфике при помощи формирования ценностного отношения к другим народам, выражающегося в образовании стереотипных образов этноса, где эталоном выступает свой этнос;

в) представлений о будущем этноса и, в соответствии с этим, мнений и убеждений, находящих выход в поведении и деятельности человека, социальных групп и этноса в целом.

В контексте такой дифференциации представляется разумным обращение к повседневным практикам жизни, микродинамике культуры, в которых разнородное уживается вопреки теоретическим, моральным, политическим и т. п. дилеммам и оппозициям: «культурные образцы толкования, ценностей и

выражений служат в качестве ресурсов для достижения согласования участниками интеракции, которые вырабатывают общее определение ситуации и хотели бы в его рамках достичь консенсуса о чем-либо»²⁵³.

Поскольку порядок человеческих действий не определяется однозначно рациональными структурами, а реализуется в форме уклада повседневности, характеризующейся собственными масштабами и ритмами, то повседневность следует рассматривать как массовое творчество форм жизни, как социогенетический процесс цивилизации, включающий порядок господства и подчинения, воспитания и образования, труда и отдыха: «обыденного знания повседневной жизни достаточно, чтобы наладить взаимоотношения с людьми, культурными объектами, социальными институтами, т.е. с социальной реальностью»²⁵⁴.

На современном этапе теоретического осмысления обыденность все чаще рассматривается уже не просто в качестве важной, но одной из многих проблем гуманитарного анализа, а в роли тотального условия, исходной предпосылки человеческого бытия и познания вообще. На первый план выходят вопросы, связанные с исследованием состояний транзитивности, которые сопряжены со стагнацией, маргинализацией национально-этнического сознания и его инволюцией в сторону архаических и, казалось бы, давно преодоленных и изжитых форм. В своем буквальном прочтении повседневность - это то, что проходит «по-всем-дням», то есть устойчиво повторяется. Устойчиво повторяющееся, может быть истолковано и как необходимость, имеющая (или претендующая) на статус коренного условия человеческого бытия. При переводе на понятийно-категориальный уровень основного значения слова «повседневность» получается не что иное, как универсальная основа всей

²⁵³ Там же. – С.137.

²⁵⁴ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. Под ред. В.И. Добренькова. - М., 1996. - С. 528-529.

культуры личности и этноса, само по себе телесное и общественное бытие человека - как необходимая предпосылка и общий элемент остальных форм этнической культуры, материальной и духовной. Необходимость анализа национально-этнических стереотипов сознания тех или иных этносов, их культурных установок, влияющих на избирательность присвоения культурных ценностей, знаково-символических комплексов мира повседневности, обусловлена стремлением к адекватному пониманию роли этнокультурной традиции, характера протекания процессов инкультурации и аккультурации. «Особенно это важно, когда анализируются национальный менталитет, менталитет этноса, который связан с процессом внебиологической передачи от поколения к поколению устоявшихся образцов поведения, различающихся по содержанию (идеи, нормы), по функциям (обычаи, обряды) и по характеру быта. Традиции (устные и письменные) являются наиболее устойчивой, стереотипной частью ментальности этноса»²⁵⁵. Этнические ценности и установки в чистом виде входят в национальное сознание, образуя его основание, базовое семантическое поле, в котором аккумулированы архетипические представления этноса, связанные с его традиционной картиной мира и древним (а в равной мере и современным) опытом, социально-исторической и культурно-адаптивной деятельностью. Символы этноса маркируют его границы, остающиеся непроницаемыми для всех других этносов. К таким формам, имеющим широкое распространение в вайнахской культуре и сегодня, можно отнести приверженность к адату (обычному праву), традиционно-этническим формам этикета, ориентированным на статусные ценности и так называемые «идеалы престижного потребления» (пиры, церемония дарения и т.д.), героизацию абречества (набеги с целью наживы и

²⁵⁵ Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003. – С.405.

грабежа), акцентировку кровно - родственных связей в ущерб социальным формам взаимодействия²⁵⁶.

Учитывая сказанное, следует обратить внимание на сложный комплекс национально-этнических представлений, которые с особой наглядностью объективируются в этнических символах, сохраняющих определенную стабильность и особую значимость для осознания этносом своих социально-исторических целей, своего места в мире среди инокультурного окружения. «Историко-географическая карта Кавказа на протяжении тысячелетий – это сложная мозаика мелких княжеств и феодальных владений, раздираемых династической борьбой и народными волнениями, которые нередко были вызваны недовольством населения, особенно христианского, гнетом и жестокостями турецких и персидских захватчиков»²⁵⁷. Развитие процессов модернизации привело к реархаизации общества: на место классовых признаков опять пришли сословные, деление на социальные группы осуществлялось «по правам и обязанностям». В результате социальная структура общества постоянно усложняется, нарастает количество значимых критериев идентификации. «В рамках этнических основ личной и групповой идентичности оказались востребованными многие традиционные институты, в том числе и те, функционирование которых связано с обеспечением безопасности этносоциума. Подобная безопасность имеет как правило вполне определенное этнотерриториальное выражение»²⁵⁸. Нестабильность общества объективно порождает потребность отыскания универсальной объединяющей модели, каковой становится традиционная национально-этническая картина мира,

²⁵⁶ Арутюнов С.А. Шариату на Северном Кавказе необходимо создать легальную правовую нишу. // Итоги. 1999. 19 января. - С.16.

²⁶⁹ Шульженко В.И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века): Монография. – Пятигорск: изд-во ПятГФА, 2001. – С.52.

²⁷⁰ Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001. - С.37.

подчеркивающая «свойскость» в ущерб взаимосвязи инокультурных сообществ и этносов. Так, анализируя проблему самоидентификации в Чеченской Республике, В.А. Тишков пишет: «Уже с конца 1980-х годов местные обществоведы и пропагандисты стали вносить серьезные коррективы в исторический миф и в современную чеченскую идентичность. Свой внутренний образ конструируют в обновленном варианте и простые чеченцы. Причем публичная элитная версия сначала мало отличалась от общепризнанной, но она быстро становится подверженной политике и эмоциям»²⁵⁹. При этом, в конструировании новой «чеченскости» конкурируют две противоположные установки: «Одна – включить в число чеченцев как можно больше групп, чтобы расширить культурную мощь и географическое пространство этого народа. Другая, рожденная современным соперничеством за приватизируемые ресурсы и властный контроль, заключается в активизации и изобретении новых групповых коалиций обычно на основе регионально-клановых (родственных) связей»²⁶⁰. Все это говорит о том, что об особенных чертах национально-этнического сознания можно судить по специфике социальной деятельности, в которой объективируются этнопсихологические факторы, как унаследованные, так и усвоенные.

Для характеристики такого рода устойчивых социокультурных стереотипов, определяющих установки этнического сознания, представителями культурно-антропологического направления (этнологом Л. Леви-Брюлем и основателями школы «Анналов» М. Блоком и Л. Февром) в науку было введено понятие «менталитет». «В первоначальном контексте менталитет означал у представителей того или иного общества, трактуемого прежде всего как национально-этническая и социокультурная общность людей, некоего

²⁵⁹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – С. 141.

²⁷² Там же. – С. 141-142..

определенного общего «умственного инструментария», своего рода «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение, а также самих себя»²⁶¹. Несмотря на то, что со временем понятие «менталитет» стало рассматриваться в более широком смысле, в нашем случае его можно рассматривать как наиболее константную, глубинную часть сознания этноса. Она менее подвержена изменениям и детерминирована в большей степени традицией и культурой, чем наличным социальным строем и общественными отношениями, имеет особые каналы трансляции, позволяющие ему передаваться из поколения в поколение, главными из которых являются классические, сакральные, фольклорные и иные широко распространенные тексты, структуры языка, предметы повседневного обихода, типичные образцы поведения.

Менталитет также связан с устойчивыми архетипическими структурами этнического сознания, обуславливающими синкретическое схватывание действительности. А.П. Бутенко и Ю.В. Колесниченко характеризуют менталитет как «определенное социально-психологическое состояние нации, народности, народа, граждан, запечатлевшее в себе... результаты длительного и устойчивого воздействия этнических, естественно-географических и социально-экономических условий проживания субъекта менталитета»²⁶². Святыни, предметы верований, с одной стороны, и бытовые уклады повседневной жизни, с другой стороны, образуют своеобразную внутреннюю социокультурную среду этнического сообщества, устойчивость которой обусловлена коллективной памятью сообщества и феноменом коллективного себя-именования и себя-выделения среди других. Именно поэтому особую роль в процессе выражения

²⁶¹ Тощенко Ж.Т. Указ. соч. – С.405.

²⁶² Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность о общественно-политический смысл // СОЦИС. 2000. №9.-С.22-23

ментальности играет символизация наиболее существенных смыслов, связанных с мировосприятием, миропониманием этноса. Динамика народной культуры и народного самосознания тесно связана с эволюцией фольклорных форм. В народном сознании исторический процесс, социально-политические проблемы осмысливаются в соответствии с традиционными фольклорными формами. Наблюдается явление, которое А.Я. Гуревич охарактеризовал как «фольклоризацию идеологии, идеологизацию фольклора». Он также отмечал, что в народной культуре исторические явления, сведения «легко перерабатывались механизмом коллективного восприятия по законам фольклорного сознания..., подгонялись под привычные клише»²⁶³. В фольклоре реализуется культурно-этническое самосознание народа, вырабатываются символы и мифологемы, в которых оно кодируется и ретранслируется. Посредством фольклорных форм осуществляется мифологическое восполнение жизни, ее трансформация на основе перекомбинации реальности с точки зрения народного идеала. «Чеченский кризис породил или актуализировал богатую псевдонаучную мифологию об истории и современном облике народа, который из академических и литературно-публицистических текстов перешел в массовое сознание, в том числе и самих чеченцев. Один из таких доминирующих мифов – миф об исключительном природном свободолюбии и благородстве народа, которые он демонстрирует на протяжении всей своей истории, особенно двухвековым сопротивлением русскому колониализму»²⁶⁴.

Природа этого мифа носит во многом литературный характер, и среди его главных авторов – всемирно известный писатель Л.Н. Толстой, для которого повесть «Ходжи Мурат» была «своего рода личным искупительным актом и реализацией творческой темы обличения самодержавного деспотизма. Создавая

²⁶³ Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С.32.

²⁶⁴ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – С. 45.

«образ другого» в лице полного благородства и доблести чеченца Ходжи-Мурата писатель фактически писал о проблемах российского общества и о постоянном поиске человеческого идеала среди «мерзостей обыденной жизни». Но своим мощным пером Толстой подарил «образ народа» современному читающему поколению чеченцев, который в какой-то степени со временем стал частью его массового сознания»²⁶⁵. Таким образом, в условиях социальной дестабилизации формы фольклорной культуры выступают как квинтэссенция коллективного опыта, который аккумулируется в системе нормативных поведенческих и ценностных кодов, отражающих систему социокультурных идеалов и ожиданий этноса. Объективируясь в фольклорных формах и жанрах, этническое сознание оказывается тесно связано с мифологическим сознанием, активно используя его архетипы, символы, образы. Поэтому оттеснение по тем или иным причинам народной культуры на периферию ведет не только к консервации ее традиционных символов и значений, идеалов и мифологем, но и к постоянному воспроизведению ее скрытой оппозиционности по отношению к господствующей официальной культуре.

Народная культура в кризисных условиях развития становится, по словам А.С. Каргина, воплощением «коллективного бессознательного», на основе архетипов которого формируются оппозиционные ориентации этноса, оказывающего латентное сопротивление насаждаемой официальной культуре. «В сочинениях академических романтиков постоянно присутствуют рассуждения о «невозможности горца быть без оружия», о «национальной чеченской культуре военных действий», об отсутствии традиции подчинения властям и писаному закону, о решающей роли старейшин и т.п.»²⁶⁶. Так, например, А.Н. Смирнов, рассматривая особенности этнополитических процессов на Северном Кавказе, пишет: «На Кавказе общество издревле

²⁶⁵ Там же.

предъявляло высокие требования к воинским способностям мужчины, поскольку его общественное положение во многом определялось тем набором личных качеств, которые он демонстрировал в бою»²⁶⁷. На этой основе складывается коллективный образ чеченского война – бесстрашного защитника своей родины, сильного и гуманного, хорошо знающего оружие и умеющего воевать. Этот образ лепился усилиями лидеров и профессиональных пропагандистов. Среди чеченцев, как и среди большинства народов Кавказа, распространен цикл нартского эпоса; однако, нартские сказания вайнахских народов заметно отличаются от осетинских и адыгских, благодаря чему они получили наименование «нарт-орстхойского эпоса».

Главное отличие, помимо различий в сюжетах и некоторых персонажах, состоит в том, что во многих сюжетах нарты рассматриваются не как в целом положительные, а скорее как отрицательные герои («орстхойцы»), совершающие набеги на мирное население, и которым противостоят местные герои. Скорее всего, эти сюжеты отражают древние конфликты между вайнахскими и соседними адыгскими и аланскими племенами, которые являлись основными носителями нартского эпоса. Здесь важно отметить тот факт, что набеговая практика, известная всем северокавказским народам, на определенных этапах их развития, «генетически не связана с межэтническими конфликтами новейшего времени. Она получила распространение задолго до складывания устойчивых этнических общностей и практически сошла на нет в условиях российского военно-политического господства. Характерно, что набеговая практика возобновляется в моменты ослабления центральной власти, теряющей контроль за ситуацией в регионе»²⁶⁸. Однако, по нашему мнению, все это не может служить оправданием тезиса об исключительно воинственном

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001. - С.36.

характере вайнахов, являющимся чуть ли не единственной причиной этнополитического конфликта. Воинская этика была характерна как для народов, находящихся на стадии военной демократии, так и в обществах с более развитой классовой структурой, где «воинская мобильность населения играла важную роль. В подобных условиях обладание и владение оружием было не просто залогом собственной безопасности и независимости но и фактором престижа»²⁶⁹. Следует отметить как факт, что «в регионе полным ходом идет возрождение дремавших во времени форм раннефеодального и предфеодального бытия»²⁷⁰, и происходит активизация и резкое обострение влияния на социокультурную жизнь этноса средневековых норм жизни, средневековых семантико-символических контекстов, стереотипов, норм и канонов. К этим нормам С.А. Арутюнов, в частности, относит реанимацию средневекового кодекса чести горцев, для которого характерны: особая церемониальность; формально-рыцарские нормы поведения: нетерпимость к нарушению эталонов обычного права (адата); жестокость и пренебрежение к людям, обладающим низким социальным статусом или принадлежащим к инокультурным этносам; преклонение перед высоким социальным положением и властью; позитивная оценка насилия и грабежа; существование двойного стандарта в поведении по отношению к «своим» и к «чужим»; особый пиетет к оружию и собственности и т.д. Но «по большому счету, заявление, а тем более научно-литературная сентенция, что «все чеченцы гордые и свободолюбивые», ничем не отличается от заявления, что «все чеченцы воры и бандиты», ибо оба порождены бытовыми фантазиями и никакого отношения к научному и даже разумному восприятию действительности не имеют»²⁷¹. Район Северного

²⁶⁸ Там же. - С.48. .

²⁶⁹ Там же.-С.32.

²⁷⁰ Арутюнов С.А. Указ соч.- С.16.

²⁷¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – С. 187-189.

Кавказа имеет богатую историю войн и современных межэтнических конфликтов: «отношения между кавказскими вассальными государствами, действовавшими в интересах какой-либо из могущественных держав, были далеки от доверительных и добрососедских, даже в том случае, когда здешних царей, ханов или князей связывали родственные узы...»²⁷². Поэтому не случайно к числу специфических средств, формирующих этнопсихологический облик кавказских народов и оказывающих ощутимое влияние на этнополитическую ситуацию в регионе, многие исследователи отмечают «традиционную значимость того среза социальной действительности, который связан с воинской культурой. Здесь можно говорить о наличии определенных ценностных доминант, возникших еще столетия назад и сохраняющих свое значение поныне (горский воинский этикет, культ оружия и т.д.)»²⁷³.

Однако «запутанность исторического аспекта данной проблемы и стремительная политизация национального сознания вели к гипертрофии этнотерриториальных признаков идентичности. Это в свою очередь способствовало возрождению «милитаристских» элементов в сознании»²⁷⁴. Этническим сообществам свойственно то, что одним из «материалов», в котором воплощается их себя-именование и себя-выделение является ландшафт земли, территория, которая может быть исторически «привязана» также и некоторыми особенностями землевладения, скотоводства и т.п., в силу которых территория считается «своей». «При существенном сходстве базовых черт традиционной общественной организации и культуры, общности религии, у большинства северокавказских народов, разграничение «мы-они» в этническом самосознании выливалось по преимуществу в представление о границах

²⁷² Шульженко В.И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века): Монография. – Пятигорск: изд-во ПятГФА, 2001. – С.52.

²⁷³ Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001. - С.36.

²⁷⁴ Там же .- С.37.

этнических территорий»²⁷⁵. Таким образом, можно говорить о важной взаимосвязи между действием коллективной исторической памяти человеческих сообществ и их территориальной (географической) самоидентификацией. Эта связь важна для понимания того, что локальная история человеческих сообществ через механизмы коллективной исторической памяти сплачивает их вокруг собственного «Мы», воплощённого в тех или иных ценностях и святынях повседневной жизни.

Другой усиленно насаждаемый миф – это «миф об исключительной древности чеченского народа, который черпает свои аргументы из историко-лингвистических изысканий московских и петербургских (а за ними и местных) ученых о родстве с современными вайнахскими языками хурритоурартских языков, распространенных во 2-1 тысячелетиях до н.э. в Закавказье, восточной Малой Азии и северной Месопотамии. Именно ссылаясь на этот чисто академический постулат, президент Джохар Дудаев сформулировал политический лозунг, который гласил: чеченцы как «старейший народ Кавказа» должны по праву играть роль общекавказского лидера»²⁷⁶. Данные процессы способствуют актуализации, архаических комплексов групповой агрессии и самозащиты, возобновлению традиционного противостояния по принципу «мы – они». Нарушаются процессы социальной солидаризации, механизмы социокультурной идентификации, утрачивается ощущение принадлежности к более широкой - государственно-политической общности. Параллельно с процессами архаизации происходит потеря этносом тех цивилизованных завоеваний, которые были для него характерны. Наступает стагнация, которая начинает рассматриваться как основное условие национально-этнической консолидации. Формируется иллюзия того, что архаические формы культуры этноса только и составляют основу его самобытности, уникальности и

²⁷⁵ Там же.

всемирной значимости. Этнос начинает руководствоваться во всех своих действиях тем морально-нравственным комплексом, который относится к традиционной национально-этнической культуре и не имеет никакого отношения к правовым канонам современной государственной жизни. Все это приводит к полному неподчинению государственно-правовым нормам, которые стали существовать в тех символических контекстах, которые фактически разрушают современные структуры и институты государственно-правового регулирования. «Таким образом, важнейшим признаком состояния демодернизации можно назвать узурпацию ментального мира упрощенными и ограниченными версиями происходящего, как в прошлом, так и в настоящем»²⁷⁷.

Превалирование сельского образа жизни над городским, хорошо организованные клановые связи и сословные принципы взаимодействия, повышенная инерционность архаических форм регуляции социокультурной жизни, освященный авторитетом старшего поколения (геронтологические принципы организации статусно-ролевых коммуникаций в этносе) приводят к тому, что социальная консолидация уступает место внутриэтническим связям, узко национальным приоритетам, солидарности по принципу землячества. По нашему мнению, результатом этнополитического конфликта является формирование общества переходного типа, для которого характерен ряд признаков:

- неустойчивость, повышенная изменчивость социальной структуры, что ведет к быстрой маргинализации этноса, к нарастанию стрессовых состояний общественного сознания и культуры в целом на фоне медленного и трудного формирования новых институтов и структур;

²⁷⁶ Тишков В.А. Указ. соч. – С. 45.

²⁷⁷ Там же. – С. 52.

- господство многоукладности, что неизбежно сопрягается с сильной внутрикультурной регламентацией на разных уровнях. Для вайнахского этноса это отражается в феномене одновременного существования трех систем нравственно-правового регулирования: адата (обычное право, самая ранняя архаическая система нравственно-моральной регуляции, построенной на власти авторитета и суггестивных элементах); шариат (исламское «племенное» или «общинное» право); канон - право, источником которого является легитимный субъект (феодал, Российская империя, советское, постсоветское государство, своя собственная автономная республика).

- маргинализация общества, связанная с утверждением многообразия ценностей, интересов, образцов, их амбивалентностью и относительностью, порождает так называемое «теневое поведение», разрушающее традиционные нормы и стандарты поведенческих стереотипов, что мешает быстрому построению общей модели организации для всего социума. Маргинализация приводит к нарушению субординационных связей в обществе, к размыванию представлений о том, что можно, чего нельзя, что положено той или иной социальной группе по праву. Присвоение этого права выше- или нижестоящими группами оборачивается потерей представлений об истинной границе власти и социальном статусе того или иного слоя. Низовые и элитные социальные слои перестают понимать друг друга, одни и те же смыслы трактуются ими совершенно по-разному.

С позиций социокультурной методологии становится понятно, что любой кризис государственности неизбежно вызывает девальвацию традиционных ценностей, с ним связанных, и активизацию архаических пластов сознания, архаических символов, которые берут на себя стабилизирующую роль. При резкой структурной перестройке социальных, экономических, культурных связей начинают развиваться процессы, сопряженные с потерей критериев

социального статуса и новым обретением значения идеологемы «кровь и почва». «Семья и семейные связи оказываются разрушенными, сложившиеся нормы отношений меняются, мораль и психологический климат диктуются переживаемыми травмами и непереживаемыми до этого жизненными проблемами»²⁷⁸.

Поскольку принадлежность к этническому сообществу определяется тем, в какой мере индивид усвоил традиционные уклады жизни, то признание индивида в качестве полноправного участника этнического сообщества связано с более или менее выраженными формами инициации, которые даны им в виде усвоенных всеми структур повседневности, являющихся обязательным элементом их коллективной самоидентификации, обнаруживающей себя в представлениях о справедливости (в противовес «законности»), в представлениях о правде (в противовес объективной истине), в представлениях о том, «как принято» делать то или иное. Наряду с бытовой, структурно-повседневной самоидентификацией имеет место и духовная (мировоззренческая) самоидентификация, которая также связана с действием коллективной исторической памяти. Вопрос о том, во что верить, каких ценностей придерживаться - это в этнических сообществах отнюдь не индивидуальное дело каждого отдельного человека.

Так, тейповая организация – это первичная социальная среда, где формируется чеченская личность. «Немаловажную роль в сохранении этой специфики, возможно играет именно полиэтничность Северного Кавказа и в связи с этим сознательное или неосознанное стремление живущих здесь народов сохранить свой особый этнический облик»²⁷⁹. Компактное проживание

²⁷⁸ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М.: Наука. 2001. – С. 53.

²⁷⁹ Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / От. Тед. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996-- С.131.

тейповых групп в значительной степени способствует развитию внутригрупповых контактов. При этом родственные и соседские контакты совпадают, способствуя тем самым сохранению тейпово-родственных отношений. Тейповая группа, как и фамильная, выступает перед мнением села как нечто целостное, каждый ее член стремится поддерживать авторитет своей тейповой группы, и поэтому осуждение родственника за отход от родовых и религиозных предписаний переживается и осуждается всеми ее членами.

Картина мира, развертывающаяся и закрепляющаяся в повседневном народном сознании, определяет структурную систему, упорядочивающую мир при помощи принятой иерархии ценностей. При этом отбор культурных установлений и делает культуру того или иного народа тем, чем она является. Система установлений данной культуры обратно влияет на избирательность восприятия, на отбор символов и значений, на характер отношения народа к миру, на отношение к «чужой» культуре, на выбор культурно обусловленных образцов поведения. С одной стороны, это выработка различных социальных институтов (например, национальное собрание - прототип современного парламента, социальная иерархия по типу: воин-лидер, старейшина рода, отец-семья и т.д.; народная дипломатия, братские и сестринские союзы, культ гостеприимства и неприкосновенности гостя, уважение к собственности и т.д.), с другой, феномен фетишистских форм национального самосознания (приверженность национальному идеалу и идеальному типу), позволяющие сохранить национально-культурную идентичность, вырабатывать механизмы, герметизирующие этнические смыслы существования вайнахов и их достаточно жесткое и сугубо избирательное отношение к иной культуре. Несмотря на то, что для кавказского этнокультурного самосознания некоторые общероссийские стандарты остались неприемлемыми, за пределами бытовой повседневности (в общественно-политическом устройстве, правовой системе, профессиональной

культуре, науке, информации) общероссийские культурные ценности присутствуют достаточно мощно. Это сложное существование и своеобразный культурный диалог должны поддерживаться как наиболее оптимальные для данного региона России.

Существование адаптационных механизмов в народной культуре придает особое значение изучению тех ценностных ориентации, которые отражают глубинные и почти неосознаваемые стереотипы, модели восприятия мира, пространства, времени, человека и способов его деятельности. Данные стереотипы оказывают в кризисных ситуациях особенно значимое влияние на мотивы, ожидания, формы и способы деятельности этноса.

В процессе ретрансляции культурных форм особое значение приобретают этнические символы, в которых аккумулируются консолидирующие этнос смыслы и значения, идеалы и ценности. Именно их воспроизводимость посредством информационных связей этноса обеспечивает его идентичность и стабильные, константные структуры его сознания. Через символ актуализируются древнейшие, сущностные представления этноса, которые скрыты последующими социокультурными наслоениями. Поэтому изучение древних этнических символов позволяет не только реконструировать историю этноса, его систему миропонимания, но и проследить его современную динамику, особенности саморефлексии.

В ходе исследования этнополитического конфликта в Чеченской Республике в его социокультурном измерении можно сделать некоторые обобщения и выводы:

- «этнический» национализм следует связывать не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых – а вместе с тем и в противовес которым – он появился, т.е. это скорее не идеология в классическом

европейском смысле, а феномен, стоящий в одном ряду с «родством» и «религией».

- необходимо учитывать, насколько формирующиеся институты власти и нормы их функционирования коррелируют с политической традицией соответствующего этноса, поскольку отношения власти и влияния, господства и подчинения между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными связаны всегда с контролем и распределением определенных ресурсов, основывающихся на доминирующей в данной культуре системе норм и ценностей.

- современные структуры повседневности опираются на новый порядок, который не отражается в какой-либо универсальной понятийной, ценностной или идеологической системе. Этот порядок не диктуется из единого центра, а осуществляется на местах, предопределяя образ человека, представления о нем, о его месте и роли в мире, а также парадигму его действий в принятой данной культурной системе ценностных координат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая социокультурный анализ этнополитического конфликта в Чеченской Республике, следует отметить, что формирование новых методологических подходов к анализу этнополитических процессов является актуальной потребностью российского обществознания, т.к. современное состояние политического, конфликтологического, этнологического знания не позволяет достаточно полно и точно представить теоретический образ исследуемой реальности. Важным требованием, имеющим решающее значение при исследовании этнополитических конфликтов, является необходимость учитывать разно уровневый характер социокультурных процессов

предопределяющих направленность и динамику этнополитического конфликта. Рассматривая содержание культуры на всех его уровнях - общесоциальном, групповом и личностном, мы выполняем основное требование социокультурного подхода - сосредоточение на комплексном анализе этнополитических процессов. Этот подход требует помещения рассматриваемых тенденций в целостные контексты, т.е. постоянного учета их места в социокультурных процессах, их общераспространенности либо уникальности. Именно это требование чаще всего нарушается при исследовании этнополитических конфликтов, чем снижается обоснованность, применимость и результативность практических рекомендаций

В диссертации показано, что социокультурный анализ этнополитических конфликтов позволяет выявить такие его аспекты, которые не являлись ранее предметом теоретического рассмотрения. Это, прежде всего, касается проблемы социокультурной методологии исследования этнополитического конфликта, позволяющей представить социокультурную жизнь этноса как динамическое поле, в котором выделяются макро- и микроуровни - от геополитики до повседневности.

Концептуальный анализ теоретических подходов к анализу этнополитических процессов позволяет утверждать, что если традиционные модели этнополитических конфликтов пытаются объяснить множество соотносимых между собой событий сведением их к определенному состоянию одного фактора, то социокультурная модель этнополитического конфликта объясняет одно событие обусловленностью состоянием нескольких факторов. Данная позиция позволяет объединить сразу несколько идентичностей: религиозную, лингвистическую, региональную, этническую и т.п., поскольку в любой культуре обнаруживаются не только различные основания для идентификации, но и реальные объединения людей, использующие эти

основания для группового самоопределения. В связи с этим установка на многоуровневый и многофакторный характер этнополитического конфликта, является наиболее адекватной с позиции социокультурного подхода, а выявление постоянных и переменных социокультурных факторов, определяющих динамику этнополитических конфликтов, позволяет рассматривать их в зависимости от места, времени и других составляющих, поскольку в каждом конкретном случае исследования того или иного этнополитического конфликта постоянные и переменные факторы, обуславливающие динамику его протекания, будут не только различны, но и противоположны, т.е. в одном случае те или иные параметры будут постоянными, а в другом – переменными.

Общим для этнополитических конфликтов является наличие этнического фактора или признаков, которые могут восприниматься в качестве этнических, и этот этнический фактор значит столь много в рассматриваемых конфликтах, что всякая иная идентификация человека: социально-профессиональная, политическая, региональная или имущественная - отходит на второй план. Диссертант стремится доказать, что «этнический» национализм, в том числе и «этнический» национализм в чеченском кризисе, следует связывать не с принимаемыми на уровне самосознания политическими идеологиями, а с широкими культурными системами, которые ему предшествовали и из которых, а, вместе с тем, и в противовес которым, он появился.

В чеченском этносе в его отношении к религии можно видеть такой случай самосознания, одновременно и религиозного, и этнического, который в каждый конкретный момент исключает другие способы самоидентификации.

Институты государства не рассматривается в традиционной этнологии, так как считается чем-то внешним. Однако с предлагаемой точки зрения государство является «над-структурой», регулирующей жизнедеятельность

этноса, и возникает в результате развития этноса под давлением внешней среды как следствие необходимости противостоять неблагоприятным внешним и внутренним воздействиям, то есть в результате воздействия надсистемы. Считая, что государственные и другие структуры являются производными от структуры этноса, можно построить более адекватную модель их взаимоотношений. В диссертации на примере Чечни показана важность того, насколько формирующиеся институты власти и нормы их функционирования коррелируют с политической традицией соответствующего этноса, поскольку отношения власти и влияния, господства и подчинения между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными связаны всегда с контролем и распределением определенных ресурсов, основывающихся на доминирующей в данной культуре системе норм и ценностей. Именно из этих фактов необходимо исходить в практической деятельности, понимая, что попытки сегодня сконструировать некую умозрительную «правильную модель» федерализма нереалистичны. Стремление реализовать подобные идеальные конструкции может лишь спровоцировать новую активизацию центробежных тенденций. Правовой плюрализм в Чечне и республиках Северного Кавказа может оказаться более эффективным, чем «единое правовое пространство». Тем не менее, традиционная политико-правовая система может быть рассмотрена только как дополняющая по отношению общегосударственной.

Углубление в современном мире процессов глобализации требует внимательного отношения к структуре национально-этнического сознания и его изменений, его динамике, поскольку современная модернизация включает в себя социальные, экономические, технологические процессы, которые разрушают традиционную структуру этноса, что субъективно воспринимается как угроза существованию этнического сообщества. Важным социокультурным фактором, катализирующим такого рода процессы, является этническая

мобилизация, то есть целенаправленная деятельность, связанная с активизацией этноидентификации, формированием и распространением националистической идеологии с этноцентристскими акцентами, институционализацией действий, направленных на самоопределение.

Внимание к структурам повседневности объясняется тем, что жизненный мир этноса, в том числе и чеченского, не отражается в какой-либо универсальной понятийной, ценностной или идеологической системе. Этот порядок не диктуется из единого центра, а осуществляется на местах, предопределяя этнический образ, представления о нем, о его месте и роли в мире, а также парадигму его действий в принятой данной культурной системе ценностных координат.

Социокультурный подход нацелен на осмысление противоречия между культурой и социальными отношениями, т.е. изучает не собственно характеристики того или иного типа сознания, но момент столкновения последнего с социальной реальностью, воплощения культурного проекта, иными словами, переход человеческих представлений в реальную организацию жизни общества. Двойственная обусловленность символической формы – представлением, с одной стороны, и культурным контекстом – с другой – позволяет сделать областью анализа сочетание, взаимодействие этих двух классов факторов и соответственно определять динамику культурной значимости символов в зависимости от близости к каждому из полюсов в типичных социокультурных ситуациях.

Социокультурный подход меньше направлен на изучение действий политических лидеров, элит, меньше интересуется политическими решениями и не склонен преувеличивать возможности властвующего субъекта, отрицая способность политических решений определяющим образом влиять на социальные процессы. Политическая культура, с позиций этого подхода, - это

прежде всего представления о власти, ее субъектах, нормах, нравах и обычаях, определяющих политическое поведение. Поэтому исследование национального сознания, этнокультурных символов в современной ситуации политико-государственного кризиса в Чеченской Республике позволяет понять реальные механизмы объективации национально-этнических стереотипов и смоделировать реакцию этноса на те или иные культурные, политические, идеологические, социально-экономические инновационные стратегии в условиях кризисного социума.

На основе полученных результатов, автор считает, что именно социокультурные исследования этнополитических процессов могут послужить отправной точкой дальнейшего движения как в понимании этнополитических конфликтов, так и быть значимыми для методологии их дальнейшего исследования. В связи с вышесказанным, диссертант считает, что дальнейшее исследование этнополитических конфликтов возможно только как комплексное, полиметодологическое, ориентированное на современный тип исследования с широким привлечением достижений политологии, этнологии, социологии, антропологии.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. 1995.- № 1.
2. Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. Северный Кавказ в этнической картине мира / Под ред. В.А. Шаповалова. Ставрополь, 1988.
3. Авксентьев В.А. Проблемы теории и моделирования этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии

- разрешения. Вып. 18; Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
4. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.
 5. Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология // Социологические исследования. – 1996. - №12.
 6. Агаев А.Г. К вопросу о теории народности. - Махачкала, 1985.
 7. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. – М., 1983.;
 8. Андреева Г.М. Социальная психология. – М.,1980.
 9. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992.
 10. Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Полис. 1997.- №6.
 11. Амелин В.В. Вызовы мобилизованной этничности. Конфликты в истории советской и постсоветской государственности. - М., 1997.
 12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001.
 13. Аникеев А. А., Крикунов В. П., Невская В. П. Северокавказская цивилизация: проблемы типологии // Актуальные проблемы историографии и методологии истории. Ставрополь. 1997.
 14. Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб.: Изд. Наука, 2001.
 15. Арутюнов С.А. Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 2. - М., 1972.
 16. Арутюнов С.А. Шариату на Северном Кавказе необходимо создать легальную правовую нишу. // Итоги. 1999. 19 января. С.16.

17. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. – М., 1987.
18. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Суколоков А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. – М. 1998.
19. Аствацатурова М.А., Савельев В.Ю. Диаспоры Ставропольского края в современных этнополитических процессах. – Ростов –на - Дону – Пятигорск. Изд. Северо-Кавказской академии государственной службы. 2000.
20. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) Т. 1. Новосибирск: “Сибирский хронограф”, 1997.
21. Бабин И.А. Миростроительство в контексте культуры мира / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
22. Баграмов Э.Я. К вопросу о научном содержании понятия «национальный характер». – М., 1973.
23. Баньковская С.П. Воображаемые сообщества как социологический феномен. Вступ. ст. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма – М., 2001.
24. Барбашин М.Ю. К понятию этнополитического конфликта // Южнороссийское обозрение. Вып. 6. Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления. - Ростов-на-Дону. 2002.
25. Белозеров В.С. Новейшие тенденции этнических миграций на Ставрополье и проблемы региональной политики / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
26. Бенедикт Рут Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры Т.1 – СПб.: Университетская книга, 1997.

- 27.Берсанова З. Система ценностей современных чеченцев (по материалам опросов) //Чечня и Россия. Общества и государства./ Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М.,1999.
- 28.Бороноев А.О. Нравственно-психологическое единство образа жизни советского народа. – Л., 1978.
- 29.Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. – Л., 1994.
- 30.Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские: характер и судьбы страны. – Л., 1992.
- 31.Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М. 1983.
- 32.Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М., 1987.
- 33.Бурмистрова Т.Ю., Дмитриев С.А. Дружбой сплоченные: культура межнационального общения в СССР. – М., 1986.
- 34.Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство: их сущность о общественно-политический смысл // Социологические исследования. 2000.-№9.
- 35.Вагапов А. Д. Славяно-нахские лексические параллели. Грозный, 1994.
- 36.Вартумян А.А. Развитие политического процесса и проблемы южнороссийской конфликтологии / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
- 37.Вебер М. Избранные произведения. - М.: Прогресс, 1990.
- 38.Гаджиев А.Х. Социально-психологические проблемы марксистско-ленинской этнической психологии. – Махачкала, 1978.
- 39.Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001.
- 40.Гаджиев К.С. Политическая наука М., 1994.

41. Гакаев Дж. Чеченский кризис: Истоки, итоги, перспективы: Политический аспект. М., 1999.
42. Соловьев А.И. Власть в политическом измерении // Вестн. МГУ. Сер.12. Политические науки.1997.- №6.
43. Гасанов М. Р. Палеокавказская этническая общность и проблема происхождения народов Дагестана. Махачкала, 1994.
44. Гелд Дж. Основы поведенческой географии. М., 1990.
45. Геллнер Э. Нации и национализм. - М., 1991.
46. Геллнер Э. От родства к этничности // Цивилизации. Вып.4, М., 1997.
47. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса// Путь.1992. №1.; Нации и национализм / Б. Андерсенн, О. Бауэр, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум и др.; Пер с англ. И нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского – М.: Праксис, 2002.
48. Глухова А.В., Красова Е.Ю. Политико-психологические контroversы этнических конфликтов // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 18; Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
49. Губогло М.Н. Национальные процессы в СССР. – М., 1991.
50. Губогло М.Н. Языки этнической мобилизации. – М., Изд. Наука, 2001.
51. Гумилев Л.Н. Биосфера и импульсы сознания // Природа, 1978. - № 12.
52. Гумилев Л.Н. О термине "этнос" // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. - Л., 1967. - Вып. 3.
53. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л., 1990.
54. Гуревич А.Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
55. Д. Бидни. Культурная динамика и поиски истоков // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997.

56. Дашдамиров А.Ф. К методологии исследования национально-психологических проблем // Советская этнография. – 1983. - №2.
57. Денисова Г.С. Русское население Северного Кавказа: динамика статусных позиций и социальное самочувствие // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
58. Дмитриев А.В. Конфликтность миграции: проблемы взаимоотношений мигрантов и резидентов / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
59. Доган И. Легитимность режимов и кризис доверия // Социологические исследования- 1997.- №9.
60. Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция северной Евразии. // Полис- 1995.- №3.
61. Дробижева Л.М. Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений. – М. 1980.
62. Дробижева Л.М. Федеративные и межнациональные отношения в Российской Федерации / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
63. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. Москва, 1996.
64. Дэнкен Ж.-М. Политическая наука. – М., 1993.
65. Дюркгейм Э. Метод социологии / Западно-европейская социология XIX-начало XX веков / Под ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.
66. Жильцов С.С., Зонн И.С., Ушков А.М. Геополитика Каспийского региона. – М., 2003.

67. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., Наука, 1988.
68. Запрудский Ю.Г. Региональные конфликты: понятие и специфика Северного Кавказа / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
69. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М., 1997.
70. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М.: Аспект-пресс, 1996.
71. Иванова С.Ю. Мультикультурализм: идеология и политика социальной и этнокультурной стабильности полиэтнических обществ. / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
72. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: INTRADA. 2001.
73. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
74. Ислам и народная культура. Отв. ред. В.Н. Басилов, Б.Р. Логашова. М., ИЭ РАН. 1998.
75. Кавказ: проблемы геополитики и национально-государственные интересы России. Ростов н/Д, 1999.
76. Капустин Б.Г. Мораль и политика в западноевропейской политической философии / От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). М., 1994.
77. Картунов А.В. Маруховская О.А. Полипарадигмальный подход к изучению этнополитических конфликтов / Социальные конфликты: экспертиза,

- прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
- 78.Картунов А.В. Маруховская О.А. Этнополитические конфликты: основные тенденции развития //Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
- 79.Качанов Ю.Л. Политическая топология: структурирование политической действительности. М., 1995.
- 80.Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. М., 1986.
- 81.Козлов В.И. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. – М., 1969.
- 82.Козлов В.И. О некоторых методологических проблемах изучения этнической психологии // Советская этнография. – 1983. - №2.
- 83.Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // Советская этнография, 1974. - № 2.
- 84.Кон И.С. Социология личности. – М., 1967.
- 85.Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития // Полис №4. – 1995.
- 86.Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / Под. ред. Е.И. Степанова. М., 1999.
- 87.Коркмазов А.Ю. Этнополитические процессы и их специфика на Северном Кавказе. Автореферат дисс. Ставрополь, 1997.
- 88.Королев С.И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов. – М., 1970.
- 89.Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997. -Т.2 -№ 3.

- 90.Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997.Т.2-№ 3.
- 91.Котанджян Г. С. Этнополитология консенсуса-конфликта. - М., 1992.
- 92.Краткий этнологический словарь. Москва: фонд “Социальный мониторинг”, 1995.
- 93.Кребер Алфред Л. Конфигурации развития культуры // Антология исследований культуры Т. 1 – СПб.: Университетская книга, 1997.
- 94.Кузнецов Ю.П. Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. - СПб., 1998.
- 95.Кухианидзе А. В. Кавказоцентристская концепция демократии // Научная мысль Кавказа. 1995. № 4.
- 96.Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1949, VIII.
- 97.Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. - М., 1951.
- 98.Кцоева Т. У. Кавказский суперэтнос // Эхо Кавказа. 1994. - № 2;
- 99.Леви-Стросс К. Первобытное мышление. - М., 1994.
100. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М, 1983;
101. Маценов Д.Н. Западные политологи о межнациональных отношениях в СССР //МЭиМО. - 1991. -№ 8.
102. Мельков С.А. Исламский фактор и военная политика России. - М.: Изд-во Военного Университета, 2001.
103. Натасюк Н.П. Геополитические факторы возникновения и развития этнических конфликтов (на примере Приднестровья) : Автореф. дисс. канд полит. наук. – СПб., 1994.
104. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994.

105. Мертон Р.К. Явные и латентные функции / Американская социологическая мысль: Тексты /Под. Ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.
106. Мид Дж. Интернализированные другие и самость / Американская социологическая мысль:Тексты /Под. Ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.
107. Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973.
108. Нахушев В.Ш. Основы позитивного межнационального диалога и субъект - субъектных отношений этнонаций / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
109. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М., 1999.
110. Овчинников В. С. Политические конфликты и кризисные ситуации // Социально-политические науки. -1990. - № 10.
111. Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. – М.: Изд-во МГИК, 1994.
112. Паин Э.А. Пределы использования вооруженных сил в антитеррористических операциях, в зонах гражданских войн, межэтнических и межконфессиональных конфликтов / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
113. Пай Л. Политическая коммуникация // Политология: краткий тематический словарь. – Вып.1. – М., 1992
114. Панарин А.С. Политология. М., 1997.
115. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем. / Американская социологическая мысль: Тексты /Под. Ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.

116. Патракова В. Ф., Черноус В. В. Русская (российская) цивилизация // Российская историческая политология. Ростов н/Д, 1998.
117. Пивоваров Ю.С. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997.
118. Пивоваров Ю.С. Политическая культура. Методологический очерк. М., 1994.
119. Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад под редакцией В.А. Тишкова. М., 1999.
120. Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Традиции социализации детей и подростков у народов Северного Кавказа // Северный Кавказ: Бытовые традиции в XX в. / Отв. ред. В.А. Тишков, С.В. Чешко. М., 1996.
121. Расы и народы. Вып. 26. / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Ю.Д. Анчабадзе. М.: Изд. Наука, 2001.
122. Рубан Л.С. Развитие национальных языков и культур в контексте глобализации / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
123. Савва Е.В. Этнический и этнополитический конфликт: проблемы построения теоретической модели. / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
124. Санистебан Л. С. Основы политической науки. - Москва, 1992.
125. Северокавказская цивилизация: вчера, сегодня, завтра. Пятигорск, 1998.
126. Севостьянов И. "Исламский фундаментализм" и исламский экстремизм - это совсем не одно и то же // Международная жизнь. - 1996. - № 5.
127. Смирнов А.Н. Этнополитические процессы на Северном Кавказе: особенности и основные тенденции. М., 2001.

128. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.
129. Сохроков Х. Живая судьба народов // Эльбрус (Нальчик). 1999.
130. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. Отв. ред. Л.М. Дробижева. М., Изд-во Ин-та социологии РАН. 1998.
131. Степанов Е.И. Конфликтология переходного периода: методологические, теоретические, технологические проблемы / Центр конфликтологии Института социологии РАН. М., 1996.
132. Степанов Е.И. Методология анализа социальных конфликтов. Социальные конфликты в современной России. - М., 1999.
133. Степанов Е.И. Регионализация этноконфликтологии в России как альтернатива современному глобализму // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
134. Степанов Е.И. Уроки вооруженного конфликта в Чечне: глобальный и региональный аспекты / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
135. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). – М., 2001.
136. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., 1997.
137. Тишков В.А. Социальное и национальное в историко-антропологической перспективе // Вопросы философии. 1990.- №12,
138. Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий // социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 2. Ч.1. – М., 1992.
139. Тишков В.А. Этнология и политика. М.: Изд. Наука, 2001.
140. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. – М., 1978.

141. Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. - № 11.
142. Тощенко Ж.Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. – М., 2003.
143. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. - М., 1998.
144. Уайт Л.А. Экономическая структура высоких культур // Антология исследований культуры Т. 1 – СПб.: Университетская книга, 1997.
145. Уланов В.П. Полифония этнонациональных идеологий: в поисках «культурной» модели модернизации / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып.18: Этническая и региональная конфликтология. – Москва-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
146. Уледов А.К. Общественная психология и идеология. – М., 1985.
147. Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе. Концепция этнической субъектности. Ростов-на-Дону, 1997.
148. Хоперская Л.Л. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе. Ростов -на- Дону, 1998.
149. Хьюбнер Курт Нация: от забвения к возрождению - М., 2001.
150. Цюрхер К. Мультикультурализм и этнополитический порядок в постсоветской России // Полис, 1999.- №2.
151. Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. – М., 1985.
152. Черноус В. В. К вопросу о горской цивилизации // Россия в XIX - нач. XX вв. Ростов н/Д, 1992.
153. Черноус В. В. Роль казачества в диалоге русской и кавказской горской цивилизаций // Россия: прошлые, сегодняшние реалии и перспективы развития. Новочеркасск, 1994.

154. Черноус В. В. Россия и народы Северного Кавказа: проблемы культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа, 1999. № 3.
155. Черноус В.В. Социально-политический процесс на Юге России: от вспышки ксенофобии к регенерации этнокультурного взаимодействия и осознанного единого гражданства // Ксенофобия на юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 6. Отв. редактор В.В. Черноус – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002.
156. Чеснов Я.В. Быть чеченцем: Личность и этнические идентификации народов // Чечня и Россия. Общества и государства./ Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М.,1999.
157. Чешко С.В. Человек и этничность. // Этнографическое обозрение, 1994, №6.
158. Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра. М., 1997.
159. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. - Шанхай, 1923.
160. Шихирев П.Н. Динамика и особенности современного этнического конфликта // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып.10. – М., 1995.
161. Шихирев П.Н. Проблемы исследования межгрупповых отношений / Психологический журнал. – 1992. – Т.13 - №1.
162. Шульженко В.И. Кавказский феномен русской прозы (вторая половина XX века): Монография. – Пятигорск: изд-во ПятГФА, 2001.
163. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. Под ред. В.И. Добренькова. - М., 1996.

164. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты. Под ред. В.И. Добренькова. - М., 1996.
165. Эванс-Причард Эдвард Э. Сравнительный метод в социальной антропологии // Антология исследований культуры Т. 1 – СПб.: Университетская книга, 1997.
166. Эджубов Л.Г. Простое и сложное в социокультурологических концепциях // Вопросы философии. - 1996.- №12.
167. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. Общая редакция и предисл. Толстых А.В. - М., 1996.
168. Этингер Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль. -1993. – № 3.
169. Этнические проблемы современности. Вып.5. Проблемы гармонизации межэтнических отношений в регионе. Материалы научной конференции (14 –15 сентября 1999 г.). Ставрополь, 1999.
170. Этнологический словарь. Вып.1. Этнос. Нация. Общество, / Козлов В.И. (науч. ред). – М., 1996.
171. Этнология: Учебник. Для высших учебных заведений. – Под ред. Г.Е. Маркова и В.В. Пименова. – М., 1994.
172. Этнос и политика. – М., 2000.
173. Этнос и религия. Отв. ред. Б.-Р. Логашова. М., ИЭ РАН. 1998.
174. Эфендиев Ф.С. О толерантности горцев Северного Кавказа (взгляд культуролога) / Этнические конфликты и их урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
175. Юрченко В.М., Кольба А.И. Государство как медиатор этнополитических конфликтов на Северном Кавказе / Этнические конфликты и их

- урегулирование: взаимодействие науки, власти и гражданского общества: Сборник научных статей. – Москва - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002.
176. Anderson B. Imagined Communities; Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983.
177. Barth F., ed. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Differences. Bergen/London, 1969
178. Barnes B. Scientific knowledge and sociological theory. - L., 1974. - X, 39 p.
179. Blumer H. Symbolic Interactionism. Prentice – Hall, N.-Jersey, 1978.
180. Bonks V. Ethnicity: Anthropological Constructions. London - New-York. 1996.
181. Bourdieu P. Espace social of genese des classes. Actes de la recherche on science sociaux. Paris, 1984, № 52-53.
182. Breuilly J. Nationalism and the State. Chicago, 1982.
183. Brubaker R. Nationalism Reframed. Nationhood and National Question in the New Europe. Cambridge, 1996.
184. Bruner J.S. Child's Talk. Acts of meaning. Cambridge: Harvard University. Press 1990.
185. Clifford, James. Introduction: Partial Truths. In: Clifford, J. and Marcus G.R. (eds.) Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Pr., 1986.
186. Cole M. Socio-cultural-historical psychology: Some general remarks and a proposal for a new kind of cultural-genetic methodology // Sociocultural Studies of mind. New York. Cambridge University Press, 1995.
187. Connor W. Eco- or Ethno-nationalism? // Ethnic and Racial Studies. 1978. Vol. 1, 2 3.
188. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. - Princeton, New Jersy , 1994.

189. D'Andrade. Introduction: John Whiting and Anthropology. In: Whiting J.W.M. Culture and Human Development: Selected Papers, 1994.
190. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie. Vol. II. Mille Plateaux. 1980.
191. Deutsch K. Nationalism and Communication. Cambridge, 1953; Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983; Hobsbawm E. Nations and nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge, 1990.
192. du Preez P. The Evolution of Altruism: A Brief Comment on Stern's «Why Do People Sacrifice for Their Nations?» // Political Psychology, 1996, V. 17, 3.
193. Elmer G., Elmer E. – Ethnic Conflicts Abroad: clues to American future? - Monterey, VA, 1988.
194. Fisher M.P. Creating Ethnic Identity: Asian Indies in the New-York Area // Urban Anthropology, 1978. - Vol. 7.
195. Gambino R. Blood of My Blood: The Dilemma of the Italian - Americans. N.Y., 1974.
196. Geertz C. The Interpretation of Culture. New-York, 1973.
197. Goulbourn H. Ethnic Mobilization, War and Mutli-Culturalism // War and Ethnicity: Global Connections and Local Violence.
198. Greenberg S. Race and State in Capitalist Development: Comparative Perspectives. New Haven, 1980.
199. Griger P. La caractérologie ethnique. Paris, 1965.
200. Gurr T. Why Do Minorities Rebel? // Federalism against Ethnicity? / Ed. By G. Bachler. – Zurich, 1997
201. Hobsbawm E., Ranger T., eds. The Invention of Tradition. Cambridge, 1983.
202. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Cambridge, 1996
203. Hraba J. American Ethnicity. – Itasca, III., 1994.

204. Inkeles A. and Levinson D.Y. The Study of Modal Personality an Sociocultural Systems // The Handbook of Social Psychology. Ed. By C. Lindsey and E. Aronson. London, 1969, vol. IV.
205. Irvine S.H., Berry I.W. Human Abilities in Cultural Context. Cambridge, 1988.
206. Jenkins R. Social Anthropological Models of Interethnic Relations // Rex J., Mason D., eds. Theories of Race and Ethnic Relations. Cambridge, 1986.
207. Kaidiner A. and Lipton R. The Individual and His Society. N.Y. Columbia University Press, 1945.
208. Kejes F The Dialectic of Ethnic Change // Ethnic Change \ Ed. By Ch. F. Keyres. – Seattle, London, 1981.
209. Lipshutz R.D. Seeking a State of One s Own: an Analytical Framework for Assessing Ethnic and Sectarian Conflicts // The Myth of “Ethnic Conflict”: Politics, Economics, and “Cultural” Violence. Beverly, Cal., 1998.
210. Madariada S. Englishman, Frenchman, Spaniards. London, 1970.
211. Mann M. The Sources of Social Power/ Vol. I. Cambridge, 1986.
212. Marshall M.G. Systems at Risk: Violence, Diffusion, and Disintegration in the Middle East // Wars in the Midst of Peace: The International Politics of Ethnic Conflict / Ed by Carment D., James P. - Pittsburg, PA, 1997.
213. Moorman M. Ethnic; identification in a complex civilization: who are the Lue? // American Anthropologist. - V. 67, 1965.
214. North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990.
215. Okamura J. Situational Ethnicity // Ethnic and Racial Studies, 1981. - Vol. 4
216. Orther S. Theory in anthropology since the sixties // Comparative studies of Society and History, 1984. - v. 26.
217. P. Rabel and A. Rosman. The Past and the Future of Anthropology. // Journal of Anthropological Research. 1994, Vol. 4, No 4.

218. Ross M. *The Culture of Conflict*. – New Haven – London, 1993.
219. Rosel J. *Nationalism and Ethnicity: Ethnic Nationalism and the Regulation of Ethnic Conflict // War and Ethnicity: Global Connections and Local Violence*. 1996.
220. Segall M.H. Campbell D.T., Herskovitz M.J. *The Influence of Culture on Visual Perception*. Indianapolis; Bobbs-Merril, 1966.
221. Shaw P., Wong Y. *Genetic Seeds of Warfare. Evolution, Nationalism and Patriotism*. L. 1989.
222. Shweder R.A. *Preview: A colloquy of culture theorists // Culture Theory; Essays on mind, Self and Emotion*, New York, 1984.
223. Smith A.D. *Ethnic Identity and Territorial Nationalism // New York*, 1992.
224. Stanley R. Barrett. *The Rebirth of Anthropological Theory*. Toronto, Buffalo, L.: Univ. of Toronto Pr., 1984.
225. Steward, Julian H. *Theory of cultural change*. Urbana III.: University of Illinois Press. 1994.
226. Tajfel H. *Aspects of national and ethnic loyalty // Social science information*. Oxford-Edinburg, 1971
227. Tajfel H. *Social influence and the formation of national attitudes // Interdisciplinary relationships in the social science*. Chicago, 1969
228. Van den Berghe P.L. *The Ethnic Phenomenon*. N.Y., 1985.
229. Waud H. Kracke. *Reflections on the Savage Self: Introspection, Empathy, and Anthropology*. In: M.M. Suarez-Orozco. (ed.) *The Making of Psychological Anthropology II*. Harcourt Brace College Publisher, 1994.
230. Weber M. *Wirirtschaft und Gesellschaft*. 5. Aufl. Tubigen: Mohr. (Siebeck), 1985.
231. Wolf E.R. *Religious Ideas: Race, Culture, People // Current Anthropology*, 1994, V. 35, 1.

232. Woodworth R.S. Racial differences in mental traits. Science? 1910. - v. 31.